

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДОВЫ
ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

На правах рукописи
С.З.У: 343.123 (043.2)

СТАДНИЦКИ ЛИЛИЯ

**ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДЕ
ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ**

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 554.03 – Уголовно-процессуальное право

Диссертация на соискание ученой степени доктора права

Научный руководитель:

ОСОЯНУ Тудор
доктор права, доцент

Автор

Кишинэу, 2016

**INSTITUTUL DE CERCETĂRI JURIDICE ȘI POLITICE AL
ACADEMIEI DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI**

Cu titlu de manuscris
C.Z.U: 343.123 (043.2)

STADNIȚKI LILIA

**ATRIBUȚIILE PROCURORULUI LA EXAMINAREA ÎN PRIMA INSTANȚĂ A
CAUZELOR PENALE**

SPECIALITATEA: 554.03 – Drept procesual penal

Teză de doctor în drept

Conducător științific:

OSOIANU Tudor
conferențiar universitar,
doctor în drept

Autor

Chișinău, 2016

© STADNIȚKI Lilia, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

АННОТАЦИЯ	5
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	8
ВВЕДЕНИЕ	9
1. АНАЛИЗ СИТУАЦИИ В ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ	16
1.1 Анализ научных работ, опубликованных в РМ	16
1.2 Анализ научных работ, опубликованных за рубежом.....	27
1.3 Выводы к главе 1.....	39
2. КОНЦЕПЦИИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ	42
2.1.Цель и функции прокурора.....	42
2.2.Статус прокурора в суде первой инстанции	63
2.3.Выводы к главе 2.....	78
3. ПОДДЕРЖАНИЕ ПРОКУРОРОМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ	81
3.1.Участие прокурора в предварительном заседании.....	81
3.2.Полномочия прокурора в подготовительной части.....	92
3.3.Поддержание прокурором государственного обвинения в ходе судебного расследования.....	101
3.4.Использование прокурором судебных прений в поддержании государственного обвинения в суде первой инстанции.....	117
3.5.Выводы к главе 3.....	131
4. ИЗМЕНЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ И ОТКАЗ ПРОКУРОРА ОТ ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ	133
4.1. Основания и процессуальный порядок изменения прокурором обвинения.....	133
4.2 Институт отказа от обвинения	148
4.3 Выводы к главе 4	167
ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ	170
БИБЛИОГРАФИЯ	175
ПРИЛОЖЕНИЯ	186
Приложение 1. Статистический анализ участия прокурора в иных (помимо допроса) процессуальных действиях в суде первой инстанции	186
Приложение 2. Материалы исследованной судебной практики.....	188
ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	193
CV АВТОРА	194

АННОТАЦИЯ

Стадницки Лилия «**Полномочия прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции**».

Диссертация на соискание ученой степени доктора права
по специальности 554.03 Уголовный процесс. Кишинэу, 2016

Структура. Работа состоит из: аннотации (на трех языках), списка сокращений, введения, четырех глав, общих выводов и рекомендаций, библиографии, приложений, декларации об ответственности, CV автора. В целом работа включает 196 страниц (165 страниц основного текста), а в список литературы включено 214 наименований. Результаты исследования опубликованы в 10 научных работах.

Ключевые слова: прокурор, уголовное судопроизводство, полномочия, правовой статус, процессуальный статус, суд первой инстанции, обвинение, государственное обвинение, поддержание государственного обвинения, фактические обстоятельства дела.

Область исследования – уголовный процесс.

Целью исследования является комплексный научный анализ теоретических концепций, юриспруденции и уголовно процессуальных норм, относительно реализации полномочий прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции для определения их эффективности и целесообразности совершенствования.

Задачи исследования: анализ ситуации в области исследования полномочий прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции; изучить концепции понятия «обвинение», установить цель и функции прокурора; выяснить сущность процессуального статуса прокурора в уголовном судопроизводстве; обосновать роль прокурора в предварительном заседании; исследовать полномочия прокурора в подготовительной части суда первой инстанции; проанализировать поддержание прокурором государственного обвинения в ходе судебного расследования; рассмотреть судебные прения в контексте участия государственного обвинителя в них; проанализировать основания и порядок изменения обвинения в судебном заседании; исследовать институт отказа прокурора от обвинения; разработать научно-обоснованные рекомендации по совершенствованию действующего законодательства в области регулирования института участия прокурора в суде первой инстанции.

Научная новизна и оригинальность обусловлены тем, что настоящая диссертация представляет собой фундаментальное исследование института участия прокурора в суде первой инстанции. Кроме того, в работе исследованы некоторые дискуссионные вопросы, связанные с проблемами реализации полномочий прокурора в суде первой инстанции, по которым высказана собственная позиция, в том числе: авторская в отношении цели и функций прокурора в суде первой инстанции; формулируется понятие «обвинение»; аргументируется соотношения правового и процессуального статусов прокурора в суде первой инстанции на основе обобщения и анализа существующих теоретических и научных подходов; разрабатываются предложения по совершенствованию действующего УПК РМ, регулирующей деятельность прокурора по поддержанию государственного обвинения в судебном заседании.

Важнейшая научная проблема, получившая разрешение в рамках данного диссертационного исследования состоит в концептуализации института полномочий прокурора в суде первой инстанции, в результате чего оптимизируется деятельность прокурора в суде первой инстанции, что позволяет повысить эффективность уголовного судопроизводства.

Научно-теоретическое значение заключается в комплексном исследовании проблем реализации полномочий прокурора в суде первой инстанции, выраженное в: систематизации результатов научной мысли, существующей как в Республике Молдова, так и в ряде зарубежных государств в сфере исследования института реализации полномочий прокурора в суде первой инстанции; концептуализации и аргументировании выводов, явившихся результатом исследования большого объема как теоретических, так и практических литературных источников.

Научно-практическое значение. Теоретические положения и выводы, полученные в результате исследования могут быть: использованы в дальнейшей теоретической разработке проблемы реализации полномочий прокурора в суде первой инстанции; стать предметом правотворческой и правоприменительной деятельности соответствующих органов; использованы в преподавании различных дисциплин юридических факультетов Вузов и колледжей, как, например, уголовный процесс, прокуратура, и другие смежные с ними дисциплины.

Имплементация научных результатов. Отдельные теоретические и практические положения диссертации были представлены автором и обсуждались на национальных и международных научно-практических конференциях. Кроме того, научные материалы были применены в образовательном процессе на Юридическом факультете Славянского университета и Европейского Университета Молдовы.

ADNOTARE

Stadnički Lilia “Atribuțiile procurorului la examinarea în prima instanță a cauzelor penale”

Teză pentru obținerea gradului științific de doctor în drept

Specialitatea: 554.03 – Drept procesual penal, Chisinau, 2016

Structura tezei. Teza de doctorat este constituită din: adnotări (în trei limbi), lista abrevierilor utilizate în teză, introducere, patru capitole, concluzii generale și recomandări, bibliografie, anexe, declarație privind asumarea răspunderii, CV-ul autorului. În ansamblu, lucrarea numără 196 pagini (165 pagini text de bază), iar în lista bibliografică sunt incluse 214 titluri. Rezultatele cercetării sunt publicate în 10 articole științifice.

Cuvinte-cheie: procuror, proces penal, atribuții, statutul de drept, statut procesual, judecata în prima instanță, acuzare, acuzare de stat, susținerea acuzării de stat, circumstanțele de fapt ale cauzei.

Domeniul de studiu: drept procesul penal.

Scopul cercetării constă în analiza științifică complexă a concepțiilor doctrinare și a jurisprudenței, precum și a normelor procesual - penale privind realizarea atribuțiilor procurorului la examinarea în primă instanță a cauzelor penale pentru a evalua eficiența și a constata oportunitatea de perfecționare a acestora.

Obiectivele: analiza situației în domeniul cercetării atribuțiilor procurorului la examinarea în prima instanță a cauzelor penale; studierea conceptelor cu referire la ”acuzare”; identificarea și analiza scopului și funcțiilor procurorului; elucidarea esenței statutului de juridic al procurorului în procesul penal; conturarea rolului procurorului în ședința preliminară; cercetarea atribuțiilor procurorului în partea pregătitoare a ședinței în prima instanță; analiza susținerii de către procuror a acuzării de stat în procesul cercetării judecătorești; examinarea dezbatărilor judiciare în contextul participării acuzatorului de stat; detalizarea temeiurilor și modalităților de modificare a învinuirii în ședința de judecată; realizarea analizei complexe a instituției de renunțare la învinuire; elaborarea propunerilor științific-întemeiate privind perfecționarea legislației în vigoare în domeniul reglementării participării procurorului la judecata în primă instanță.

Noutatea și originalitatea științifică se datorează faptului că teza reprezintă o cercetare fundamentală de pionerat în RM a instituției de participare a procurorului la judecata în primă instanță. În lucrare sunt abordate unele dintre cele mai controversate aspecte legate de problemele realizării atribuțiilor procurorului la examinarea în fond a cauzelor penale, prin care a invocat opinia proprie, inclusiv: poziția autorului în ceea ce privește scopul și funcțiile procurorului la judecata în prima instanță; se formulează noțiunea de ”acuzare”; se argumentează corelația statutului procesual și statutului juridic al procurorului la judecata în primă instanță pe baza de sinteză și analiză a teoriilor și a abordărilor științifice existente; au fost elaborate propuneri privind perfecționarea CPP RM, ce reglementează activitatea procurorului la susținerea acuzării de stat în ședința de judecată.

Problema științifică importantă soluționată constă în conceptualizarea instituției atribuțiilor procurorului la judecata în prima instanță, având ca rezultat optimizarea activității procurorului la judecata în prima instanță, care permite sporirea eficienței procesului penal.

Semnificația teoretică a lucrării este determinată de o abordare integrată a studiului problemelor de realizare a atribuțiilor procurorului la judecata în prima instanță; sistematizarea rezultatelor gândirii științifice, existente atât în Republica Moldova cât și în unele țări străine în sfera de cercetare a institutului de realizare a atribuțiilor procurorului la judecata în primă instanță; argumentarea concluziilor, care au fost rezultatul unui mare volum de cercetări atât teoretice, cât și practice. *Valoarea aplicativă* a lucrării este determinată de posibilitatea dezvoltării în continuare a problematicii de realizare a atribuțiilor procurorului la judecata în primă instanță. Concluziile obținute în studiu pot servi suport în procesul de creație legislativă, precum și la punerea în aplicare a activității organelor procuraturii; pot fi utilizate în predarea disciplinelor juridice de la facultățile de drept la Universități și colegii, ca, de exemplu, drept procesual penal, procuratura, sistemul organelor de drept.

Implementarea rezultatelor științifice. Unele dispoziții teoretice și practice a tezei au fost prezentate de autor și au fost discutate la conferințe științifico-practice naționale și internaționale. Rezultatele cercetării au fost reflectate în 10 articolele publicate. În afară de aceasta materialele științifice au fost utilizate în procesul educațional al Facultății Drept a Universității Slavone și a Universității de Studii Europene din Moldova.

ANNOTATION

Stadnitki Lilia **“Powers of the Prosecutor in Criminal Cases in the Court of First Instance”**.
Thesis for the degree of Doctor of Law on the speciality 554.03. Criminal Procedure. Chisinau,
2016

Structure. This research consists of the following structural elements: the summary (in three languages), the list of abbreviations, introduction, four chapters, the conclusion in the form of general recapitulations and recommendations, bibliography and appendices. The total volume of the scientific research is 165 pages. The results have been published in 10 scientific papers.

Key words: attorney, criminal procedure, powers, legal status, procedural status, court of first instance, the prosecution, official prosecution, maintenance of public prosecution, factual circumstances.

Field of research - the criminal proceedings.

The goal of the research is to comprehensive scientific analysis of the theoretical concepts, law, and criminal procedural rules, regarding realization of powers of the Prosecutor in criminal cases in the court of first instance to determine their effectiveness and feasibility improvement.

The objectives of the research: to analyze the scientific concepts on the participation of the prosecutor in the court of first instance created in the Republic of Moldova and abroad within the studied literature, which have become the subject of scientific researches; to set a goal and functions of the prosecutor in considering criminal cases in the court of first instance; to define the concept and to find out the essence of the legal status of the prosecutor in criminal proceedings; to examine the concepts of the “charge” definition to justify the role of the prosecutor in the preliminary court hearing and in the preparatory part of the court of first instance; to consider judicial debates in the context of the public prosecutor’s participation in them; to analyze the grounds and procedure for changing the charges in the court; to analyze maintaining of the official prosecution by the prosecutor in the course of judicial proceeding; to explore the institute of dropping a charge by the prosecutor; to develop scientifically-based recommendations for improvement of the current legislation regulating the institute of prosecutor’s participation in the court of first instance;

Scientific novelty and originality are the subject to the fact that the thesis is the fundamental research of the institute of the public prosecutor’s participation in the court of first instance. In addition, it is determined by the fact that we have studied some of the controversial issues related to the problems of implementing powers of the prosecutor in the court of first instance and the position of the author has been expressed, including the following: the author’s position in relation to the goal and functions of the prosecutor in the court of first instance; the concept of “charge” has been formulated; the co-relation of legal and procedural statuses of the prosecutor in the court of first instance on the basis of compilation and analysis of existing theoretical and scientific approaches have been argued; certain proposals to improve the current Code of Criminal Procedure of the Republic of Moldova regulating the activities of the public prosecutor on maintenance of public prosecution in the court have been developed.

The scientific relevant problem solved is in *conceptualization* of prosecutor’s participation in the court of first instance; the result is the *optimization* of the prosecutor’s activity in the court of first instance on the basis of the improved legislation on criminal procedure in order to increase the *efficiency* of criminal procedure.

The theoretical value is determined by the author’s integrated approach to the research of the problems of implementation of the prosecutor’s powers in the court of first instance; systematization of the results of scientific thought existing both in the Republic of Moldova and in some foreign countries in the field of the institute of realization of the prosecutor’s powers in the court of first instance; conceptualization and validity of conclusions that are the results of a great volume of both theoretical and practical sources.

The practical significance is determined by the ability to use the problem of implementation of the prosecutor’s powers in the court of first instance in further theoretical development; findings of the research can become the subject of law-making and law-enforcement activities of the applicable authority as well as they can be used in the teaching of the various disciplines of law faculties at universities and colleges, such as the criminal proceedings, the prosecutor’s office and other related disciplines.

Implementation of the scientific results. Several theoretical and practical points of the thesis were presented by the author and discussed at national and international scientific conferences. In addition, research materials have been introduced into the educational process in the preparation of law students of the Slavonic University and the European University of Moldova.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВСП РМ - Высшая Судебная Палата Республики Молдова

ЕСПЧ – Европейский Суд по правам человека

ЕКПЧ – Европейская конвенция по правам человека

ППВСП – Постановление пленума Высшей Судебной Палаты

п. – пункт

ст. - статья

ч. - часть

УК РМ – Уголовный кодекс Республики Молдова

УПК РМ – Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова

Цит. по раб. – цитирую по работе

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и важность проблематики исследования.

Европейская интеграция является стратегической целью внешней и внутренней политики Республики Молдова, достижение которой обеспечит создание системы внутренней безопасности, стабильности и процветания, основанной на демократических ценностях и соблюдении основных прав и свобод человека. ЕС и гражданское общество неоднократно оценивали усилия по европейской интеграции, предпринимаемые властями Республики Молдова, как недостаточные. Той же оценки удостоились и реформы, проводимые Республикой Молдова в секторе юстиции, а предпринимаемые действия были признаны sporadическими, незаконченными и не имеющими под собой четкой концепции или стратегии. Поэтому для реализации чаяний в плане европейской интеграции Республика Молдова намечает усиленно продвигать реформы в сфере правосудия путем проведения системной, долговременной и последовательной политики [31].

Так в 2011 г. была принята Стратегия реформирования сектора юстиции на 2011-2016 гг. Общей целью Стратегии является построение доступного, эффективного, независимого, прозрачного, профессионального и социально ответственного сектора юстиции, соответствующего европейским стандартам, обеспечивающего главенство закона и соблюдение прав человека, содействующего укреплению доверия общества к правосудию [31].

Деятельность Правительства РМ в последние десятилетия всецело направлена не только на европейскую интеграцию, но и на закрепление и установление демократических принципов общества, процветание и благосостояние нашего государства. В связи с этим, в каждой из Программ деятельности Правительства РМ непременно в качестве приоритетной задачи ставится реформа органов юстиции, прокуратуры в том числе.

Так, в Программе деятельности Правительства РМ «Европейская Интеграция: Свобода, Демократия, Благосостояние» на 2013-2014 г. обозначено: реформирование судебной системы и правоохранительных органов в качестве центрального элемента построения правового государства и гарантирования основных свобод человека остается главным приоритетом. Обеспечение независимости юстиции, борьба с коррупцией, повышение доверия и соответственно доступа к качественному акту правосудия являются основной задачей наряду с реформированием Министерства внутренних дел, органов полиции и прокуратуры, а также всей правоохранительной системы [43].

В Программе деятельности Правительства РМ на 2015-2018 гг. предусмотрено обеспечение непрерывности и завершения реформ в юстиции путем ускорения внедрения Стратегии реформирования сектора юстиции на 2011-2016 гг., где одним из направлений выступает реформирование Национального института юстиции, включая его администрирование на паритетной основе (судьи, прокуроры, академическая среда), а также реформирование органов прокуратуры, исключение политического влияния и повышение прозрачности их деятельности. Приоритетное внедрение концепции реформы прокуратуры, в том числе путем применения единой практики принятия законных решений в осуществлении деятельности прокуратуры, в частности, в рамках уголовного процесса [44].

Программа деятельности Правительства РМ на 2016-2018 гг. также содержит положение об обеспечении непрерывности и завершения реформ в юстиции; об эффективной реализации Стратегии Реформы Сектора Юстиции и обеспечение непрерывности в реформе сектора юстиции после 2016 г., о Реформировании органов прокуратуры [45], а также принятие нового закона о Прокуратуре.

В этой связи, **актуальность темы исследования** обусловлена необходимостью анализа процесса осуществления правовой реформы, безусловно требующих осуществления фундаментальных научных исследований в национальной доктрине, в том числе и в сфере уголовно-процессуального права. Выявленные в ходе анализа законодательства пробелы в сфере регулирования участия прокурора в суде первой инстанции, а также учитывая тот факт, что в рамках правовой реформы, в том числе реформы органов прокуратуры, не детализируется процесс совершенствования института реализации полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве, указывают на **важность настоящего исследования**.

Степень научной разработанности проблемы диссертационного исследования. Проблема участия прокурора в суде первой инстанции является не новым предметом научных изысканий. В зарубежной доктрине существуют как комплексные исследования данного института, так исследовавшие его отдельные элементы, носящие в целом фундаментальный характер. Существующие в Республике Молдова научные исследования в этой области не в полной мере раскрывают отдельные элементы исследуемого нами института, и как следствие их совокупность и взаимосвязь. Так, недостаточно исследованы, на наш взгляд, такие вопросы как: цель и функции прокурора в суде первой инстанции,

соотношение правового и процессуального статусов прокурора, фрагментарно представлен институт отказа прокурора от обвинения.

Теоретической основой проведенного исследования стали научные труды, как современников, так и явившихся плодом научной мысли, сформированной в прошлые века. В основу работы легли научно-дидактические труды авторов: *T. Vizdoagă, A. Airapetean, L. Arseni, E. Covalenco, I. Dolea, E. Eșanu, V. Holban, V. Gribincea, N. Kiseev, D. Milușev, I. Odajiu, T. Osoianu, D. Roman, V. Rusu, I. Serbinov, P. Ursache (Republica Moldova), Gh. Antoniu, P. Buneci, D. Lupașcu, A. Lorincz, D. Magherescu, T. Mrejeru, Gh. Mateuț, I. Neagu, Gh. Teodoru, M. Udroi, N. Volonciu, Vintilă Dongoroz (România), А. В. Лапкин, В.В. Луцки, М. Стефанчук (Украина), А. В. Агабаева, А. Р. Белкин, А. В. Гориянов, З. Ш. Гатауллин, И. Демидов, Н. Н. Дупак, Н. П. Кириллова, В. Ф. Крюков, Ю. Е. Левеев, П. А. Lupinskaya, В. М. Савицкий, М. С. Строгович, И. В. Саушкина, А. А. Тушев, В. Г. Ульянов, Ф. М. Ягофаров (Российская Федерация) и многих других.*

Цель и задачи исследования.

Целью исследования является комплексный научный анализ уголовно процессуальных норм, теоретических концепций и юриспруденции относительно реализации полномочий прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции для определения их эффективности и целесообразности совершенствования.

Цель диссертационного исследования предопределила постановку и решение основных **задач исследования**, которые сводятся к следующему:

- провести анализ ситуации в области исследования полномочий прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции;
- изучить концепции понятия «обвинение»;
- установить цель и функции прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции;
- выяснить сущность процессуального статуса прокурора в уголовном судопроизводстве;
- обосновать роль прокурора в предварительном заседании;
- исследовать полномочия прокурора в подготовительной части суда первой инстанции;
- проанализировать поддержание прокурором государственного обвинения в ходе судебного расследования;

- рассмотреть судебные прения в контексте участия государственного обвинителя в них;
- проанализировать основания и порядок изменения обвинения в судебном заседании;
- исследовать институт отказа прокурора от обвинения;
- разработать научно-обоснованные рекомендации по совершенствованию действующего законодательства в области регулирования института участия прокурора в суде первой инстанции.

Методологическая основа исследования базируется на использовании определенного количества из существующих методов научного познания. В частности, при проведении настоящего исследования были использованы такие общенаучные методы как: диалектический метод познания, формально-логический, анализ, синтез, обобщение, индукция, дедукция и др. Наряду с общенаучными методами использовались и частно - научные методы познания, а именно: систематический, сравнительно-правовой, формально-юридический, технико-юридический анализ, описательно – сравнительный, эмпирический и статистический. В настоящей работе были изучены 151 приговор судов г. Комрат, г. Тараклия, г. Чадыр-Лунга, сек. Ботаника, сек. Рышкановка, сек. Чокана. С помощью данных методов было возможно в принципе рассмотреть полномочия прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции во взаимосвязи и взаимозависимости с другими институтами и направлениями деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве.

Применение вышеназванных методов позволило обеспечить комплексность подхода к исследованию научной проблемы, а также достоверность выводов, позволило внести конкретные предложения по урегулированию выявленных актуальных теоретических и практических проблем.

Научная новизна и оригинальность обусловлены тем, что настоящая диссертация представляет собой фундаментальное исследование института участия прокурора в суде первой инстанции. Кроме того, в работе исследованы некоторые дискуссионные вопросы, связанные с проблемами реализации полномочий прокурора в суде первой инстанции, по которым высказана собственная позиция, в том числе: авторская в отношении цели и функций прокурора в суде первой инстанции; формулируется понятие «обвинение»; аргументируется соотношения правового и процессуального статусов прокурора в суде первой инстанции на основе обобщения и анализа существующих теоретических и научных

подходов; разрабатываются предложения по совершенствованию действующего УПК РМ, регулирующей деятельность прокурора по поддержанию государственного обвинения в судебном заседании.

Важнейшая научная проблема, получившая разрешение в рамках данного диссертационного исследования состоит в концептуализации института полномочий прокурора в суде первой инстанции, в результате чего оптимизируется деятельность прокурора в суде первой инстанции, что позволяет повысить эффективность уголовного судопроизводства.

Научно-теоретическое значение заключается в комплексном исследовании проблем реализации полномочий прокурора в суде первой инстанции, выраженное в: систематизации результатов научной мысли, существующей как в Республике Молдова, так и в ряде зарубежных государств в сфере исследования полномочий прокурора в суде первой инстанции; концептуализации и аргументировании выводов, явившихся результатом исследования большого объема как теоретических, так и практических литературных источников.

Научно-практическое значение. Теоретические положения и выводы, полученные в результате исследования, могут быть использованы в дальнейшей теоретической разработке проблемы реализации полномочий прокурора в суде первой инстанции; могут стать предметом правотворческой и правоприменительной деятельности соответствующих органов; могут быть использованы в преподавании различных дисциплин юридических факультетов Вузов и колледжей, как, например, уголовный процесс, прокуратура, и другие смежные с ними дисциплины.

Внедрение научных результатов исследования. Представляется возможным в будущем законодательное закрепление полученных в процессе проведенного диссертационного исследования результатов в части разработки предложений *de lege ferenda*. Кроме того, материалы исследования были внедрены в учебный процесс при подготовке студентов юридического факультета Славянского университета, а также Европейского Университета Молдовы.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были представлены автором на научно-практических конференциях и опубликованы в научных сборниках, материалах научно-практических конференций и периодических правовых журналах. Общее количество опубликованных статей составляет 10 (десять).

Объем и структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из следующих структурных элементов: аннотация (на трех языках), список сокращений, используемых в диссертации, введение, четыре главы, общие выводы и рекомендации, библиография, приложения, декларация об ответственности, CV автора. В целом работа включает 196 страниц (165 страниц основного текста), а в список литературы включено 214 наименований.

Во введении обосновывается актуальность и важность проблемы исследования, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, обозначены цель и задачи исследования, представлена методология, отражается степень научной разработанности проблемы диссертационного исследования, предлагаются основные положения, выносимые на защиту, обозначается решенная научная проблема, определяется структура работы.

Первая глава «Анализ ситуации в области исследования полномочий прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции» представлена тремя параграфами: *1.1 Анализ работ, опубликованных в РМ, 1.2 Анализ работ, опубликованных за рубежом, 1.3 Выводы к главе 1.* Эта глава носит описательно-системный характер, поскольку раскрывает результаты и основные положения проведенного анализа научных работ, опубликованных как в Республике Молдова, так и за рубежом.

Глава вторая «Концепции участия прокурора в суде первой инстанции» состоит из трех параграфов: *2.1 Цель и функции прокурора, 2.2 Статус прокурора в суде первой инстанции, 2.3. Выводы к главе 2.*

Настоящая глава посвящена исследованию таких общетеоретических правовых категорий как цель и функции. Данные категории рассматриваются в аспекте проблемы исследования, что позволяет выдвигать тезисы о том, что есть цель участия прокурора в суде первой инстанции, какие функции осуществляет прокурор в процессе реализации им полномочий в суде первой инстанции. Цель и функции устанавливаются сквозь призму понятия «обвинение». А также исследована проблема определения правового статуса прокурора, сущностная характеристика правового статуса прокурора в суде первой инстанции. Рассматривается соотношение понятий «правовой» и «процессуальный» статус прокурора.

Третья глава «Поддержание прокурором государственного обвинения в суде первой инстанции» состоит из четырех параграфов: *3.1 Участие прокурора в предварительном заседании, 3.2 Полномочия прокурора в подготовительной части, 3.3*

Поддержание прокурором государственного обвинения в ходе судебного расследования, 3.4
Выводы к главе 3.

Глава посвящена определению роли прокурора в предварительном заседании и подготовительной части суда первой инстанции, исследованию процессуально - тактической деятельности прокурора при поддержании государственного обвинения в судебном расследовании, а также освещению вопроса об использовании прокурором судебных прений в поддержании государственного обвинения в суде первой инстанции.

В четвертой главе «Изменение обвинения и отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции», состоящей из трех параграфов: *4.1 Основания и процессуальный порядок изменения прокурором обвинения, 4.2 Институт отказа от обвинения и 4.3 выводы к главе 4.*, в сравнительно-правовом аспекте рассматриваются основания и порядок каждого из установленных уголовно-процессуальным законодательством видов изменения прокурором обвинения в судебном заседании, а также исследуются полемические вопросы в отношении института отказа прокурора от обвинения, в частности, основания отказа прокурора от обвинения, а также его последствия как для подсудимого, так и для потерпевшего.

В общих выводах и рекомендациях излагаются основные результаты исследования, сформулированы краткие теоретические и прикладные выводы, предложения и рекомендации.

1. АНАЛИЗ СИТУАЦИИ В ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Настоящая глава посвящена анализу научной разработанности участия прокурора в суде первой инстанции. Институциональный анализ научных изысканий в аспекте заявленной нами проблемы исследования направлен на описание наиболее значимых, по нашему мнению, из существующих взглядов исследователей - правоведов на исследуемые нами правовые институты, формирование и высказывание собственной позиции в связи с этим, а также на систематизацию исследовательского материала.

Уточним, что исследования будут проанализированы в порядке, предусмотренном нами в содержании работы. Будет сделан акцент как на работах, посвященных исследованию отдельных и конкретных проблем исследовательского характера, рассмотренных нами в настоящей работе, представленных в отдельных научных статьях, тезисах, монографических исследованиях, а также будут рассмотрены комплексные исследования, охватывающие несколько вопросов в контексте проблемы исследования (в целом), нашедшие отражение в диссертационных исследованиях, в том числе отображенные в авторефератах, а также монографиях, учебниках и учебных пособиях.

1.1. Анализ научных работ, опубликованных в РМ

Переходя к непосредственному анализу доктринальных исследований в контексте рассматриваемой нами проблемы, сформированных в Республике Молдова, опубликованных как на территории Республики Молдова, так и за рубежом, отметим, с одной стороны их небольшое количество, с другой стороны, их глубину и основательность исследования.

Исследуя институт поддержания обвинения, *Vizdoagă T.* в своей докторской диссертации «*Exercitarea acuzării în instanța de fond: probleme și perspective*» (2002), обсуждая проблему понятия «обвинение», выдвигает следующий концепт: «обвинение — это процессуальная деятельность уполномоченных органов и лиц с целью установления вины обвиняемого и его осуждения» [61, с. 147]. Кроме того, она также отмечает, что поддерживает, что обвинение составляет описание в процессуальных актах неправомерного действия (бездействия) конкретного лица (обвинение в материальном смысле) и процессуальная деятельность органов и уполномоченных лиц, направленная на разоблачение виновного в совершении преступления и осуждение его (обвинение в

процессуальном смысле). Обвинение в материальном смысле включает в себя факту, юридическую формулировку и юридическую квалификацию [61, с. 147]. Исходя из этого, на наш взгляд, следует, что обвинение направлено исключительно на разоблачение виновного, т.е. установления его вины и дальнейшего осуждения.

Другой базовой работой по нашей теме является, бесспорно, диссертация на соискание ученой степени доктора права «*Modificarea învinuirii în primă instanță*», написанная румынским автором *Magherescu Delia* [36]. Данная диссертация была защищена в Республике Молдова в 2005 г и посвящена исследованиям проблем изменений обвинения в первой инстанции с точки зрения содержания, процедуры каждого из трех способов осуществления и результатов, к которым они приводят. В трех главах диссертации последовательно проанализированы основные черты и характерные особенности изменения обвинения в первой инстанции уголовно-процессуальных законодательств различных стран, таких как Республика Молдова, Румыния, Франция и др. В работе исследована процедура, а также компетентные судебные органы, которые распоряжаются осуществлением изменений обвинения в первой инстанции, обстоятельства, при которых изменение обвинения может быть разрешено на стадии судебного разбирательства в первой инстанции. На основе анализа различных способов, касающихся основных понятий и сущности изменения обвинения, показано, что последние считаются особо важными в ходе судебного процесса в первой инстанции, что определяет правовые рамки и пределы судебного разбирательства. В представленной работе изучены три способа изменения обвинения, которые оцениваются в зависимости от того, отягчают они положение обвиняемого или не отягчают, а именно, изменение обвинения для смягчения вины обвиняемого, изменение обвинения при распространении уголовных действий, входящих в состав других судебных дел, и изменение обвинения при распространении уголовных действий на другие случаи.

В диссертации проведен сравнительный анализ процедуры изменения обвинения в различных странах, на основании которого сделан вывод о том, что в каждом случае изменения обвинения необходимо ознакомиться с обусловившими их причинами.

При рассмотрении нами теоретической проблемы определения функций прокурора в уголовном судопроизводстве, нами были проанализированы также специалистов в целом на правовую категорию «функции». В этой связи, исследовательский интерес вызывает труд *Osoianu T. «Уголовный процесс» (2003)*, в котором он обозначает, что функциями в уголовном процессе являются виды, пути и направления деятельности субъектов,

обусловленные их ролью, назначением или целью участия в деле [134, с. 5]. Совершенно справедливо на наш взгляд, помимо «привычного» понимания функции как основного направления деятельности субъекта, высказанного многими исследователями, данный автор уточняет, чем именно обусловлены функции. Считаем рассмотрение данных аспектов (роль, назначение и цель участия субъекта в деле) в контексте исследования функции, как проблемы права, является необходимым для глубокого уяснения содержания, как самого понятия, так и особенностей его практической реализации. Кроме того, данный автор верно уточняет, что круг функций, порядок и субъекты, их осуществляющие, установлены законом, сам термин «функция» в нем не употребляется, а также подразделяет функции уголовного процесса на: обвинения, защиты, разрешения дела [134, с. 5]. В связи с чем, констатируем, автор проявляет классический подход к пониманию функций уголовного судопроизводства, что на наш взгляд имеет определенное теоретическое значение.

Пристальное внимание проблеме функций уделено в коллективном труде группы исследователей под руководством *Gribincea V.*, в котором вполне обосновано авторы приходят к выводу, что основным элементом в этом определении (имеют в виду функцию) является тяжесть, которую законодатель придает нарушениям закона, которыми должны заниматься прокуроры – эти нарушения являются чрезвычайно серьезными, будучи подвергнуты уголовному наказанию [21, с. 19]. Далее специалисты акцентируют внимание на содержании, сущности полномочий прокурора, при этом утверждают следующее: таким образом, мы видим, что в центре внимания в вопросе полномочий прокуроров ставится их фундаментальная роль в рамках уголовного судопроизводства, все остальные возможные задачи, возложенные на прокуроров, в принципе второстепенны. Прокурор защищает интересы общества, приводя в движение судебную уголовную систему, преследование тогда, когда приходит к выводу, что нарушения закона являются достаточно серьезными, чтобы привлечь к уголовной ответственности - к наиболее суровому виду юридической ответственности - лицу, совершившее соответствующее деяния [21, с. 19]. Таким образом, авторы не выделяют и не обозначают отдельно взятые функции прокурора, а подчеркивают значимость прокурора в уголовном судопроизводстве, определяя при этом, что именно участие в нем и выступает главенствующим направлением его деятельности вообще, в пределах его полномочий. Далее они рассматривают саму деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве, в основном затрагивая проблему руководства и осуществления уголовного преследования, но, к сожалению, ничего не говорят о роли его в судебной стадии. На наш взгляд, такая позиция исследователей является логичной и

верной, однако все же не раскрывает полностью содержание функций прокурора в уголовном судопроизводстве.

Анализируя существующие в доктрине концептуальные подходы к пониманию понятия «обвинение», мы установили, что *Vizdoagă T.* в своей диссертации утверждает, что обвинение рассматривается как фундаментальный институт уголовного процесса, посредством которого запрашивается акт правосудия [61, с. 147]. Считаем, что этим умозаключением автор устанавливает особую важность обвинения.

В том плане, что на сегодня существует материальный и процессуальный подходы к пониманию обвинения, предложенное этим исследователем определение исследуемого понятия «обвинение — это процессуальная деятельность уполномоченных органов и лиц с целью установления вины обвиняемого и его осуждения» [61, с. 147], позволяет с одной стороны, резюмировать, что *Vizdoagă T.* относится к категории авторов, придерживающихся процессуальной теории обвинения. С другой стороны, учитывая, что в этой же работе она утверждает: «Поддерживаем, что обвинение представляет собой описание в процессуальных актах противоправного действия (бездействия), вменяемое конкретному лицу (обвинение в материальном смысле), и процессуальная деятельность органов и лиц, наделенных этим правом, направленная на изобличение виновного в совершении преступления и наказание его (обвинение в процессуальном смысле). Обвинение в материальном смысле включает в себя фабулу, юридическую формулировку и правовую квалификацию [61, с. 147], что позволяет сделать вывод о том, *Vizdoagă T.*, скорее следует отнести к приверженцам комплексного подхода, рассматривающих обвинение и с материальной, и с процессуальной точки зрения одновременно.

Схожая трактовка понятия обвинения дается и в *Dicționar de Drept Procesual- Penal*, коллектив авторов отмечает, что обвинение необходимо понимать в материальном (существенном) смысле и в процессуальном (формальном) смысле [47, с. 15]. Отметим, что мы всецело разделяем именно такой подход.

Подобная точка зрения высказана также и коллективом молдавских авторов в «*Participarea procurorului în instanța de judecată; Organizarea activității organelor Procuraturii*» [62], которые также предлагают рассматривать понятие обвинения с процессуальной и материальной точки зрения.

Кроме того, одним из очень важных аспектов, с нашей точки зрения, которому уделяет *Vizdoagă T.* должное внимание выступает вывод о том, что с учетом значимости и степени использования термина «обвинение», считаем необходимым обязательное

включение его в ст. 8 Проекта Уголовно-процессуального кодекса, именуемое Понятия, используемые в уголовно-процессуальном кодексе [61, с. 147]. В данном случае поясним, что докторская диссертация госпожой *Vizdoagă T.* была защищена еще до вступления в силу УПК РМ 2003 г., т.е. на стадии обсуждения проекта данного закона.

Одной из немаловажных проблем, которой мы уделяем внимание в настоящем исследовании выступает само понятие «прокурор» и определение его «правового статуса» в связи этим. Говоря о процессуальной роли прокурора в уголовном судопроизводстве, *Roman D., Vizdoagă T., Cerbu A.* и другие указывают, что прокурор — это ответственное лицо, которое в пределах своей компетенции осуществляет от имени государства уголовное преследование, представляет обвинение в суде, выполняя функцию государственного обвинителя [46, с. 129]. Из этого утверждения следует, прокурор — это компетентное и ответственное лицо, осуществляющее деятельность от имени государства. Но авторы не раскрывают нам пределы этой ответственности, и не дают более конкретных пояснений что означает «ответственное лицо». В виду того, что в законодательстве нет единого подхода к понятию прокурор, вопрос остается открытым.

О проблематичности требований закона о неприкосновенности прокуроров, как составляющей гарантий их прав, молдавский эксперт *Mariana Kalughin* отмечает, что в Рекомендации 1604 (2003) Парламентской Ассамблеи Совета Европы «О роли прокуратуры в демократическом обществе, основанном на верховенстве закона» была признана роль прокурора в обеспечении безопасности и свободы в европейском обществе путем: охраны верховенства закона, защиты граждан от уголовных посягательств на их права и свободы, обеспечения соблюдения прав и свобод лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении уголовных преступлений, и путем осуществления надзора за надлежащим функционированием органов, отвечающих за расследование правонарушений и преследование правонарушителей [162]. Эксперт отмечая, что очевидно для того, чтобы выполнить свою миссию, прокуроры должны располагать определенными гарантиями [27], тем самым делает вполне логичный вывод о необходимости законодательного закрепления гарантий. Важным является и то, что автор рассматривает проблему сквозь призму международного законодательства. Так, она подмечает, что они (имеет в виду гарантии) акцентированы в Рекомендации (2000) 19 Комитета Министров Совета Европы «О роли прокуратуры в системе уголовной юстиции» [27].

Проблема привлечения к ответственности прокурора, в том числе к уголовной, содержательно представлена в исследовании молдавских специалистов «*Regulile și*

practicile ce reglementează răspunderea și imunitatea generală a procurorilor (planul de acțiuni a SRSJ 2.2.10)». Они отмечают, что уголовная ответственность наступает согласно общему праву для фактов, для которых закон не претендует на статус прокурора как специального субъекта преступления и согласно специальных норм в главах, посвященных, в первую очередь, преступлениям против правосудия и тем, которые посягают на осуществление деятельности в публичной сфере, но не ограничиваются последними [18, с. 122]. Этот коллектив авторов, на наш взгляд, абсолютно верно утверждает, что уголовная ответственность может быть вменена прокурору, в первую очередь, за преступления, связанные с исполнением служебных обязанностей, либо связанные с соответствующими преступлениями, включенными уголовным законом в главу Преступлений против правосудия. С другой стороны, учитывая специфику обязанностей, которые включены в соответствии с занимаемой должностью государственного обвинителя, они являются и субъектами преступлений в сфере общественной деятельности, регулируемых главой XV УК РМ, поэтому и формы проявления объективной стороны элементов преступления в данной главе отличаются, когда субъектом содеянного уголовного деяния является прокурор [18, с. 121-122].

Исследование вопросов об участии прокурора на предварительном заседании побудило обратиться к работе *P. Ursache* и *T. Vizdoagă «Examinarea listei probelor» (Manualul Judecătorului pentru cauze penale)*, которые собственно и исследовали процедуру исследования перечня, списка доказательств, подлежащих обязательному рассмотрению на данном этапе уголовного судопроизводства. В этой связи они отмечают, что в любом уголовном процессе ставится задача определить, являются ли на самом деле обстоятельства, установленные с помощью доказательств, иначе говоря, предметом доказывания, существует или нет взаимосвязь с предметом доказывания в деле, и поэтому если элементы дела действительно, по своей природе, могут помочь решению дела путем предоставления информации о наличии или отсутствии преступления, в установлении виновного, в подтверждении вины, а также в установлении других обстоятельств, важных для правильного разрешения конфликта материального права, выносимого судебной инстанцией [58, с. 262]. Тем самым, авторы затрагивают, пожалуй, один из самых важных вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исследовании перечня доказательств — соответствие доказательства преступлению в целом, и предмету доказывания в частности. Кроме того, они рассматривают суждение *I. Dolea*, о том, что представляет собой относимость, и делают верный, на наш взгляд, вывод о том, автор приходит к выводу, что

относимость играет роль логической связи между обстоятельством и предметом доказывания. Относимость - это предпосылка для установления допустимости. Не относимые доказательства могут быть недопустимыми [17, с.202 Цит. по 58, с. 262]. Соглашаясь с позицией данных исследователей, отметим, что действительно такие свойства как относимость и допустимость доказательства, являются первостепенными категориями, которые необходимо установить на предварительном заседании, поскольку именно они во многом определяют дальнейшее направление судебного разбирательства, уже по существу дела.

Хотим обратить внимание на работу E. Covalenco и T. Vizdoagă «*Partea pregătitoare a şedinţei de judecată*» [11] (*Manualul Judecătorului pentru cauze penale*), так как в ней весьма детально представлена сама процедура проведения подготовительной части судебного заседания, уделено должное внимание ее значению, а также всем вопросам, подлежащим рассмотрению на данном этапе. Особо отметим практическую направленность этого исследования, поскольку авторы не только демонстрируют толкование положений норм УПК РМ, но и подкрепляют свои умозаключения примерами из судебной практики РМ.

Подобный подход, т.е. метод толкования норм УПК РМ, аргументированный практическими примерами, наблюдаем и в исследовании E. Covalenco и I. Dolea «*Cercetarea judecătorească*» [9] (*Manualul Judecătorului pentru cauze penale*), что, безусловно, указывает как на глубину исследования, так и на практическую его роль в доктрине уголовного процесса.

Судебное расследование довольно подробно представлено и в работе Кисеева Н.М. «*Уголовный процесс*» [100, с. 886-916], однако ее отличает, по сравнению с вышеназванным исследованием E. Covalenco и I. Dolea, сугубо теоретический характер, т.к. в нем нет вообще ни одного примера из судебной практики Европейского Суда по правам человека, и ни одного примера из судебной практики Республики Молдова.

Тем не менее, Кисеев Н.М., хоть и чисто теоретически, но вполне подробно, рассматривает вопрос, связанный с производством экспертизы в суде. Однако нам не совсем понятна позиция автора о том, что *вопрос относительно производства экспертизы в судебном расследовании в нашем законодательстве решен своеобразно* [100, с. 911]. Заявляя тезис о своеобразности решения вопроса о производстве экспертизы в судебном расследовании, данный автор ничем ее не объясняет, а ссылается лишь на положения УПК РМ, которые в дальнейшем детально рассматривает. Думается, что в работах такого типа, а именно в учебных пособиях, должны быть ответы на вопросы, а не наоборот, поскольку

они в принципе носят ознакомительный характер, с учетом того, на какую аудиторию они рассчитаны. Поэтому считаем, что автору следовало бы аргументировать свою позицию, донести идею до читателя.

В этой связи, нам ближе подход *T. Vizdoagă*, которая, например, заявляет, что порядок рассмотрения доказательств определяется многочисленными факторами, которые государственный обвинитель обязан знать и уметь анализировать, потому что применяя их к конкретному уголовному делу, может предложить единственное справедливое решение [61, с.80]. Так, выдвигая тезис о том, что прокурор обязан знать и анализировать те факторы, которые могут повлиять на порядок рассмотрения доказательств в ходе судебного расследования, она, во-первых, уточняет эти факторы: - версии, выдвигаемые обвинителем; - полное или частичное признание вины подсудимым или ее отрицание; - вид преступления; - объем и сложность уголовного дела; - количество подсудимых и наличие противоречий в их показаниях; - возраст подсудимых; - устойчивость позиции потерпевших и свидетелей; - качество уголовного преследования [61, с.80], а, во - вторых, поясняет, что этот список не является исчерпывающим и может быть продолжен [61, с.80].

О важности исследования в судебном расследовании в качестве доказательственной базы различных документов и процессуальных актов говорится в одной из самых глубоких и основательных работ по уголовно-процессуальному праву современных молдавских ученых - в «*Codul de procedură penală. Comentariu*». В данной работе отмечается, что существенные обстоятельства для правильного разрешения дела, могут содержаться в процессуальных актах уголовного преследования, как, например, протоколы о задержании, обыске, выемке предметов и документов, осмотра, воспроизведения событий о предъявлении лица для опознания [15, с. 531]. Поэтому обвинители, должны проявить инициативу в целях аргументации соответствующих элементов сформулированного обвинения, должны быть объявлены в определенное время судебного расследования. Это даст возможность сделать свои заявления и представить в суд некоторые соображения для подтверждения обвинения, так, чтобы могли быть учтены при постановлении приговора [15, с. 531]. В данном случае, по нашему мнению, авторы акцентируют внимание на «инициативности» прокурора, т.е. на том, что прокурор должен быть весьма активным во время судебного расследования.

Хотелось бы уделить особое внимание тому, что в современной молдавской науке не достаточно исследован институт отказа прокурора от обвинения, возможно ввиду его

относительно недавнего законодательного закрепления. Тем не менее, обозначим, что ученые исследуют этот институт, и определенно пришли к важным выводам.

В исследовании «*Prezentarea probelor suplimentare, renunțarea la învinuire*», проведенном I. Serbinov и T. Vizdoagă, авторы обращают внимание на следующий архиважный момент. Цель уголовного процесса, среди прочего, обязывает компетентные органы организовывать свою деятельность таким образом, чтобы любое лицо, совершившее преступление, было наказано согласно вины, и ни одно невинное лицо не было привлечено к уголовной ответственности и осуждено.... Было показано, что цель уголовного процесса, одновременно с наказанием совершивших преступление согласно их виновности, включает в себя и недопустимость привлечения к уголовной ответственности и осуждение невинного лица. Таким образом, мотивированный отказ прокурора от обвинения, сопровождаемый вынесением некоторого оправдательного решения, или о прекращении производства по делу, несомненно, способствуют достижению целей уголовной процедуры [53, с. 315]. Тем самым, авторы, говоря об институте отказа от обвинения сквозь призму целей уголовного судопроизводства, подчеркивают его значимость и обоснованность существования в законодательстве в целом.

Так, T. Vizdoagă, отмечает, с нашей точки зрения, в принципе предназначение этого института, утверждая, если прокурор не реагировал надлежащим образом на определенные упущения, допущенные в рамках досудебных стадий процесса, он должен публично признавать свои ошибки путем отказа от обвинения [64 Цит. по 41, с. 222]. Кроме того, в другой работе, она обосновывает, что изучение практики отказа прокурора от обвинения демонстрирует нам, что государственные обвинители реализуют эту прерогативу, путем подачи заявления об отказе от обвинения, ходатайства об отказе от обвинения и постановления об отказе от обвинения. Руководствуясь действующими правилами, мы считаем, что отказ от обвинения должен быть отражен государственным обвинителем в мотивированном постановлении [61, с. 104]. Акцентируем внимание в данном случае на том, что, учитывая, что вывод автора был сделан еще до того, как современный УПК РМ вступил в действие, и что вначале он вообще не содержал данный институт, в последствии ввел процедуру отказа от обвинения государственным обвинителем именно путем подачи им мотивированного постановления.

В связи с тем, что наш законодатель никоим образом не устанавливает правила в отношении структуры и содержания судебной речи, как обвинителя, так и защитника, пристальный интерес вызывают мнения, высказанные по этому поводу учеными.

E. Covalenco. и *T. Vizdoagă* в своей работе «*Dezbaterile judiciare*» (Manualul Judecătorului pentru cauze penale) утверждают, что содержание и структура речи прокурора, определяются целями, преследуемыми государственным обвинителем, характером и остротой уголовного деяния, содержанием использованных доказательств, личностью подсудимого, качеством защиты, местом рассмотрения дела, составов слушателей, а также индивидуальными качества выступающего [10, с. 235]. Данные авторы, по нашему мнению, выдвигают справедливые факторы, влияющие на структуру судебной речи и непосредственно определяющие ее.

T. Vizdoagă, исследуя структуру судебной речи прокурора, выделяет в ней такие структурные компоненты, как: введение; изложение фактических обстоятельств; анализ и оценка доказательств, использованных по делу; анализ причин и условий, которые способствовали совершению преступления; обоснование юридической формулировки содеянного; характеристика личности подсудимого и оценке обстоятельств, отягчающих или смягчающих ответственность; соображения относительно возможного применения наказания подсудимому, гражданского иска и других вопросов; заключение [61, с. 124-140]. Такая позиция автора является вполне логичной, поскольку отвечает назначению стадии судебных прений и роли судебных речей в ней.

В коллективном труде молдавских специалистов «*Ghidul acuzatorului de stat*» (2005 г.), отмечается, что речь обвинителя в суде является одним из самых ответственных этапов поддержания государственного обвинения, который включает в себя заключительные выводы, к которым пришли в результате судебного разбирательства и представляет баланс доказательств, исследованных судом [51, с. 42].

О важности реплики, как дополнительной возможности поддержать обвинение в суде первой инстанции заявляют *E. Covalenco.* и *T. Vizdoagă*, в уже проанализированной нами работе «*Dezbaterile judiciare*» (Manualul Judecătorului pentru cauze penale). В данном исследовании, по нашему мнению, авторы, характеризуя реплику, дают своеобразные рекомендации участникам судебных прений. Так они утверждают, что реплика участников в судебных прениях должна быть, по возможности, краткой, акцентировать внимание на вопросах, которые должны быть уточнены и конкретизированы; будучи возражением, она должна носить полемический характер, подтверждать позицию и опровергать аргументы оппонентов. Использование права на реплику имеет место не всегда, а только тогда, когда были сделаны ошибочные заявления; были искажены обстоятельства, имеющие место на самом деле, была дана не соответствующая оценка фактам, были неправильно истолкованы нормы права; очевидно, он исказил позицию обвинения (защиты) или было допущено

грубое поведение по отношению к другим участникам процесса и т.д. Хотя реплика не ограничена во времени, она должна быть насколько это возможно краткой и ясной [10, с. 332-333]. Учитывая тот факт, что в Республике Молдова ощущается нехватка литературы молдавских авторов, носящая методический и рекомендательный характер по поводу поддержания государственного обвинения, данная работа вызывает определенный исследовательский интерес, в том числе и для практикующих прокуроров.

Подобное мнение высказано ранее самостоятельно *T. Vizdoagă*, согласно которому, *реплика прокурора должна быть, по возможности, краткой, чтобы зафиксировать внимание на вопросах, подлежащих выяснению и конкретизированию; будучи возражением, она должна носить полемический характер, чтобы подтвердить позицию обвинителя и опровергать аргументы защиты* [61, с. 144].

Хотим особое внимание обратить еще на одну работу *T. Vizdoagă*, написанную в соавторстве с *Eșanu A.* под названием «*Reîncadrarea juridică a faptei inculpatului în sensul atenuării: problemele de drept penal material și procesual*» (În: *Revista Institutului Național al Justiției. № 1(36), 2016*). В этой работе ученые исследовали многоаспектно и детально проблему переквалификации юридического деяния подсудимого в смысле смягчения, при этом они приходят к выводу, что суды при переквалификации юридического деяния соблюдают условие не ухудшения положения подсудимого, но не во всех случаях учитывают и другое требование законодателя – согласно которому новая юридическая квалификация не должна ущемлять право подсудимого на защиту [63, с. 23]. Данный вывод безоговорочно обоснован проанализированной авторами судебной практикой, в том числе и практикой ЕСПЧ. На примере дела *Adrian Constantin contra României, Vizdoagă T. и Eșanu A.* отмечают, что исходя из этих соображений, мы считаем, что если в обвинительном акте содержится умышленное преступление подсудимого, например, умышленное убийство (ч. (1) ст. 145 УК РМ), а в ходе рассмотрения дела судебная инстанция придёт к выводу, что на самом деле лишение жизни произошло по неосторожности, и этот факт не был обсужден сторонами в процессе, и во время совещания суд дает новую правовую оценку описанному в обвинительном заключении факту, переквалификация таким образом деяния подсудимого из ч.(1) ст. 145 УК РМ в ч. (1) ст. 149 УК РМ, в действительности является нарушением права подсудимого быть подробно информированным о характере и причине обвинения, выдвинутого против него, как и его право располагать временем и возможностью для подготовки своей защиты [63, с. 25].

Кроме того, считаем верным и очень важным умозаключение вышеназванных молдавских авторов о том, что суд должен фактически высказаться в отношении юридической квалификации до окончания судебных прений для того, чтобы стороны могли сделать выводы относительно «уголовной стороны дела». Тем не менее, практика решения об изменении юридической квалификации лишь одновременно с разрешением по уголовному делу лишает прокурора, подсудимого и его защитника возможности представить альтернативные выводы в судебных прениях в соответствии с возможным согласием или несогласием с новой юридической квалификацией. В этих условиях выводы теряют конкретный характер – не имеется возможность помочь суду разрешить уголовное дело. Таким образом, для обеспечения реализации права на защиту в связи с новой юридической квалификацией, считаем целесообразным принятие судом иного определения об изменении обвинения в смысле смягчения [63, с. 27]. Считаем, что, действительно, в таком случае, не только у стороны защиты (подсудимого, его защитника), но и у прокурора будет возможность еще в суде первой инстанции высказаться по поводу изменения судом юридической квалификации деяния, а не только лишь в апелляционной инстанции.

Завершая анализ научных концепций, сформированных в Республике Молдова, отметим, что проведенное нами исследование института реализации полномочий прокурора в суде первой инстанции при рассмотрении уголовных дел, нашло непосредственное отражение в ряде научных статей, опубликованных нами в последние годы, которые, так или иначе, затрагивают отдельные научные проблемы в контексте общего предмета и объекта исследования, определенного в качестве таковых в настоящей диссертации.

1.2. Анализ научных работ, опубликованных за рубежом

Переходя к детальному анализу научных концепций в контексте исследуемого нами предмета и объекта исследования, сформированных за рубежом, обозначим важный момент. Институт участия прокурора в суде первой инстанции исследован в зарубежной доктрине весьма детально и всесторонне. Существует огромное количество исследований в этой сфере, носящих комплексный характер в том числе.

Концептуальный анализ дефиниции «обвинение» показывает, что существует три группы противоположных мнений: материально-правовой подход, процессуальный подход, комплексный подход.

К сторонникам материально - правового подхода к понятию обвинения следует отнести таких ученых как: Н.Н. Полянский, М.Б. Чельцов-Бебутов, Н.П. Бобылев, В.М. Савицкий, Н.Е. Петров. Согласно их обобщенному мнению, обвинение – это уголовный иск [141, с. 3]; формулировка обвинения по определенной статье УК, соответствующая составу преступления [199, с.45]; процессуальное выражение уголовной ответственности, точнее состава преступления, вменяемого конкретному лицу [165, с. 43] и т.д.

Интересным представляется разъяснение термина «обвинение» в «*Dicționar de procedură penală*» (1988 г.), составленным по руководством *Antoniu Gh.* Авторы указывают, что это термин, используемый в предшествующем процессуальном законодательстве, для обозначения процессуального акта, посредством которого лицо было обвинено в совершении одного уголовного деяния определенной тяжести (преступление) [3, с.14]. Такой смысл разъяснения термина позволяет отнести румынских авторов в период 1988 г., к сторонникам материального подхода.

К сторонникам процессуального подхода к пониманию обвинения, относим таких ученых, как: А.В. Гориянов, Н.Н. Полянский, М.С. Строгович, Н.С. Элькинд, З.З. Зинатуллин и З.Н. Зинатуллин, Н.П. Тутышкин и др., согласно их общей позиции, обвинение - это совокупность процессуальных действий, направленных на изобличение лица, совершившего преступление [176, с. 105]; процессуальная деятельность обвинителя в суде, как обвинительный тезис или утверждение о виновности [201, с. 60]; основанная на законе процессуальная деятельность компетентных органов и лиц по изобличению обвиняемого в инкриминируемых ему преступлениях и обоснованию его уголовной ответственности [187, с. 11]; процессуальная деятельность, направленная на изобличение лица в совершении преступления, на обоснование его ответственности [95, с. 16] и т.д.

К приверженцам комплексного подхода понятия обвинения относим следующих ученых: Х.М. Лукожев, В.Г. Ульянов, В.Ш. Гатауллин, Н.Н. Дупак. В соответствии с их мнением, обвинение следует рассматривать и с материальной, и с процессуальной точки зрения в обязательной их взаимосвязи. Наиболее общее представление данного подхода можно продемонстрировать в высказывании Х.М. Лукожева о том, что в обвинении как в процессуальной деятельности целесообразно и правомерно выделять ее процессуальный и материально-правовой аспекты. Если формулировка обвинительного тезиса – материально-правовой компонент, то процесс сбора и представления доказательств обвинения – компонент процессуальный [117, с. 15]. Отметим, что мы являемся сторонниками комплексного подхода.

Кроме того, в работе мы анализируем и понятие *обвинения*, используемое в практике Европейского Суда. В данном контексте в румынском словаре по уголовному и уголовно-процессуальному праву отмечается, что *обвинение по уголовным делам*, понятие используется в практике Европейского Суда, означает официальное уведомление, выданное компетентным органом, посредством которого вменяется лицу, совершение некоторого преступления, что влечет важные для этого человека последствия (ЕСПЧ, решение от 27 февраля 1980 года по делу *Deweer contra Belgiei*, параг. 42-48; ЕСПЧ, решение от 20 октября 1997 года, по делу *Serves contra Franței*, параг. 42, ЕСПЧ, решение от 15 июля 1982 года по делу *Eckle contra Germaniei*, параг. 73) [57, с. 21].

Определенный вклад в рассмотрение проблемы определения цели уголовного судопроизводства в целом, и цели участия прокурора в уголовном процессе в частности, внесли такие ученые, как, Ю.Е. Левеев, В. М. Савицкий, И.В. Саушкина, Д.Н., И.Л. Петрухин и др.

В данном аспекте считаем уместным проанализировать лишь работы современных авторов, которые так или иначе основаны на научной мысли, сформированной в прошлых веках.

Так, И.В. Саушкина видит, что целью любого судебного разбирательства является наказание виновного в совершении преступления. При этом назначение наказания, несправедливого как вследствие мягкости, так и вследствие суровости, не может способствовать достижению целей правосудия и негативно сказывается на воспитательном воздействии, как на осужденного, так и на потерпевшего... Основной целью, стоящей перед государственным обвинителем, является вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора либо иного судебного решения [167, с. 253]. На наш взгляд, вполне можно согласиться с таким суждением. Далее автор верно утверждает, что указанной цели государственный обвинитель достигает посредством осуществления своих функций [167, с. 253]. Однако, неверно, по нашему мнению, определяет ее направление, а именно, что при этом основная функция государственного обвинителя направлена на установление истины по делу, а также на обеспечение участникам судебного процесса возможности реализовать свои права, назначение виновному справедливого наказания за совершенное преступление [167, с.252-254].

Подобную позицию занимает и Ю.Е. Левеев, который приходит к выводу, что можно представить цель уголовного судопроизводства как социально значимый, желаемый для государства, закономерный и законный результат, на достижение которого направлены

усилия должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, и суда. Цель уголовного судопроизводства может заключаться в достижении объективной истины по каждому уголовному делу, т.е. в достоверном (с максимальной точностью) установлении обстоятельств совершенного преступления, с обоснованием выводов следствия и суда доказательствами, полученными при условии неукоснительного соблюдения закона, и вынесении справедливого решения по делу. Задачи – это то, что следует осуществлять в ходе уголовно-процессуальной деятельности. Задачи в своей интерпретации могут совпадать с обязанностями лиц, осуществляющих производство по уголовному делу [115, с. 89].

Соглашаясь с мнением данных авторов в отношении их определения цели уголовного судопроизводства, подчеркнем, что с учетом различающихся их мнений по данному вопросу, в той или иной степени прав каждый из них, поскольку подходят к формированию понятия «цель» с абсолютно разных векторов. Однако и один, и второй автор, говорит о достижении истины по уголовному делу, как одной из ведущих правовых категорий, влияющих на аргументирование заявленных тезисов. В данном случае, говорить о достижении истины как таковой в уголовном судопроизводстве, представляется нам ошибочным. Данную точку зрения мы обосновывали уже при проведении анализа концепций, сформированных в Республике Молдова.

Исследованию функций прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции уделяют большое внимание в своих работах такие зарубежные ученые, как: А.В. Голощاپов, Л.А. Курочкина, П.А. Лупинская, В.М. Савицкий, И.В. Саушкина, М.С. Строгович, А.А. Новикова, А.А. Тушев, П.С. Элькинд, Л. Якуб и многие другие.

На существование многофункциональности в деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве в целом и в судебном разбирательстве, так или иначе, указывают такие ученые, как С.И. Герасимов [129, с. 656], Л.А. Курочкина [111, с. 14].

А.А. Тушев обозначает такие функции прокурора в суде, как функцию уголовного преследования в виде поддержания государственного обвинения, функцию установление истины по делу и функцию борьбы с преступностью [182, с. 202, 235, 252], а Л.А. Курочкина, выделяет помимо названных функций, еще правозащитную и правовоспитательную функцию [111, с. 26, 29-30].

В данном контексте подчеркнем, что, по мнению А.А. Тушева, наиболее ярко функция обвинения проявляется в прениях сторон. Именно в обвинительной речи дается анализ исследованных обвинительных и оправдательных доказательств, в

концентрированном и окончательном виде формулируются суждения о доказанности виновности подсудимого по итогам судебного расследования [182, с. 218]. Не согласны с такой позицией автора, т.к. считаем, что на этапе судебных прений деятельность прокурора сводится к оценке доказательств, к подведению итогов судебного расследования, собственно судебную речь прокурор может использовать как инструмент для поддержания либо отказа от обвинения.

Исследование правовой категории «правовой статус» вызывает необходимость заявить, что в современной доктрине уголовного процесса отсутствует единое мнение, поскольку правовой статус представляется с разных точек зрения: «правовой статус» отождествляют с «правовым положением» лица; «статус» и «правовое положение» есть понятия не идентичные; рассматривают «правовой статус» как сложное и комплексное понятие, и не связывают его с «правовым положением».

Считаем важным отметить, что в данном контексте на существование этих различных подходов в своих работах, так или иначе, указывают современные исследователи данного института, такие как *Е.Ю. Коваленко, К.А. Орлова, И. Милевская, Б.Д. Дамдинов, Т.К. Примаков и К.А. Орлова, М.А. Сурженко* и др.

В виду того, что данные взгляды подробно представлены нами в данной работе, считаем возможным не останавливаться на них в данном случае. Позволим себе только лишь высказать свою позицию по нему. Мы склонны думать, что под правовым статусом необходимо понимать такое правовое состояние субъекта правоотношений, исходя из которого возможно определить какая роль ему принадлежит, т.е. его правовое положение по сравнению с другими субъектами рассматриваемого конкретного правоотношения. В структуру правового статуса входят определенные элементы, которые и отличают одного субъекта от другого. К таким элементам следует относить: права (свободы), обязанности, ответственность, гарантии, гражданство, правовая база, регламентирующая статус. В связи с этим, считаем, что «правовой статус» есть категория не абстрактная, а вполне определенная, поскольку ее необходимо рассматривать только в привязке к конкретному правоотношению и к его субъектам.

Анализ смежной с правовым статусом, на наш взгляд, правовой категорией – процессуальный статус показал, следующее.

А.В. Агабаева, занимает позицию, согласно которой такие понятия как процессуальный статус, уголовно-процессуальный статус, процессуально-правовой статус и процессуальное положение могут рассматриваться как тождественные [66]. А.В. Чубыкин

утверждает, что правовой или, точнее, процессуальный статус прокурора установлен нормами... При этом права и обязанности прокурора в силу делегирования их ему государством выступают и реализуются как полномочия [200, с. 60]. Процессуальный статус, по мнению Д.А. Левичева, это правовое положение субъектов в юридическом процессе, определяющее его права и обязанности, полномочия, положение лица в системе иных участников юридического процесса [116, с. 7]. По мнению В.Ф. Крюкова, правовой статус прокурора - это системная совокупность его процессуальных прав, корреспондирующих им обязанностей, а также наличия собственного процессуального интереса, определяемого назначением уголовного судопроизводства, и установленной законом процессуальной ответственности [106, с. 11]. Резюмируем, что эти ученые рассматривают правовой и процессуальный статусы прокурора как синонимы, т.е. не делают никакого различия.

В этой связи указываем на то, что придерживаемся несколько иной точки зрения. В настоящей диссертации мы обосновываем тезис о том, что прокурор обладает единым правовым статусом должностного лица и различным процессуальным статусом участника уголовного судопроизводства.

В этой связи подчеркнем, что разделяем позицию, выраженную в коллективном труде румынских авторов под руководством *Vintilă Dongoroz*, которая хоть и не напрямую освещает проблему процессуального статуса прокурора, тем не менее, наводит на мысль о нем. Так, они абсолютно верно отмечают, что государство является стороной во всех уголовных процессах. [20, с. 82]. Будучи, однако, юридическим лицом осуществляет свои процессуальные права, как и любое юридическое лицо через представителей. Представителями государства в уголовных процессах являются квалифицированные субъекты (прокуроры) [20, с. 82].

Не уменьшая важности проанализированных исследований, представленных выше, обозначим, что все же больший исследовательский интерес у нас вызвали работы, направленные на рассмотрение вопросов, касающихся непосредственного участия прокурора в суде первой инстанции и в предварительном заседании, поскольку именно в данных исследованиях обозначены проблемы, возникающие в ходе реализации прокурором своих полномочий в судебной стадии уголовного судопроизводства, а именно в суде первой инстанции.

Важным в связи с этим является утверждение В.А. Лазаревой, представленное в монографии «Прокурор в уголовном процессе» о том, что деятельность прокурора в

предварительном слушании направлена на то, чтобы убедить суд в наличии оснований для рассмотрения уголовного дела по существу с тем, чтобы получить возможность доказывать виновность подсудимого, то есть осуществлять государственное обвинение [113, с. 102]. Важность, на наш взгляд, заключается, во-первых, в том, что данный автор обосновывает саму роль прокурора на предварительном заседании, а во-вторых, предопределяет вывод о том, что на данной стадии прокурор лишь получает возможность для дальнейшего осуществления государственного обвинения, т.е. еще не поддерживает государственное обвинение, а создает для него лишь необходимые условия.

В данном контексте коллектив современных румынских авторов под руководством *Udroiu Mihail* подчеркивает, что прокурор осуществляет в ходе судебного разбирательства активную роль, в целях установления истины и соблюдения норм права. При исполнении активной роли, прокурор формулирует заявления, делает мотивированные выводы и определяет исключения [56, с. 951]. В этом аспекте другой румынский специалист поясняет, что стороны могут осуществлять эти права либо лично, либо через защитника, но только в зависимости от того, в качестве какой стороны процесса находится [33, с. 126].

Несоблюдение положений, касающихся участия прокурора, когда его участие является обязательным по закону, влечет абсолютную недействительность вынесенных решений, в соответствии с п. d) части (1) ст. 281 УПК Румынии, которая устанавливает, что по собственной инициативе или по запросу (п. d) части (2) ст. 281 УПК Румынии), может быть вызван в любой стадии процесса (п. d) части (2) ст. 281 УПК Румынии [56, с. 951].

Основополагающим требованием, выдвигаемым к прокурору на предварительном заседании, как по нашему мнению, так и, по мнению многих исследователей данного института, выступает не просто подготовка прокурора к ней, а знание материалов уголовного дела, являющееся залогом качественного поддержания государственного обвинения.

В данном контексте, безусловно, значимым является обозначение В.А. Лазаревой круга тех проблем, которые могут возникнуть у прокурора именно из-за незнания им материалов уголовного дела. Так, она подмечает, что, во-первых, государственный обвинитель не может обоснованно заявить в суде ходатайство об оглашении материалов дела. Во-вторых, государственный обвинитель не может быть уверен в том, что органы расследования собрали все необходимые для обвинения доказательства, как и в том, что эти доказательства получены с соблюдением требований закона, содержат относящуюся к делу и достоверную информацию. В- третьих, незнание материалов дела препятствует

прокурору реализовать право на заявление ходатайства о дополнении судебного следствия: не зная, какая еще в деле есть информация, сложно определить, чем её можно дополнить, тем более что указание на возможность и направление продолжения поиска доказательств нередко содержится в уже имеющихся в деле доказательствах... Перечень проблем, возникающих в связи с плохой подготовкой прокурора к участию в судебном процессе, может быть и продолжен, однако думается, и без того ясно: государственный обвинитель должен знать материалы дела досконально [113, с. 109-111]. Справедливое утверждение о том, что данный перечень может быть продолжен, подкрепляется тем, что это зависит о многих факторов, сложности уголовного дела в том числе.

Поскольку одним из ключевых моментов участия прокурора в предварительном заседании выступает предоставление перечня, списка доказательств и их обоснование, подвергнем критическому анализу и исследования по данному вопросу.

Схожее мнение по данному вопросу высказывают, например, Ф.М. Ягофаров, Е.Г. Шадрина. Они утверждают, что полномочия прокурора на предварительном слушании сводятся, в основном, к обоснованию перед судом законности процедуры собирания доказательств... Отстаивание обоснованности обвинения и допустимости доказательств есть прямая обязанность государственного обвинителя, и сторона защиты вправе потребовать от него исполнения данной обязанности [203]; при рассмотрении ходатайства стороны защиты об исключении тех или иных доказательств, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на прокуроре [196, с. 163]. Учитывая тот факт, что наш законодатель в отличие от российского, не предусматривает отдельно регламентированный институт исключения доказательств, не можем в полной мере согласиться с утверждениями данных авторов. Поддерживаем их в той лишь части, касающейся обязанности обоснования государственным обвинителем законности получения доказательств на досудебной стадии, но лишь в том, случае, если сторона защиты заявляет о недопустимости тех или иных доказательств, указанных в подданном перечне.

Однако, учитывая, что именно суд принимает решения в отношении дальнейшей «судьбы» доказательств, считаем крайне необходимым в связи с этим привести глубокое высказывание П.А. Лупинской о том, что решение вопроса об исключении доказательств, полученных с нарушением закона, именно в ходе предварительного слушания создает необходимые предпосылки реализации состязательного процесса. Именно при такой процедуре обеспечивается обоснованность назначения судебного заседания, исключается

возможность использования заведомо недопустимых доказательств в судебном разбирательстве, обеспечивается непрерывность слушания дела, особенно когда излишние перерывы и откладывание судебного заседания крайне нежелательны [119, с. 121].

Анализируя один из выводов, представленных В.Д. Мироновым в автореферате, «Полномочия прокурора и их реализация при производстве по уголовным дела в суде первой инстанции», приходим к убеждению, что исследователь, делая утверждение о том, что при проверке судом явки вызванных в суд лиц государственный обвинитель должен обращать внимание на явку всех вызванных участников уголовного судопроизводства независимо от того, с какой стороны они будут выступать. Если сторона защиты будет ущемлена в своих правах, то в дальнейшем под сомнение может быть поставлен приговор, по сути являющийся законным и обоснованным [126, с. 19], обосновывает мнение, что прокурор в подготовительной части судебного заседания должен выступать гарантом законности.

В контексте участия прокурора в предварительном заседании, хотим обратить внимание и на работу румынского исследователя *Teodoru Gh. «Drept procesual penal, Parte specială»*, в которой автор достаточно ясно описывает сущность равноправия сторон. Автор поясняет, что равноправие сторон, означает такое построение этого вида государственной деятельности, которое обеспечивает равные возможности для сторон отстаивать свои интересы [55, с. 200].

В части участия прокурора в судебном расследовании отметим в целом комплексность подхода таких исследователей как Н.П. Кириллова, А.А. Хайдаров, В.Ф. Крюков, В.М. Бозров и В.М. Кобяков, З.Ш. Гатауллин, С.К. Питерцев и Степанов А.А.

На комплексный характер исследований каждого из этих авторов непременно указывает то, что они рассматривают вопрос об участии прокурора в судебном расследовании не только с процессуальной, но и с криминалистической точки зрения, уделяя, например, особое внимание вопросам тактики, методики поддержания обвинения, а также и другим наиболее важным аспектам.

Н.П. Кириллова в «Процессуальные и криминалистические особенности поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции», указывает на двоякое значение – организационное и тактическое [102, с. 21] установления порядка исследования доказательств в судебном расследовании. Однако неверно, на наш взгляд, указывает на то, что прокурор, поддерживающий государственное обвинение, должен рекомендовать суду научно обоснованный порядок исследования доказательств...[102, с. 21]. Считаем, что

прокурор, предлагая суду порядок исследования доказательств, основывается, скорее всего, на выбранной им тактике поддержания государственного обвинения и собственном опыте, а уж потом только на науке. Поэтому прокурор должен предлагать практически, а не научно обоснованный порядок исследования доказательств. С другой стороны, бесспорно, на наш взгляд, она заявляет, что, поскольку допрос – это наиболее распространенное судебное действие и от его умелого проведения зависит качество поддержания государственного обвинения в целом, прокурор должен владеть его тактикой [102, с. 25].

Анализ учений о допросе в судебном расследовании позволяет обратить внимание на то, в науке существует стойкое убеждение об особенностях такого допроса. Например, С.К. Питерцев и А. А. Степанов в «Тактика допроса на предварительном следствии и в суде» выделяют следующие особенности: публичность, кратковременность, отдаленность во времени, внезапность, допрашиваемый не знаком [139, с. 78].

Однако, учитывая положения уголовно-процессуального законодательства РФ, такая особенность как допрашиваемый не знаком не может быть в полной мере применима, поскольку прокурор определенно знаком с подсудимым, как минимум с того момента, когда предъявил ему обвинение и осуществил его допрос в качестве обвиняемого, на досудебной стадии уголовного процесса. О такой особенности допроса можно говорить лишь в тех случаях, когда «новый» прокурор подключается к рассмотрению дела непосредственно в судебной стадии уголовного судопроизводства, т.е. в случаях, когда участие прокурора в суде, руководившего или осуществлявшего уголовное преследование, по той или иной причине, оказалось невозможным.

З.Ш. Гатауллин в кандидатской диссертации «Подготовка и осуществление государственного обвинения в суде» верно резюмирует, что допрос подсудимого занимает значительное место в судебном следствии, так как является одним из основных методов, с помощью которого прокурор выявляет отношение подсудимого к обвинению и опровергает его доводы. Кроме того, показания подсудимого – это всегда прямое доказательство, способное пролить свет на многие обстоятельства уголовного дела и оценку других исследуемых в суде доказательств [83, с. 114].

В.Ф. Крюков в «Уголовное преследование в судебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора» утверждает, что судебному следствию принадлежит центральное место среди внутренних этапов, из которых складывается судебное разбирательство [107, с. 94], тем самым демонстрирует неоспоримое значение судебного расследования в уголовном судопроизводстве.

В отношении участия прокурора в судебном расследовании также хотим обратить внимание на труд румынского автора *Mateuț Gh. «Procedură penală. Parte specială, Vol. II»*, но уже сквозь призму состязательности румынский автор *Mateuț Gh.* утверждает, что правосудие является состязательным, когда стороны (участники) судебного разбирательства могут активно и в равных условиях спорить, доказывать свою правоту, излагать свои доводы, давать свое толкование фактов и событий, доказательств по делу и тем самым способствовать установлению истины [34, с. 11]. Данное утверждение, на наш взгляд, подчеркивает, что прокурор должен быть активным.

Определить заслугу в доктрине уголовного процесса таких исследователей, как А.А. Трефилов, А.М. Мухин, В.Л. Кудрявцев, И.Демидов и А.Тушев, А.Р. Белкин, А.Н. Фоменко, С.Бояров, можно уже только за их исследования института отказа от обвинения.

Тем не менее, обозначим спорный, по нашему мнению, момент, имеющий место в исследовании А.Р. Белкина «Независимость суда и отказ прокурора от обвинения». Автор утверждает, что отказ прокурора от обвинения может быть заявлен и в ходе предварительного слушания. Обычно такой «внезапный» отказ прокурора обусловлен исключением каких-то важных элементов доказательственной базы, признанных недопустимыми доказательствами, – оставшегося набора доказательств уже не хватает для обвинения. Такой отказ от обвинения фактически равносителен прекращению дела на стадии предварительного расследования, поскольку по существу в суде дело так и не рассмотрено, а поэтому не встречает никаких возражений [72]. Мы придерживаемся точки зрения, в соответствии с которой, отказаться от обвинения прокурор может только лишь в стадии судебных прений.

Исследованию института отказа прокурора от обвинения посвятили свои труды и румынские ученые. Например, коллектив румынских исследователей под руководством *Vintilă Dongoroz* поясняют, что прокурор не обязан поддерживать обвинение любой ценой, но только в той мере, в какой существуют доказательства по делу и затем все данные, касающиеся дела и исполнителя, выявленные или установленные в ходе судебного расследования или судебных прений, он поддерживает основы обвинения [20, с. 167].

В этом же контексте отмечается и в работе *Nicolae Volonciu «Tratat de procedură penală, parte specială, Vol.II»*, что прокурор не обязан поддерживать обвинение в любых условиях, и не может ограничиваться ни одним необоснованным отказом от обвинения [60, с. 180]. Тем самым эти исследователи обосновывают как само существование института

отказа в румынском уголовно-процессуальном законодательстве, так и прописывают условия его заявления.

Обратим внимание на другой вопрос, рассмотренный румынским исследователем *Ion Neagu*, который отмечает, что в отличие от судебного расследования, в ходе дебатов, порядок предоставления слова закреплен в законе и является обязательным [38, с. 527]. С одной стороны, такая позиция автора представляется верной, поскольку в ч. (2) ст. 377 УПК РМ сказано, что судебные прения состоят из речей: прокурора, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, защитника и подсудимого, если защитник не участвует в данном деле или подсудимый просит слова. С другой стороны, данное высказывание не вполне применимо к уголовному судопроизводству РМ. Поскольку, в УПК РМ (ч. (1) ст. 365) закреплено положение о том, что в ходе судебного расследования *в первую очередь* исследуются доказательства, представленные стороной обвинения.

В той же работе этот автор правильно подчеркивает, что в целях обеспечения полной состязательности, закон предусматривает, что председатель состава суда предоставляет право на реплику, с соблюдением той же последовательности [38, с. 527]. Поясним, что здесь автор имеет в виду последовательность выступления в судебных прениях, тем самым, акцентирует внимание на значимости соблюдения последовательности выступлений с репликой.

Наиважнейший аспект судебной речи, на котором прокурору особенно необходимо проакцентировать, заострить свое внимание, безусловно являются его выводы о квалификации преступления. Юридическая квалификация дела, как отмечает *Theodor Mrejeru* в «*Drept procesual penal*», предполагает реализацию согласования судебными органами между составом преступления предусмотренном в законе и данным конкретным преступлением [37, с. 134].

Анализ зарубежных публикаций, использованных нами, при исследовании участия прокурора в судебных прениях, позволяет выделить наиболее основательные исследования следующих авторов: Н.П. Кириллова, Т.Ю.Виноградова и С.Ю. Якушин, З.З.Зинатуллин и Т.З. Зинатуллин, А.П. Сухарев, А.В. Лапкин, *Ion Neagu* и др. Данные исследователи, так или иначе, в своих работах уделяют внимание таким вопросам, как: подготовка к участию в судебных прениях, форма и структура судебной речи, содержание судебной речи, качественные характеристики судебной речи, тактические приемы, используемые прокурором в судебных прениях, значение реплики для государственного обвинителя в стадии судебных прений. В силу того, что данные вопросы не нашли законодательного

урегулирования, подчеркнем, что эти ученые высказывают заслуживающие определенного уважения авторские, собственные мнения по ним.

В этом аспекте важным, по нашему мнению, является утверждение румынского автора *Buneci P.*, отображенное в «*Drept procesual penal. Partea specială*» о том, что понятие судебных прений можно рассматривать в двух значениях. В широком смысле судебные прения означают непосредственное, публичное, устное и состязательное проведение судебного заседания. В узком смысле, судебные прения представляют ту часть судебного заседания, в которой предоставляется слово прокурору и сторонам для выражения своей точки зрения по фактической ситуации и, как правило, исходит из судебного расследования, а также в связи и с любым другим вопросом, поднятым по делу. Прокурор, а также каждая сторона аргументирует мотивированные выводы, опровергая в тоже время точки зрения противоположных сторон [4, с. 176].

1.3. Выводы к главе 1

Многогранный и всеобъемлющий анализ научных работ, посвященных исследованию института участия прокурора в суде первой инстанции, опубликованных как в Республике Молдова, так и за рубежом позволяет отметить следующее:

1. полномочия прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции выступают не новым предметом исследования в юридической науке. Можем выделить современные научные труды таких процессуалистов как: *Vizdoagă T., Airapetean A., E, Arseni L., Covalenco E., Dolea I., Eșanu E., Holban V., Gribincea V., Kiseev N., Milușev D., Odajiu I., Osoianu T., Roman D., Rusu V., Serbinov I., Ursache P. (Republica Moldova), Antoniu Gh., Buneci P., Lupașcu D., Lorincz A., Magherescu D., Mrejeru T., Mateuț Gh., Neagu I., Teodoru Gh., Udrioiu M., Volonciu N., Vintilă Dongoroz (România)*, Лапкин А.В., Луцик В. В., Стефанчук М. (Украина), Агабаева А.В., Белкин А.Р., Горяинов А.В., Гатауллин З.Ш., Демидов И., Дупак Н.Н., Кириллова Н.П., Крюков В.Ф., Левеев Ю.Е., Lupinskaya П.А. Савицкий В.М., Строгович М.С., Саушкина И.В., Тушев А.А., Ульянов В.Г., Ягофаров Ф.М. (Российская Федерация) и др.;

2. доктрина уголовного процесса, сформированная за рубежом, отличается в целом огромным количеством научных исследований. Кроме того, их неоспоримой особенностью выступает многоаспектность исследований, разносторонность взглядов, а также острый

полемический характер. Учеными применяются различные подходы к пониманию в принципе института участия прокурора в уголовном судопроизводстве. Существуют достаточно серьезные как комплексные исследования, посвященные анализу сразу нескольких проблем института поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции, так и глубокие исследования непосредственно полномочий прокурора в суде первой инстанции;

3. научные исследования, сформированные в Республике Молдова, охватывают теоретические и практические проблемы уголовного судопроизводства в общем, рассматривающие лишь отдельные дискуссионные вопросы института участия прокурора в суде первой инстанции. Единственным фундаментальным и комплексным исследованием является докторская диссертация *«Exercitarea acuzării în instanța de fond: probleme și perspective»*, защищенная Vizdoagă T. Данная диссертация была архиактуальна в 2002 году, поскольку основана на существующем в то время еще только проекте ныне действующего УПК РМ, и остается базовым исследованием и по сей день, не потерявшим своей актуальности;

4. в трудах молдавских ученых прослеживаются определенные «пустоты» при освещении таких вопросов как: цель и функции прокурора в суде первой инстанции, статус прокурора в суде первой инстанции. Фрагментарно исследован институт отказа прокурора от обвинения, в том числе весьма скудно представлена проблема соблюдения прав потерпевшего при заявлении отказа прокурором от государственного обвинения.

5. проведенное исследование института участия прокурора в суде первой инстанции, в том числе основанное на анализе доктринальных источников, позволило обозначить необходимость *решить важнейшую научную проблему*, которая состоит в *концептуализации* института полномочий прокурора в суде первой инстанции, в результате чего *оптимизируется* деятельность прокурора в суде первой инстанции, что позволяет *повысить эффективность* уголовного судопроизводства.

6. для *решения* определенной нами *важнейшей научной проблемы* считаем необходимым достичь *цель исследования*: комплексный научный анализ теоретических концепций, юриспруденции и уголовно процессуальных норм, относительно реализации полномочий прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции для определения их эффективности и целесообразности совершенствования;

7. цель исследования предопределяет постановку и решение следующих *задач исследования*: провести анализ ситуации в области исследования полномочий прокурора

при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции; изучить концепции понятия «обвинение»; установить цель и функции прокурора; определить понятие и выяснить структуру правового статуса прокурора в уголовном судопроизводстве; обосновать роль прокурора в предварительном заседании; исследовать полномочия прокурора в подготовительной части суда первой инстанции; проанализировать поддержание прокурором государственного обвинения в ходе судебного расследования; рассмотреть судебные прения в контексте участия государственного обвинителя в них; проанализировать основания и порядок изменения обвинения в судебном заседании; исследовать институт отказа прокурора от обвинения; разработать научно-обоснованные рекомендации по совершенствованию действующего законодательства в области регулирования института участия прокурора в суде первой инстанции.

2. КОНЦЕПЦИИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

2.1. Цель и функции прокурора

Прокурор в соответствии с ныне действующим законодательством РМ является лицом, осуществляющим в пределах своей компетенции от имени государства уголовное преследование или, по обстоятельствам, руководящим им, представляющим обвинение в суде и выполняющим другие обязанности, предусмотренные уголовно-процессуальным кодексом. Прокурор, участвующий в уголовном судопроизводстве, выполняет функции государственного обвинителя [6, ст. 51; 30, ст. 4]. Следовательно, прокурор выступает профессиональным участником уголовного судопроизводства. В этой связи, его деятельность должна быть жестко направленной, иметь четкие цели.

Законодателем регламентирована цель уголовного судопроизводства в ч. (2) ст. 1 Уголовно -процессуального кодекса РМ (далее УПК РМ) и состоит в защите личности, общества и государства от преступлений, а также защите личности и общества от противозаконных действий должностных лиц при расследовании предполагаемых или совершенных преступлений с тем, чтобы каждый совершивший преступление был наказан в меру своей вины и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Акцентируем внимание на том, что в УПК РМ в версии на государственном языке обозначается *scopul* (цель), а в русской версии задачи (*sarcine*), это на наш взгляд, может ввести в некоторое заблуждение, поэтому считаем целесообразным осуществить соответствующую корректировку русскоязычной версии УПК РМ.

Новый Закон о Прокуратуре в ст. 1 устанавливает, что «прокуратура в уголовном и иных предусмотренных законом производствах содействует соблюдению правопорядка, осуществлению правосудия, защите прав и законных интересов личности и общества» [30, ст. 1], тем самым, на наш взгляд, обозначает цель деятельности Прокуратуры.

В тоже время отметим, что анализ современного законодательства Республики Молдова, регламентирующего участие прокурора в суде первой инстанции (Конституция РМ [7], УПК РМ [6], Закон о Прокуратуре [30] и др.), показал, что оно не содержит в себе нормативно - правового определения понятия «цель» отдельных ее этапов, а также цель деятельности участников уголовного судопроизводства в нем. Кроме того в новом Законе о прокуратуре (2016г.), также ничего не говорится об этом, не упоминается об этом и в Стратегии реформы сектора юстиции на 2011-2016 годы.

Рассмотрение вопроса о сущности той или иной деятельности целесообразно начинать с выяснения ее целей и задач, поскольку целеполагание – обязательное смыслообразующее содержание практики, состоящее в формировании цели и ее воплощении в объективно-реальном результате деятельности [170, с. 401]. В противном случае данная деятельность окажется нецелесообразной [96, с. 27].

Кроме того, о необходимости исследования такой правовой категории как цель в уголовном судопроизводстве, свидетельствует отсутствие в науке единого подхода к нему.

Согласимся с мнением Ю.Е. Левеева, согласно которому, концепция правового государства, предполагает создание режима сбалансированности и оптимизации соблюдения интересов государства и личности, что само по себе должно найти отражение в определении целей и основополагающих задач современного отечественного уголовного судопроизводства, поскольку именно они являются прямым олицетворением цивилизованности государства и развитости институтов гражданского общества, отражают признание и принятием правом нравственных ценностей и категорий [115, с. 88] Этот российский ученый правовед, естественно, усматривает, что определение целей и задач уголовного процесса уходит корнями к трудам классиков российской юридической науки [115, с. 88].

В связи с этим, анализируя различные взгляды российских ученых, автор приходит к выводу, что можно представить цель уголовного судопроизводства как социально значимый, желаемый для государства, закономерный и законный результат, на достижение которого направлены усилия должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, и суда. Цель уголовного судопроизводства может заключаться в достижении объективной истины по каждому уголовному делу, т.е. в достоверном (с максимальной точностью) установлении обстоятельств совершенного преступления, с обоснованием выводов следствия и суда доказательствами, полученными при условии неукоснительного соблюдения закона, и вынесении справедливого решения по делу. Задачи – это то, что следует осуществлять в ходе уголовно-процессуальной деятельности. Задачи в своей интерпретации могут совпадать с обязанностями лиц, осуществляющих производство по уголовному делу [115, с. 89].

Отметим бесспорный факт значимости проведенного Левеевым ЮА. исследования «Целеполагание в российском уголовном судопроизводстве как нравственная и правовая категория», поскольку оно носит комплексный характер. Исследователем проанализированы мнения и взгляды ученых, занимающихся исследованиями в различное

время, причем исследовано законодательное регулирование уголовного судопроизводства, действующего в эти периоды времени и на территории современной РМ. Однако мы не в полной мере согласимся с выводами, к которым пришел автор.

Так, одно из современных трактовок исследуемого понятия состоит в том, что *цель* – идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта; финальный результат, на который преднамеренно направлен процесс [130].

В румынском юридическом словаре дается такое определение, как цель уголовного процесса – это цель, преследуемая в уголовном процессе, которая состоит в установлении в срок и в полном объеме фактов, которые составляют преступления, так, чтобы любое лицо, совершившее преступление было наказано в соответствии с виной, чтобы и ни одно невинное лицо не было привлечено к уголовной ответственности. Уголовный процесс должен содействовать защите правопорядка, защите личности, ее прав и свобод, на предотвращение преступлений, а также и на воспитание граждан в духе соблюдения законов [48].

Схожее мнение высказывают Смирнов А.В. и Калиновский К.Б., утверждая, что цель судопроизводства состоит в защите прав и законных интересов как лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и лиц, незаконно и необоснованно обвиненных или осужденных за совершение преступления, либо незаконно ограниченных в их правах и свободах [169, с. 11].

В этой связи считаем, что цель уголовного судопроизводства не «может заключаться в достижении объективной истины по каждому уголовному делу», как считает Левеев Ю.Е.

Обращаясь к самому термину «истина», важно отметить, что данное философское понятие сегодня рассматривается с различных точек зрения, существуют самые разнообразные теории истины (авторитарная, когерентная и конвенциональная теории истины, а также прагматическая концепция истины и др. [97]).

В данном аспекте хотим привести в качестве примера изречение знаменитого русского юриста Пороховщикова П.С., публиковавшегося под псевдонимом Сергеич П., о том, что суд не может требовать истины от сторон, ни даже откровенности: они обязаны перед ним только к правдивости. Ни обвинитель, ни защитник не могут открыть истину присяжным; они могут говорить только о вероятности [168, с. 8].

По нашему мнению, целесообразно использовать термин **«фактические обстоятельства дела»**, т.е. такие обстоятельства, которые соответствуют реальной действительности. В связи с этим, считаем, что цель уголовного судопроизводства

необходимо рассматривать как установление именно фактических обстоятельств дела [172, с. 311].

Петрухин И.Л., в свою очередь отмечал, что закон согласует цели правосудия между собой, с целями надсистемы (всей уголовной юстиции), а также с целями подсистем – прокуратуры (при участии прокуроров в уголовном процессе), судебной защиты, экспертных учреждений и т.п. Цели и функции всех участников уголовного процесса определены законом с таким расчетом, чтобы они наилучшим образом служили достижению общих целей правосудия. Создавая «древо целей» - от частных до общих, закон тем самым связывает цели правосудия со средствами их достижения [138, с. 179]. Отчасти согласимся с таким суждением, а именно с тем, что функции способствуют достижению общих целей правосудия. Что же касается цели, то считаем, что выше обозначенная нами цель пронизывает все уголовное судопроизводство.

Учитывая, что именно прокурор, участвующий в уголовном судопроизводстве, выполняет функции государственного обвинителя, с необходимостью выявить его цель на данном этапе, считаем возможным, привести мнения некоторых ученых по поводу того, что есть обвинение и государственное обвинение, и на что оно направлено.

Совсем еще недавно существовало традиционных два, так называемых, подхода к пониманию «обвинения»: материально-правовой и процессуальный. Однако в последние годы все больше набирает «темпы» и, по нашему мнению, скорее всего, прочно закрепится в науке в качестве концепции «двузначный»¹ подход, сторонники которого считают, что «обвинение» нельзя рассматривать односторонне, только с материально-правовой или только с процессуальной позиции, а следует использовать эти два подхода во взаимосвязи друг с другом.

Так, в материально-правовом смысле Н.Н. Полянский называл обвинение уголовным иском, понимая под ним притязание, на которое должен дать ответ обвиняемый [141, с. 3]. По мнению М.П. Бобылева, обвинение - это направленное на реализацию уголовной ответственности и содержащееся в процессуальном акте органа предварительного следствия, дознания, прокурора или заявлении потерпевшего утверждение о совершении определенным лицом преступления, выдвинутое в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом [73, с. 13]. М.А. Чельцов-Бебутов под

¹ *Примечание.* В доктрине и законе такой термин как «двузначный» в контексте предмета исследования не используется, является предложением автора и означает, комплексное понимание «обвинения», т.е. обоснование его с материально-правовой и процессуальной позиции

обвинением подразумевал формулировку обвинения по определенной статье УК, соответствующую составу преступления, описанному в определенном законе [199, с. 45]. Обвинение в материально-правовом смысле есть процессуальное выражение уголовной ответственности, точнее состава преступления, вменяемого конкретному лицу [165, с.43].

Некоторые румынские авторы *Antoniou Gh., Volonciu N., Zaharia N.* В 1988 г. разъясняя термин «обвинение» в «*Dicționar de procedură penală*» указывали, что это термин, используемый в предшествующем процессуальном законодательстве, для обозначения процессуального акта, посредством которого лицо было обвинено в совершении одного уголовного деяния определенной тяжести (преступление) [3, с. 14]. Такой смысл разъяснения термина позволяет отнести румынских авторов в период 1988 г., к сторонникам материального подхода.

Существуют различные взгляды на «обвинение» и в процессуальном аспекте. Так, ряд ученых под обвинением понимают не только процессуальный акт, содержащий утверждение о совершении определенным лицом запрещенного уголовным законом деяние, но и деятельность, которая приводит к возможности формулирования обвинительного тезиса. Так, А.В. Гориянов заявляет, что обвинение, в узком смысле, представляет собой совокупность процессуальных действий стороны обвинения по формулированию обвинительных доводов [84, с. 17]. М.С. Строгович под обвинением понимал совокупность процессуальных действий, направленных на изобличение лица, совершившего преступление [176, с. 105]. Зинатуллин З.З. и Зинатуллин Т.З. обвинение рассматривают как процессуальную деятельность, направленную на изобличение лица в совершении преступления, на обоснование его ответственности [95, с. 16].

Анализ работ ученых по проблемам института обвинения, проведенный современным исследователем В.М. Лукожевым, позволяет убедиться, что большинство из них используют этот термин в процессуальном смысле как уголовно-процессуальную функцию; как деятельность обвинителя, выступающего в суде; как вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого [117, с.14]. Также Лукожев В.М., в своей работе говорит о том, что в литературе имеется и иной взгляд, согласно которому обвинение следует понимать только в едином смысле. В качестве примера, приводит следующие высказывания.

Тутышкин Н.П. считал, что в уголовном процессе обвинение имеет только процессуальное значение. Термин «обвинение» сугубо процессуальный, а не материально-

правовой. В уголовном праве нет термина «обвинение», а есть состав преступления с его обязательными признаками [181, с. 11].

Исследуя мнения данных ученых, Лукожев Х.М. абсолютно верно, на наш взгляд, утверждает, что «если согласиться с таким утверждением, то окажется, что уголовно-процессуальная деятельность не имеет никакой связи с материальным законом и не может рассматриваться как способ (форма) применения уголовного закона. Но уголовно-процессуальная деятельность является правоприменительным процессом, в котором наряду с применением норм уголовно-процессуального закона происходит применение норм уголовного закона. По этой причине содержание уголовно-процессуальной деятельности наполняется и содержанием уголовного закона. В связи с этим в обвинении как в процессуальной деятельности целесообразно и правомерно выделять ее процессуальный и материально-правовой аспекты. Если формулировка обвинительного тезиса – материально-правовой компонент, то процесс сбора и представления доказательств обвинения – компонент процессуальный. Уголовный закон не может использовать термины, отражающие движение дела, он призван отразить его результат. Это и объясняет тот факт, что термин «обвинение» не содержится в уголовном законе» [117, с. 15].

Еще один известный ученный, предметом исследования которого является институт обвинения, Ульянов В.Г. в своем труде «Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве (процессуальные и криминалистические аспекты), совершенно справедливо утверждает, что «ученые, изучавшие обвинение в указанных аспектах, пытались сформулировать единое, полное и в то же время научное определение понятия обвинения. Однако, все их попытки, как нам представляется, заканчивались неудачей, поскольку многие исследователи данного правового института не учитывали, что обвинение является правовой формой уголовно-процессуальной деятельности, связывающей субъектов этой деятельности взаимными правами и обязанностями. Стремление рассматривать обвинение лишь с одной стороны – либо как правоотношение, либо как уголовно-процессуальную деятельность приводило к одностороннему взгляду на всю проблему. Анализ научных исследований и публикаций по этой теме позволяет убедиться в отсутствии комплексного подхода при формулировке дефиниции «обвинение» [186, с. 52]. *Обвинение как процессуальная функция*, как вид уголовно - процессуальной деятельности теснейшим образом связано с предметом обвинения, т.е. с материально-правовым отражением тех уголовно-наказуемых действий, по поводу которых ведется уголовный процесс. Обвинение в материально-правовом смысле есть процессуальное

выражение уголовной ответственности, точнее состава преступления, вменяемого конкретному лицу. Обвинение охватывает все необходимые признаки преступления, все его элементы, как они предусмотрены диспозицией соответствующей статьи Уголовного кодекса. Сформулированное в процессуальных документах, оно служит платформой, на которой последовательно развивается уголовно-процессуальная деятельность, направленная к уточнению, проверке, обоснованию обвинительного тезиса. Можно и нужно различать обвинение как функцию и как предмет доказывания, но нельзя отрывать одно от другого. Без заранее сформулированного обвинительного вывода деятельность по доказыванию обвинения окажется беспредметной, бесцельной. С другой стороны, обвинение в материально-правовом смысле превратится в голую декларацию, в пустую угрозу, если оно не будет подкреплено активным доказыванием правильности обвинения, если субъект доказывания не использует все указанные в законе процессуальные возможности, для того чтобы убедить суд в виновности обвинения и обвинительной деятельностью кратко может быть выражена формулой: обвинитель обязан выдвинуть обвинение, обвинение должно быть доказано обвинителем [186, с. 22-23, 25].

Так, наша соотечественница *Vizdoagă T.* в своей диссертации предлагает свое определение исследуемого понятия «обвинение — это процессуальная деятельность уполномоченных органов и лиц с целью установления вины обвиняемого и его осуждения» [61, с. 147]. Следовательно, *Vizdoagă T.* относится к категории ученых, придерживающихся процессуальной теории обвинения. Однако, в этой же работе она утверждает «Поддерживаем, что обвинение представляет собой описание в процессуальных актах противоправного действия (бездействия), вменяемое конкретному лицу (обвинение в материальном смысле), и процессуальная деятельность органов и лиц, наделенных этим правом, направленная на изобличение виновного в совершении преступления и наказание его (обвинение в процессуальном смысле). Обвинение в материальном смысле включает в себя фабулу, юридическую формулировку и правовую квалификацию [61, с. 147]. Второе же утверждение позволяет сделать вывод, что *Vizdoagă T.*, скорее следует отнести к приверженцам «двузначной концепции обвинения».

Подобную точку зрения выражают коллектив молдавских специалистов, предлагающих рассматривать обвинение и в процессуальном, и в материальном аспекте. Так, они предлагают следующие определения обвинения: Обвинение в процессуальном смысле: процессуальная деятельность прокурора с целью обнаружения виновного в совершении преступления и его осуждение. Обвинение в материальном смысле: Фабула —

установленные по делу факты, строго индивидуальные и неповторимые; Юридическая формулировка – незаконное и наносящее вред деяние, установленное в случае, в котором содержатся элементы определенного преступления; Юридическая квалификация – установление конкретной нормы (норм) уголовного закона, признаков, которые соответствуют инкриминируемому деянию [62, с. 39].

Схожая трактовка понятия обвинения дается и в *Dicționar de Drept Procesual- Penal*, коллектив авторов отмечает, что обвинение необходимо понимать в материальном (существенном) смысле и в процессуальном (формальном) смысле [47, с. 15].

Поддерживаем суждение Гатауллина З.Ш. о том, что возвращаясь к вопросу о материальном и процессуальном аспектах обвинения, следует отметить, что хотя такое деление носит весьма условный характер, оно, тем не менее, необходимо. Обвинение в его материальном смысле составляет цель, предмет и содержание обвинительной деятельности, то есть обвинение в процессуальном смысле. И хотя, конечно же, оба понятия – предмет уголовно-процессуального права, фабула и формула обвинения имеют самое прямое отношение к материальному уголовному праву [83, с. 43]. В связи с этим, становится очевидным, что обвинительный иск (тезис) и деятельность по его формулированию, а также поддержанию взаимосвязаны и порождают друг друга, т.е. взаимозависимы, поэтому эти правовые явления необходимо рассматривать неразрывно и в их взаимосвязи.

Разделяем мнение Дупак Н.Н., согласно которому, в практическом плане разделение обвинения на две составляющих представляются условными, поскольку основной целью и результатом обвинительной деятельности является формулировка, доказывание, отстаивание обвинительного тезиса. Обвинение определяет содержание и направление судебного разбирательства, причем самостоятельным процессуальным институтом оно выступает только в состязательном уголовном процессе. О самостоятельности обвинения свидетельствуют наличие специальных органов, уполномоченных поддерживать обвинение и особой процессуальной формы поддержания обвинения. Процессуальная природа обвинения представляет собой требование, обращенное к органам судебной власти и создающее для нее обязанность производства по делу в судебном порядке с целью установления виновности лица и применения к нему меры уголовного наказания [90, с. 14].

Обращаясь к УПК РМ, следует констатировать, что действующий УПК РМ не содержит определения «обвинение». Об этом в своих работах уже высказывались отечественные исследователи [61, с. 147]. Однако термин обвинение используется

законодателем не единожды [191, с. 257]. Так, в ст. 51 УПК РМ говорится о том, что прокурор является лицом, осуществляющим в пределах своей компетенции от имени государства уголовное преследование, *представляющим обвинение* в суде. В ходе уголовного судопроизводства прокурор *поддерживает обвинение* от имени государства... (ч. (4) ст. 51 и ч. (1) ст. 53 УПК РМ). Прокурор также *предъявляет обвинение* и допрашивает обвиняемого на основании доказательств, представленных органом уголовного преследования, либо на основании собранных им лично доказательств (ст. 52 УПК РМ). В соответствии со ст. 282 УПК РМ, *обвинение* должно быть *предъявлено* прокурором в присутствии адвоката в течение 48 часов с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, но не позднее дня явки обвиняемого или его привода. *Представляя государственное обвинение*, прокурор руководствуется требованиями закона и своим внутренним убеждением, основанным на исследованных в судебном заседании доказательствах (ч. (2) ст. 320 УПК РМ). Исходя из приведенных примеров, мы видим, что «обвинение» - поддерживается, предъявляется, представляется, изменяется и дополняется и т.п. Можно предположить, что законодатель под обвинением понимает что-то конкретное, имеющее материально-процессуальную основу, ознакомившись с которой сразу становится ясно, кто на основании чего и почему может быть привлечен к уголовной ответственности [191, с. 257]. В настоящий момент такой материально-процессуальной основой привлечения лица к уголовной ответственности выступает обвинительное заключение – процессуальный документ, акт, являющийся итоговым документом проведенного уголовного преследования, который определяет рамки и пределы будущего судебного разбирательства, поскольку именно сформулированное в обвинительном заключении обвинение и поддерживается прокурором в суде первой инстанции.

В Руководстве по ст. 6 ЕКЧП сказано, что концепция «*обвинения*» должна пониматься в значении, предусмотренном Конвенцией. Следовательно, она может быть определена как «официальное уведомление лица компетентным органом о том, что оно подозревается в совершении уголовного преступления» [164, с. 7].

В данном контексте в румынском словаре по уголовному и уголовно-процессуальному праву отмечается, что *обвинение по уголовным делам*, понятие используется в практике Европейского Суда, означает официальное уведомление, выданное компетентным органом, посредством которого вменяется лицу, совершение некоторого преступления, что влечет важные для этого человека последствия (ЕСПЧ,

решение от 27 февраля 1980 года по делу *Deweer contra Belgiei*, параг. 42-48; ЕСПЧ, решение от 20 октября 1997 года, по делу *Serves contra Franței*, параг. 42, ЕСПЧ, решение от 15 июля 1982 года по делу *Eckle contra Germaniei*, параг. 73) [57, с. 21].

Приведем другой пример, в котором подробнее разъясняется данная проблема. Например, по делу *Case of Ziliberg v. Moldova*, в параграфе 27-28 сказано, что истец заявил, что обвинения в его адрес можно рассматривать как с „уголовным” характером в контексте ст. 6 Конвенции. Он отметил, что административные правонарушения были рассмотрены в суде Коллегией по уголовным делам, и что как во французской правовой системе подобные действия наказываются на основании положений Уголовного Кодекса. Правительство заявило, что факт обвинения в адрес истца скорее является «административным», чем «уголовным» [207]. Здесь же, в параграфе 31, уточняется, что для того чтобы ст. 6 ЕКПЧ стала применимой, достаточно, чтобы либо правонарушение по своей природе было «преступным» с точки зрения Конвенции, либо лицо, его совершившее, подлежало наказанию в виде санкции, которая в силу своей природы и тяжести, обычно считается «уголовно-правовым» [207].

В этой связи предлагаем следующее определение: *обвинение - это аргументированный тезис о совершенном преступлении, который в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона утверждается, предъявляется, представляется, изменяется, дополняется и поддерживается прокурором.*

Возвращаясь к вопросу выяснения цели деятельности прокурора, отметим, что наша соотечественница *Vizdoagă T.* в своей диссертации «*Exercitarea acuzării în instanța de fond: probleme și perspective*» в данном контексте предлагает свое определение «обвинение — это процессуальная деятельность уполномоченных органов и лиц с целью установления вины обвиняемого и его осуждения» [61, с. 147].

В.Ф. Крюков считает, что государственное обвинение в суде представляет собой совокупность процессуальных действий прокурора — государственного обвинителя, который в судебном заседании в состязательном процессе отстаивает перед судом свой взгляд о виновности подсудимого и к которому в равных процессуальных условиях судебного рассмотрения уголовного дела всегда противостоит другая сторона — сторона защиты [107, с. 69].

Саушкина И.В., утверждает, что целью любого судебного разбирательства является наказание виновного в совершении преступления. При этом назначение наказания, несправедливого как вследствие мягкости, так и вследствие суровости, не может

способствовать достижению целей правосудия и негативно сказывается на воспитательном воздействии, как на осужденного, так и на потерпевшего... Основной целью, стоящей перед государственным обвинителем, является вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора либо иного судебного решения [167, с. 253].

Противоположное мнение высказано ирландскими специалистами. Они утверждают, что целью прокурора является обеспечение справедливого вердикта в конце судебного процесса и, он не должен стремиться к вынесению обвинительного приговора любой ценой. Целью уголовного преследования является не получение убеждения у судьи или присяжных того, что обвинение считает доказательства достоверными в отношении того, кто предположительно совершил преступление. Если обвинение не удовлетворено судьей или присяжными, ответственность обвиняемого вне всякого разумного сомнения соответствует вердикту «не виновен» [213, с. 34].

Один из современных исследователей верно утверждает, что государственный обвинитель несет обязанность всемерно способствовать установлению фактических обстоятельств уголовного дела с целью вынесения судом законного и обоснованного решения, выдвигает повышенные требования к поддержанию государственного обвинения [78, с. 82].

До недавнего времени можно было говорить о том, что целью деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве РМ является установление виновности подсудимого. Но, относительно недавно закрепленный в УПК РМ институт отказа от обвинения существенно изменил сам смысл участия прокурора в уголовном судопроизводстве. Так, в соответствии с ч. (5) ст. 320 УПК РМ (вступившей в силу 27.10. 2012 г.), если в процессе судебного разбирательства рассмотренные судебной инстанцией доказательства в совокупности не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, прокурор обязан частично или полностью отказаться от обвинения. Следовательно, деятельность прокурора не должна быть направлена исключительно на доказывание виновности подсудимого, и установление его вины соответственно [172, с. 312]. Используя термин «исключительно» в данном контексте, мы имеем в виду то, что деятельность прокурора в суде первой инстанции направлена не только лишь на доказывание виновности подсудимого и установление его вины (хотя и является первостепенной в его деятельности), поскольку в ходе рассмотрения дела по существу могут возникнуть различные ситуации, требующие от прокурора не только лишь «обвинения».

По мнению Шестаковой С.Д., аргументация авторов, полагающих, что прокурор в суде выполняет функцию обвинения, не учитывает ряд ситуаций, которые на практике составляют подавляющее большинство. Следовательно, подкрепляемые этой аргументацией выводы о том, что деятельность прокурора по исследованию доказательств в суде состоит исключительно в логическом доказывании виновности подсудимого, являются не вполне убедительными. Представляется, что природа их взглядов коренится в том, что реальное положение прокурора в уголовном процессе они подменили представлениями о том, каким это положение должно быть [198].

Акцентируем, что установление фактических обстоятельств дела осуществляется **с помощью** доказательств и **путем** доказывания. Именно прокурор в суде представляет в судебном заседании доказательства обвинения (ст. 53 УПК РМ). В соответствии с ч. (1) ст. 93 УПК РМ **доказательствами** являются полученные в установленном настоящим кодексом порядке фактические данные, на основе которых устанавливаются наличие или отсутствие преступления, личность совершившего преступление, виновность или невиновность обвиняемого, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Часть. (1) ст. 99 УПК РМ уточняет, что в уголовном судопроизводстве **доказывание** состоит в собирании, предъявлении, допущении и использовании доказательств в целях установления обстоятельств, имеющих значение для дела. Судья рассматривает материалы и уголовные дела в соответствии с законом, сообразуясь со своим внутренним убеждением, основанным на исследованных в ходе соответствующей судебной процедуры доказательствах. (ч. (2) ст. 26 УПК РМ), тем самым подчеркиваем, что решение основывается на исследованных доказательствах.

Анализируя представленные выше определения государственного обвинения, а также действующее уголовно-процессуальное законодательство, мы приходим к выводу, что эта деятельность направлена на установление фактических обстоятельств дела, влекущих вынесение законного и обоснованного приговора. Мы убеждены, что вынесение законного и обоснованного приговора является результатом установления фактических обстоятельств дела.

Кроме того, считаем, что данная цель должна обладать определенными характеристиками или свойствами:

- **Социально значима.** Это свойство уходит корнями в основы материального, т.е. уголовного права. Оно проявляется в том, что при совершении преступления, субъект посягает на различные общественные интересы, охраняемые уголовным законом. Защита

различных объектов от преступного посягательства законодателем закреплена в ч.(1) ст. 2 Уголовного Кодекса РМ, в том числе и в ст. 1 УПК РМ, которые регламентируют, что уголовный закон защищает от преступлений личность, ее права и свободы, собственность, окружающую среду, конституционный строй, суверенитет, независимость и территориальную целостность Республики Молдова, мир, безопасность человечества, а также весь правопорядок. Таким образом, при совершении преступления в любом случае затрагиваются различные интересы общества, следовательно, установление фактических обстоятельств дела необходимо рассматривать с точки зрения достижения социальной справедливости в обществе.

- **Закономерна и законна.** *Закономерность* проявляется в том, что само по себе установление фактических обстоятельств дела является конечной целью уголовного судопроизводства, выступает логическим его завершением. Фактические данные устанавливаются рано или поздно в результате всякого уголовного судопроизводства. *Законность* объясняется тем, что фактические обстоятельства дела устанавливаются исключительно в рамках законной процедуры – уголовном судопроизводстве, регламентируемом уголовно-процессуальным законодательством.

- **Удовлетворяет требования одной из сторон в процессе.** Данное свойство выражено в том, что вывод об установлении фактических обстоятельств отображается в итоговом акте уголовного судопроизводства – в приговоре по уголовному делу. Вынося законный, обоснованный и мотивированный приговор, судебная инстанция, основывается только лишь на рассмотренных в суде доказательствах, представленных сторонами процесса. Тем самым, судебная инстанция выносит свое решение «в пользу» более убедительных доказательств, представленных одной из сторон.

- **Результат реализации механизма уголовного судопроизводства.** В данном случае под механизмом мы подразумеваем такой процесс, который обеспечивается за счет реализации полномочий должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу и участвующих в нем на законном основании, а также судебной инстанции.

Другой не менее важной правовой категорией, рассматриваемой, как правило, параллельно с целью, выступают **функции прокурора**. Она объясняет и раскрывает содержание и пределы деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве.

В юридической литературе преобладает точка зрения, согласно которой под процессуальной функцией понимается определенный вид или направление уголовно - процессуальной деятельности [182, с. 32]. Уголовно-процессуальная функция –

установленная и направляемая законом деятельность компетентного органа или участника процесса по осуществлению задач уголовного судопроизводства [81, с. 78]. Виды, направления деятельности субъектов, обусловленные их ролью, назначением или целью участия в деле, называются процессуальными функциями [185, с. 74]. Процессуальная функция – это определенное направление, особым образом отграниченная сторона, вид уголовно-процессуальной деятельности [166, с. 30]. Под функциями в теории уголовного процесса чаще всего понимают отдельные направления уголовно-процессуальной деятельности [86, с. 23]. Функциями в уголовном процессе являются виды, пути и направления деятельности субъектов, обусловленные их ролью, назначением или целью участия в деле [134, с. 5].

По мнению А.А. Тушева [182, с. 33-34], прав М.Л. Якуб, который признавал право на существование за обеими точками зрения: «В литературе указанное понятие рассматривается, по меньшей мере, в двух аспектах. Одни авторы рассматривают процессуальные функции как отдельные виды, отдельные направления деятельности. Другие считают, что под этим понятием следует иметь в виду функцию органа или лица, участвующего в процессе... Рассмотрение понятия процессуальной функции в обоих названных аспектах представляется необходимым. В первом случае говорится о том, какие виды процессуальной деятельности характеризуют уголовный процесс, что представляет собой каждая из них, т.е. речь идет о расследовании, обвинении, защите и т.п. как таковых. Вопрос же о том, кем, какими органами и лицами выполняется та или иная функция, произведен. В отличие от этого, во втором случае речь идет о функциях каждого органа или лица, участвующего в процессе, разрешается вопрос о том, что составляет функцию суда, прокурора, защитника, эксперта и т.п., о процессуальном назначении каждого из них. Не следует, поэтому смешивать понятие процессуальной функции, рассматриваемое в одном из аспектов, с тем же понятием, но рассматриваемым в другом аспекте» [204, с. 84].

Круг функций, порядок и субъекты, их осуществляющие, установлены законом, сам термин «функция» в нем не употребляется. Функции, выполнение которых, так или иначе, связано с достижением общих целей процесса или определенной части, относятся к числу основных. В современном уголовном процессе различают следующие основные функции: обвинения, защиты, разрешения дела [134, с. 5].

Мы разделяем мнение А.А. Тушева о том, что необходимо разграничивать понятия основных функций уголовного процесса (обвинение, защита, разрешение уголовного дела) и функций его субъектов. Первые определяют исторический тип (модель) уголовного

процесса, т.е. основной способ разрешения конфликта, связанного с совершением преступления [182, с. 34].

Каждый субъект уголовного процесса выполняет конкретные, закрепленные в законе функции [205, с. 17]. Не существует абстрактных функций, не привязанных к конкретным субъектам или группе субъектов. Не может уголовный процесс сам по себе выполнять функции уголовного преследования, защиты, расследования, разрешения уголовных дел и т.д. Они существуют в уголовном процессе постольку, поскольку их выполняют конкретные субъекты процессуальной деятельности. Круг их обязанностей значительно шире круга основных функций уголовного процесса. Они определяются исходя из целей и задач, стоящих перед обществом и государством, а также правовых традиций. Отдельно взятый субъект помимо основной может одновременно осуществлять другие функции уголовного процесса. Но он не вправе совмещать хотя бы две основные функции [182, с. 35].

В этой связи заслуживает внимание мнение М.С. Строговича о том, что прокурор направляет в суд законченное расследованием дело лишь тогда, когда он на основе собранных следствием доказательств пришел к твердому убеждению в правильности предъявленного обвинения, в виновности обвиняемого [175, с. 219-220]. Поэтому и в суд он приходит - как обвинитель, сторона обвинения, для того, чтобы обвинять, и иной его деятельность быть не может. Но обвинительная деятельность прокурора - поддержание обвинения в суде, по мнению М.С. Строговича, - не есть изолированная функция, осуществляемая в отрыве от других функций. Прокурор выступает в судебном разбирательстве в качестве государственного обвинителя на основе закона и в соответствии с законом. Поддерживая обвинение в суде, «изыскивая данные обвинительного порядка и участвуя в проверке всех доказательств под углом зрения обвинения, прокурор представляет суду всю фактическую сторону дела в ее действительном содержании, вскрывает перед судом и следящими за процессом гражданами все действительное общественное значение рассматриваемого дела, не извращая фактов, не подбирая данных дела односторонне и предвзято» [175, с. 219-220].

Подобную точку зрения высказывал и В.М. Савицкий. «Обвинение,- как он писал,- никогда не может быть многосторонним, на то оно и обвинение». Вместе с тем, по мнению В.М. Савицкого, занимая в суде процессуальное положение стороны - обвинения, прокурор обязан выполнять свою обвинительную функцию, строго руководствуясь законом, «всесторонне, полно и объективно». Понятие стороны применительно к прокурору не

исчерпывает всех его качеств и не ставит знак равенства между ним и каким-либо другим участником процесса. Государственный обвинитель и иные участники судебного разбирательства участвуют в процессе доказывания на одних и тех основаниях, при несомненном различии задач, обязанностей и процессуальных интересов [166, с.63-65]. Данное утверждение, безусловно, подтверждается и ныне действующим УПК РМ, поскольку оно находит свое отражение в ч. (3) ст. 24, а именно: участвующие в уголовном судопроизводстве стороны пользуются равными правами и наделены уголовно - процессуальным законом равными возможностями в защите своей позиции. Суд основывает приговор лишь на тех доказательствах, к участию в исследовании которых стороны имели равный доступ.

Все это как раз свидетельствует о том, что деятельность прокурора в судебном разбирательстве является многофункциональной, а обвинение – одно из ее основных направлений, хотя и очень важное, значимое [111, с. 14].

Деятельность прокурора в судебном разбирательстве уголовного дела, считает И.Ф. Демидов, имеет многофункциональное содержание и ее не следует сводить к односторонней обвинительной деятельности [129, с. 656]. Поддержание государственного обвинения - основное, но не единственное направление деятельности прокурора. В судебном разбирательстве государственный обвинитель действует также и в других важных направлениях: правозащитном, профилактическом и правовоспитательном. В судебном разбирательстве уголовных дел не только суд, но и прокурор выполняет возложенную на него процессуальную функцию от имени государства. Являясь государственным должностным лицом, прокурор в отличие от защитника, действует не в личном качестве, а от имени государства, осуществляя конституционную обязанность государства соблюдать и защищать права и свободы граждан – участников уголовного судопроизводства [111, с. 21].

Коллектив молдавских специалистов, исследуя функции Прокуратуры, отмечает, что количество прокуроров находится в прямой зависимости от функций, предоставленных законом прокурорам [21, с.19]. Они считают, что основная задача прокуроров в Европе представляется как инструментирование уголовных дел [21, с. 19].

Для того, чтобы можно было глубже понять данных авторов, обратимся к Рекомендации 19/2000 Комитета Министров Совета Европы «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия». Так, в ней закреплено, что прокуроры — это представители государственной власти, которые от имени общества и в государственных

интересах участвуют в применении права, если правонарушение влечет уголовное наказание, принимая во внимание права человека и необходимость эффективного действия системы уголовного правосудия. Во всех системах уголовного правосудия прокуроры: - решают вопрос о возбуждении или продолжении уголовного преследования; - поддерживают обвинение в суде; могут обжаловать или давать заключения по жалобам на все или некоторые решения суда. В отдельных системах уголовного правосудия прокуроры также: - осуществляют уголовную политику, приспособляя ее, где это возможно, к региональным и местным условиям; ведут и направляют расследования или осуществляют надзор за ними; обеспечивают оказание эффективного содействия потерпевшим; определяют альтернативы уголовного преследования; осуществляют надзор за исполнением решений судов; и т.д. [161].

Опираясь, скорее всего, на данную рекомендацию, группа исследователей под руководством *Gribincea V.* вполне обосновано приходит к выводу, что основным элементом в этом определении (имеют в виду функцию) является тяжесть, которую законодатель придает нарушениям закона, которыми должны заниматься прокуроры – эти нарушения являются чрезвычайно серьезными, будучи подвергнуты уголовному наказанию [21, с. 19].

Далее специалисты акцентируют внимание на содержании, сущности полномочий прокурора, при этом утверждают следующее: таким образом, мы видим, что в центре внимания в вопросе полномочий прокуроров ставится их фундаментальная роль в рамках уголовного судопроизводства, все остальные возможные задачи, возложенные на прокуроров, в принципе второстепенны. Прокурор защищает интересы общества, приводя в движение судебную уголовную систему, преследование тогда, когда приходит к выводу, что нарушения закона являются достаточно серьезными, чтобы привлечь к уголовной ответственности - к наиболее суровому виду юридической ответственности - лицо, совершившее соответствующее деяние [21, с. 19]. Таким образом, авторы не выделяют и не обозначают отдельно взятые функции прокурора, а подчеркивают значимость прокурора в уголовном судопроизводстве, определяя при этом, что именно участие в нем и выступает главенствующим направлением его деятельности вообще, в пределах его полномочий. Далее они рассматривают саму деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве, в основном затрагивая проблему руководства и осуществления уголовного преследования, но, к сожалению, ничего не говорят о роли его в судебной стадии. На наш взгляд, такая позиция исследователей является логичной и верной, однако все же не раскрывает полностью содержание функций прокурора в уголовном судопроизводстве.

В ст. 51 УПК РМ, отмечается, что прокурор, участвующий в уголовном судопроизводстве, выполняет функции государственного обвинителя, но при этом не расшифровывается - какие именно функции. Представляется, что ответ на этот вопрос содержится в этой же статье (в ч. 4): «в ходе уголовного судопроизводства прокурор поддерживает обвинение от имени государства и представляет в судебном заседании доказательства, собранные органом уголовного преследования». Получается, что именно эту функцию законодатель и имел в виду, т.е. *функцию поддержания обвинения* [171, с. 238]. Однако считаем, что данная функция, хоть и является основной и первостепенной в контексте исследуемой нами проблемы, но не единственной.

В связи с этим, учитывая мнения ученых, представленных выше, считаем необходимым остановиться на содержании отдельных функций прокурора.

Функция обвинения. Прокурор в стадии принятия судебной инстанцией уголовного дела к производству осуществляет функцию обвинения, а в суде первой инстанции и вышестоящих судах поддержания государственного обвинения. Почему поддержание государственного обвинения начинается только со стадии судебного разбирательства? Потому что в стадии принятия судом уголовного дела к производству, по общему правилу, еще никакого «поддержания» нет. Поддержание обвинения начинается в судебном разбирательстве, когда окончательно сформулированное обвинение выносится прокурором на рассмотрение суда с участием сторон. При разбирательстве дела по существу он уже не обвиняет впервые, а поддерживает выдвинутое в ходе уголовного преследования обвинение, с которым он согласен, составляет или утверждает обвинительное заключение [182, с. 202].

В соответствии со ст. 364 УПК РМ председательствующий в судебном заседании опрашивает каждую из сторон, имеются ли у нее заявления или ходатайства. Поданные заявления или ходатайства рассматриваются судебной инстанцией после заслушивания мнений других сторон по выдвинутым требованиям. Считаем, что *в подготовительной части судебного заседания* прокурор еще не поддерживает обвинение, поскольку излагает само обвинение только в ходе судебного расследования. Поэтому в подготовительной части судебного заседания функция обвинения проявляется в подаче различного рода ходатайств, например, о вызове новых свидетелей, истребовании вещественных доказательств и документов и т.п.

На следующем этапе рассмотрения дела в первой инстанции - *судебном расследовании* уже реализуется *функция поддержания государственного обвинения* в суде

[189, с. 136]. Так, в соответствии со ст. 53 УПК РМ, прокурор поддерживает обвинение от имени государства и представляет в судебном заседании соответствующие доказательства по делу, собранные в ходе уголовного преследования, которым он руководил или которое лично осуществлял; участвует в рассмотрении доказательств, представленных стороной защиты, представляет новые доказательства, необходимые для подтверждения обвинения, заявляет ходатайства и высказывает свое мнение по вопросам, возникшим в ходе судебного разбирательства и т.п.

Тушев А.А. считает, что наиболее ярко *функция обвинения* проявляется в прениях сторон. Именно в обвинительной речи дается анализ исследованных обвинительных и оправдательных доказательств, в концентрированном и окончательном виде формулируются суждения о доказанности виновности подсудимого по итогам судебного расследования [182, с. 218]. Позволим с ним не согласиться, поскольку на этапе судебных прений деятельность прокурора сводится к оценке доказательств, к подведению итогов судебного расследования. Эта деятельность направлена на убеждение судебной инстанции в необходимости вынести обвинительный приговор, т.е. согласиться именно с позицией государственного обвинителя. В случае отказа прокурора от обвинения, предусмотренного ст. 320 УПК РМ, его деятельность сводится к призыву вынести оправдательный приговор или приговор о прекращении производства по уголовному делу. Т.е. судебную речь прокурор может использовать как *инструмент для поддержания либо отказа от обвинения* [171, с. 243].

Правозащитная функция прокурора в судебном разбирательстве заключается в том, что он обеспечивает соблюдение прав и законных интересов потерпевшего, подсудимого, гражданского истца, гражданского ответчика, а также иных участников процесса. Правозащитная функция прокурора в суде отличается от процессуальной функции защиты: во-первых, по своему содержанию: прокурор как сторона в судебном разбирательстве выполняет не защиту подсудимого от обвинения, которую осуществляет его защитник и законный представитель, а обеспечение прав и законных интересов личности от неправомерных ограничений и нарушений; во-вторых, по кругу лиц, в отношении которых она осуществляется: прокурор действует в отношении не только подсудимого, но и, в первую очередь, потерпевшего, гражданского истца, а также гражданского ответчика, свидетеля, иных лиц, т.е. в отношении лиц, участвующих в судебном разбирательстве уголовного дела, выступающих как на стороне обвинения, так и на стороне защиты, а также иных участников уголовного судопроизводства; в-третьих, по субъекту: прокурор в

судебном разбирательстве выступает не как частное лицо, а как должностное лицо государства [111, с. 26].

Обвинительная и правозащитная функции хоть и являются противоположными, но можно утверждать, что они не просто взаимосвязаны, а порождают друг друга.

Такого же мнения придерживается и Курочкина Л.А., считая, что обвинение подсудимого в совершении преступления, причинившего физический, имущественный, моральный вред лицу, означает в то же время защиту прав потерпевшего и гражданского истца. Кроме того, органическая связь обвинительной и правозащитной функций проявляется в том, что поддержание государственного обвинения предполагает не только доказывание виновности подсудимого, но и предупреждение необоснованного признания подсудимого виновным и его осуждения, доказывания обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность, обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Таким образом, поддержание государственного обвинения и обеспечение прав и законных интересов участников процесса – равнозначные, взаимозависимые и взаимодополняющие направления деятельности прокурора в судебном разбирательстве уголовных дел. Признание поддержания государственного обвинения основным направлением деятельности прокурора в судебном разбирательстве означает, что основным является также правозащитное направление деятельности, т.е. функцией [111, с. 27-28].

Функция установления фактических обстоятельств дела. На первый взгляд может показаться, что наименование этой функции совпадает с главной целью уголовного судопроизводства и участия прокурора в нем. Однако цель (как не раз уже отмечалось) есть конечный результат, а функция есть процесс, действие или деятельность, направленная на этот результат. То есть установление фактических обстоятельств дела как функцию необходимо рассматривать, как процесс, в результате которого эти самые обстоятельства и устанавливаются.

Так, эта функция реализуется при заявлении прокурором ходатайства об истребовании дополнительных доказательств, вызове дополнительных свидетелей (ст. 364 УПК РФ). Участвуя в рассмотрении вопроса об исключении доказательств, прокурор вправе просить суд вызвать и допросить в качестве свидетелей лиц, которым что-либо известно об обстоятельствах производства процессуальных действий, в результате которых были получены данные доказательства. Должны выясняться все обстоятельства

совершенного преступления при рассмотрении вопроса о прекращении судом производства по уголовному делу или по не реабилитирующим основаниям [182, с. 235].

В *подготовительной части судебного разбирательства* данная функция реализуется в таких действиях прокурора, как предложение об отложении судебного заседания и вызове или приводе не явившихся лиц, об отложении заседания в связи с ходатайством о вызове новых свидетелей, экспертов, специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов. В *судебном расследовании* установление фактических обстоятельств дела требует от прокурора активного участия в исследовании доказательств. Его деятельность в суде подчинена задаче всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела на основе представленных доказательств с целью установления истины. Он участвует в допросе подсудимого, потерпевшего, свидетелей, эксперта, заявляет ходатайства о назначении судебной экспертизы, о провидении осмотра, об оглашении показаний подсудимого, потерпевшего, свидетеля, данных ими на стадии уголовного преследования. Также прокурор возражает против ходатайств защиты об истребовании новых доказательств, если они, по его мнению, не относятся к делу [182, с. 239-241].

Также формой проявления данной функции можно считать введенный недавно в УПК РМ институт отказа от обвинения. Отказ прокурора от обвинения осуществляется мотивированным постановлением и влечет за собой вынесение судебной инстанцией оправдательного приговора или приговора о прекращении производства по уголовному делу (ч.(5) ст. 320 УПК РМ).

Функция борьбы с преступностью в суде первой и последующих инстанциях и проявляется в том, что при выявлении признаков нового преступления, совершенного подсудимым (осужденным) или иным лицом, прокурор обязан заявить ходатайство о выделении материалов для решения вопроса о возбуждении нового уголовного преследования [182, с. 252].

Правовоспитательный характер деятельности государственного обвинителя выражается в том, что участие прокурора в судебном рассмотрении уголовного дела объективно служит формированию такого правовопонимания у непрофессиональных участников судебного разбирательства и лиц, присутствующих в зале судебного заседания, которое является основой правомерного поведения. Значительный воспитательный эффект имеет место в случае, когда прокурор в открытом судебном заседании убедительно обосновал необходимость признания подсудимого виновным в совершении преступления

и предложил назначить ему наказание с максимальным учетом степени тяжести преступления, обстоятельств, не только отягчающих, но и смягчающих ответственность, данных, характеризующих личность подсудимого, т.е. справедливое наказание. Таким образом, в судебном разбирательстве уголовных дел прокурор участвует, чтобы в полной мере выполнить поставленные государством перед прокуратурой задачи, в том числе обеспечить соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [111, с. 29-30].

Мы считаем, что функция борьбы с преступностью и правовоспитательная функция – являются прикладными, поскольку они не направлены на реализацию каких-то конкретных задач, стоящих перед прокурором в данной стадии уголовного процесса, не являются необходимыми и обязательными для обвинения, как стороны уголовного процесса, а выполняются прокурором ввиду особенности его правового статуса.

Возвращаясь к Рекомендации № R (2000) 19 Комитета Министров Совета Европы государствам – членам «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия», в которой, как мы уже отмечали, прописаны функции прокурора, отметим, что исходя из содержания данной рекомендации и действующего отечественного законодательства следует, что, регламентирующее участие прокурора в суде первой инстанции молдавское законодательство в целом отвечает стандартам, принятым в Рекомендации R (2000) 19 Комитета Министров Совета Европы. Данное обстоятельство, безусловно, способно позитивно повлиять на процесс интеграции Республики Молдова в Европейский Союз. Поскольку правовым вправе называться лишь то государство, в котором права человека обеспечиваются реально. Так как именно от прокурора зависит то, насколько эффективно будут защищены права лиц, пострадавших от преступлений, то, насколько объективно и полно будет рассмотрена сущность возникшей проблемы, в связи с этим именно результаты деятельности прокурора можно назвать показателем уровня законности в государстве. И он должен отвечать всем требованиям, предъявляемым к нему законодателем, и неуклонно их выполнять.

2.2. Статус прокурора в суде первой инстанции

Термин «статус» происходит от латинского *status* – состояние, положение кого-нибудь или чего-нибудь [202, с. 355].

В современной доктрине правовой статус представляется с разных точек зрения. Одни авторы «правовой статус» отождествляют его с «правовым положением» лица, другие же считают, что «статус» и «правовое положение» есть понятия не идентичные, третьи рассматривают «правовой статус» как сложное и комплексное понятие, и не связывают его с «правовым положением». На существование этих различных подходов в своих работах, так или иначе, указывают современные исследователи данного института, такие как Коваленко Е.Ю., Орлова К.А., Милевская И., Дамдинов Б.Д., Примак Т.К. и Орлова К.А., Сурженко М.А. и др. Многие из этих ученых ссылаются на нижеприведенные мнения правоведов.

Статус, по мнению, В.В. Маклакова, характеризует их природу, место в системе общественных отношений и субъектов права, важнейшие права и обязанности, формы (порядок) их реализации и принимаемые при этом акты или совершаемые действия [105, с. 127]. Н. И. Матузов, к основным компонентам правового статуса субъекта права относит права, обязанности и ответственность перед государством и обществом [123, с. 189-190]. Г.К. Федоров, утверждает, что правовой статус представляет собой совокупность всех принадлежащих ему прав, свобод, обязанностей, определяющих его правовое положение в обществе [188, с. 405].

Заслуживающей определенного внимания и верной, на наш взгляд, выступает позиция М.А. Сурженко в отношении рассмотрения правового статуса исходя из особенностей субъекта права, которому этот статус принадлежит. Так, она утверждает, что объем правового статуса во многом определяется его субъектом. Различают публичный и частный субъекты. Публичным в конституционном праве называют того, кто осуществляет властные полномочия, частному присуще отсутствие прав и обязанностей их реализации. Публичные субъекты можно разделить на единоличные (прокурор, судья, премьер-министр, президент) и коллегиальные (прокуратура, суд, правительство, парламент). Составы элементов правового статуса публичных и частных субъектов различны [178, с. 315].

О значимости, по нашему мнению, данного института, наиболее полно высказывался Горшенев В.М., утверждавший, что особенности правового статуса как категории состоят в том, что последний позволяет комплексно, с учетом различных точек зрения, своего нормативного режима, правовых форм социальных возможностей и отягощений подойти к моделированию юридического состояния разных лиц и организаций

и таким образом преодолеть недостатки одностороннего подхода к изучению какого-нибудь субъекта как носителя только прав или юридических обязанностей [85, с. 57-58].

Отметим, что наиболее распространенной точкой зрения в науке выступает такая, в соответствии с которой в структуру понятия правового статуса входят следующие элементы:

1. правовые нормы, устанавливающие данный статус;
2. правосубъектность;
3. основные права и обязанности;
4. законные интересы;
5. гражданство;
6. юридическая ответственность;
7. правовые принципы;
8. правоотношения общего типа [67].

Тем не менее, в доктрине имеются и другие мнения по поводу структуры правового статуса. Например, молдавский специалист Бойко Н.Ф., в структуру правового статуса включает лишь права и обязанности лица, а также ответственность [75, с. 43]. Украинский исследователь Стефанчук М. утверждает, что правовой анализ Закона Украины «О прокуратуре» (2014) дает основания выделить следующие законодательно определенные элементы правового статуса прокурора, а именно: полномочия (права и обязанности, как общие, так и непосредственно связанные с выполнением возложенных на органы прокуратуры функции), ответственность, гарантии [174, с. 88].

Согласимся с современным исследователем проблемы правового статуса Вериним А.Ю., резюмирующим, что, несмотря на то, что правовому статусу личности в юридической литературе уделяется большое внимание, единства мнений по вопросу о его структурных элементах не достигнуто [79]. Длительную дискуссию по вопросу о структуре правового статуса личности, справедливо считает Шигабутдинова А. Л., вряд ли можно считать законченной, поскольку пока она не привела к выработке единого, приемлемого для всех решения [197, с. 76].

Учитывая существующие на сегодняшний день, а также вышеприведенные различные трактовки категории «правовой статус», мы склонны думать, что под правовым статусом все же необходимо понимать такое правовое состояние субъекта правоотношений, исходя из которого возможно определить какая роль ему принадлежит, т.е. его правовое положение по сравнению с другими субъектами рассматриваемого конкретного правоотношения.

Выяснив отсутствие единого мнения в отношении понятия «структура правового статуса», считаем, что для верного ее определения в контексте исследуемой проблемы необходимо обратиться к Закону о Прокуратуре.

Недавно принятый Парламентом 26 февраля 2016 г. Закон о прокуратуре, в раздел статус включает такие главы, как: Несовместимость и запреты; Отбор и перемещение прокуроров; Гарантия независимости прокуроров; Меры поощрения. Дисциплинарная и материальная ответственность прокурора; Перевод, командирование, откомандирование, приостановление полномочий прокурора и освобождение его от должности; Государственная защита прокурора. Материальное и социальное обеспечение прокурора [30]. В данном контексте отметим, что недавно утративший силу закон о Прокуратуре (2008) в Разделе II «Статус прокурора» предусматривал Главу VII Права и обязанности прокуроров [29]. В этой связи не совсем понятным нам представляется тот, факт, что в разделе статус отсутствует глава «Права и обязанности прокурора», которая должна быть обязательна.

Из положений закона о Прокуратуре, видно, что молдавский законодатель в понятие «статус прокурора» вкладывает более глубокий смысл, нежели общепринятые. Скорее всего, это объясняется тем, что законодатель в законе о Прокуратуре, в понятие «статус» прокурора вкладывает смысл «статус работника органов Прокуратуры», чем и объясняется, на наш взгляд, наличие такого большого количества глав в соответствующем разделе.

Учитывая специфику деятельности прокурора, в уголовном судопроизводстве, в частности, считаем, что в качестве структурных элементов правового статуса прокурора можно рассматривать: правовые нормы, устанавливающие данный статус, права и обязанности, гарантии установленных прав, ответственность.

Исходя из того, что прокурор выступает в уголовном судопроизводстве стороной процесса (ст. 6 УПК РМ), а именно стороной обвинения, считаем, что правовой статус прокурора необходимо рассматривать в данном контексте, обязательно учитывая и тот факт, что прокурор осуществляет свою деятельность от имени государства (ч. (1) ст. 51 УПК РМ). Утверждаем, что прокурор является субъектом уголовно-процессуальных отношений со стороны государства, представляя тем самым интересы государства. Следовательно, прокурор выступает в таком качестве не от своего имени, а от имени государства. Совершенно справедливо, на наш взгляд, возникает вопрос, в качестве какого лица прокурор выступает от имени государства? И каков будет его правовой статус в этом качестве?

Говоря о процессуальной роли прокурора в уголовном судопроизводстве, *Roman D., Vizdoagă T., Cerbu A.* и другие указывают, что прокурор — это ответственное лицо, которое в пределах своей компетенции осуществляет от имени государства уголовное преследование, представляет обвинение в суде, выполняя функцию государственного обвинителя [46, с. 129].

Прокуроры, осуществляющие уголовный процесс, который по своей природе является публичным действием. Они реализуют функцию обвинения, но их отношение должно быть объективным, беспристрастным [59, с. 11]. Румынские специалисты, тем самым, подчеркивают, что прокурор, осуществляя функцию обвинения, должен отвечать определенным требованиям. Поскольку, считаем, что объективность и беспристрастность есть не что иное, как требование или обязанность.

Интересным описывают роль прокурора ирландские специалисты. Они отмечают, что роль прокурора является специализированной и требует от него только одного, которое однако часто представляется ошибочным. Общество, потерпевшие и свидетели могут ожидать относительно того, как прокурор должен выполнять его или ее функции, когда они могут встретиться. Прокурор не имеет «клиента» в общепринятом смысле и действует в общественных интересах. Он или она не является законным представителем потерпевших преступления и не выступать в качестве их юридического советника [213, с. 34].

В соответствии со ст. 51 УПК РМ, прокурор является лицом, осуществляющим в пределах своей компетенции от имени государства уголовное преследование или, по обстоятельствам, руководящим им, представляющим обвинение в суде и выполняющим другие обязанности, предусмотренные УПК РМ. Прокурор, участвующий в уголовном судопроизводстве, выполняет функции государственного обвинителя. В вышеупомянутой ст. 6 УПК РМ, говорится, что прокурор — официальное лицо, назначаемое в установленном законом порядке для осуществления уголовного преследования или руководства им, а также для представления в суде обвинения от имени государства (Генеральный прокурор и подчиненные ему в соответствии с Законом о Прокуратуре нижестоящие прокуроры). Возникает вопрос, почему законодатель в отношении прокурора использует неточные формулировки, а именно — лицо и официальное лицо? Обратимся к закону о Прокуратуре (2016), в которой в ст. 2 сказано, что «прокурор — ответственное должностное лицо» [30], а в законе о Прокуратуре (2008) в ст. 4 говорилось о том, что прокурор является должностным лицом, посредством которого Прокуратура реализует свои полномочия. Возникает еще один вопрос, прокурор все-таки является должностным лицом или нет?

Отметим, что существуют страны, где в законодательстве вообще об этом ничего не говорится, а в определении описывается функция прокурора. Так, например, согласно законодательству Новой Зеландии, прокурор – это человек, который ведет дела против ответчика [208].

Обратимся к Постановлению Высшей Судебной Палаты nr. 12 din 24.12.2012 «*Cu privire la unele chestiuni ce vizează participarea procurorului la judecarea cauzei penale*», в котором в ***Secțiunea 1- considerații generale la judecare în instanța de fond și poziția procurorului în procesul penal*** сказано, что «***procuror*** – *este persoană oficială numită în această funcție*», согласно дословному переводу, есть официальное лицо. Кроме того, в Законе о статусе лиц, исполняющих ответственные государственные должности [28], в приложении предлагается перечень ответственных государственных должностей, где и четко определяется, что все прокуроры занимают ответственную государственную должность.

В связи с этим, считаем необходимым конкретизировать, что *прокурор в уголовном судопроизводстве выступает как ответственное должностное лицо*, это, на наш взгляд, имеет важное значение при определении правового статуса прокурора.

Правовой статус прокурора как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения, имеет ряд *специфических особенностей*: прокурор является единственным ответственным должностным лицом, который реализует свои полномочия на всех стадиях уголовного процесса, а его деятельность осуществляется в публичных интересах, направлена на защиту интересов государства, а также на охрану прав и свобод всех участников уголовного судопроизводства.

Рассмотрим элементы правового статуса прокурора.

Правовые нормы, устанавливающие данный статус составляют отдельные нормы Конституции Республики Молдова [7], Закона о Прокуратуре [30], Закона о статусе лиц, исполняющих ответственные государственные должности [28], а также УПК РМ [6].

В отношении *гарантий установленных прав*, как составляющей статуса прокурора (в целом, а не только как участника стороны обвинения), необходимо отметить, что прокурор независим и неприкосновенен, подчиняется только закону.

Так, в данном контексте, молдавский эксперт *Mariana Kalughin* отмечает, что в Рекомендации 1604 (2003) Парламентской Ассамблеи Совета Европы «О роли прокуратуры в демократическом обществе, основанном на верховенстве закона» была признана роль прокурора в обеспечении безопасности и свободы в европейском обществе путем: охраны верховенства закона, защиты граждан от уголовных посягательств на их права и свободы,

обеспечения соблюдения прав и свобод лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении уголовных преступлений, и путем осуществления надзора за надлежащим функционированием органов, отвечающих за расследование правонарушений и преследование правонарушителей [162]. Эксперт отмечая, что очевидно для того, чтобы выполнить свою миссию, прокуроры должны располагать определенными гарантиями [27], делает вполне логичный вывод о необходимости законодательного закрепления гарантий. Автор рассматривает проблему сквозь призму международного законодательства. Так, она подмечает, что они (имеет в виду гарантии) акцентированы в Рекомендации (2000) 19 Комитета Министров Совета Европы «О роли прокуратуры в системе уголовной юстиции» [27].

В данной рекомендации закреплено, что государства должны обеспечивать эффективные гарантии выполнения прокурорами своих профессиональных обязанностей и функций при наличии соответствующих юридических и организационных условий в равной мере, как и обеспечивать их для этого соответствующими средствами, в частности бюджетными средствами, находящимися в их распоряжении. Подобные условия должны устанавливаться при тесном сотрудничестве с представителями прокуроров. Государства должны принимать меры, чтобы обеспечить следующие требования:

а) набор, повышение в должности и перемещение по службе прокуроров должны осуществляться в соответствии со справедливыми и беспристрастными правилами, что предохраняет от поддержания интересов определенных групп и исключает дискриминацию по любым основаниям, таким как пол, расовая принадлежность, цвет кожи, язык, религия, политические и иные взгляды, национальное или социальное происхождение, принадлежность к национальным меньшинствам, наличие собственности, место рождения и иным основаниям;

б) профессиональная деятельность прокуроров, их продвижение в должности и перемещение осуществляются в соответствии с известными и объективными критериями, такими, как компетентность и опыт;

с) перемещение прокуроров по службе также определяется служебной необходимостью;

д) условия работы прокуроров, такие как вознаграждение за работу, срок пребывания в должности и пенсия, а также возраст выхода на пенсию, соответствуют их высокому положению и определяются законом;

е) дисциплинарная ответственность прокуроров рассматривается в соответствии с законом, и процедура должна гарантировать справедливую и объективную оценку, а решение может быть подвергнуто независимому и беспристрастному пересмотру;

ф) если правовой статус прокуроров нарушен, они имеют право на доступ к соответствующей процедуре обжалования, включая возможность обжалования в суде;

г) если в случае надлежащего выполнения своих обязанностей личная безопасность прокуроров и их семей находится под угрозой, органы государственной власти обеспечивают им защиту [161].

Данные, составляющие гарантии обозначены как таковые и в новом Законе о Прокуратуре (ст. ст. 33-34), были закреплены и предыдущем Законе о Прокуратуре (ст. ст. 56, 57). Их смысл сводится к тому, что «*независимость* прокурора гарантируется посредством: строгого определения законом статуса прокурора, разграничения полномочий Прокуратуры, полномочий и компетенций прокурора в ходе осуществления функций Прокуратуры; порядка его назначения, приостановления его полномочий и освобождения от занимаемой должности; неприкосновенности прокурора; предоставляемого законом дискретного права при исполнении должности; установления законом недопустимости вмешательства других лиц или органов в его деятельность; обеспечения необходимых средств на функционирование системы органов Прокуратуры, создания надлежащих организационно-технических условий ее работы; материального и социального обеспечения прокурора; иных предусмотренных законом мер» [30, ст. 33].

Интересным в этом контексте представляется нам трактовка требований к прокурору, высказанных в параграфе «Роль прокурора», описанная в «*Trial Observation Manual for Criminal Proceedings*», в которой авторы указывают, что прокуроры должны выполнять беспристрастно и объективно свои профессиональные функции, и избегать дискриминации по политической, социальной, религиозной, расовой, культурной, сексуальной ориентации [209]. Здесь же уточняется, что прокуроры должны иметь возможность выполнять свои профессиональные обязанности без запугивания, препятствий, угрозы, ненужного вмешательства или неоправданного привлечения к гражданской, уголовной или иной ответственности [209].

Неприкосновенность прокурора гарантирует защиту от всяческого давления и вмешательства в его деятельность. Проникновение в жилище или служебное помещение прокурора, в его личное или служебное транспортное средство, производство осмотра, обыска или изъятия предметов, прослушивание телефонных разговоров, личный обыск,

контроль и выемка корреспонденции, предметов и документов, принадлежащих прокурору, допускаются лишь после начала уголовного преследования лишь в соответствии с условиями, установленными законом. Прокурор не может быть привлечен к юридической ответственности за заявления, сделанные с соблюдением профессиональной этики. Уголовное преследование в отношении прокурора может быть возбуждено только Генеральным прокурором. Одновременно с возбуждением уголовного преследования Генеральный прокурор уведомляет Высший совет прокуроров о необходимости начала дисциплинарного производства. Уголовное преследование в отношении Генерального прокурора может быть возбуждено лишь прокурором, который назначен Высшим советом прокуроров [30, ст. 34].

Что же касается вопросов **ответственности**, к которой может быть привлечен прокурор, являются также риторическими. В отношении привлечения к дисциплинарной или материальной ответственности – здесь вопросов не возникает, поскольку прямо предусмотрено законом. Так, например, в соответствии со ст. 38 нового Закона о Прокуратуре, прокуроры могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее исполнение служебных обязанностей; а также за неприменение и ненадлежащее применение законодательства, не связанное с изменением правоприменительной практики; за незаконное вмешательство в деятельность другого прокурора или любого рода давление на органы, учреждения или служащих с целью решения каких-бы то ни было вопросов; за умышленное препятствие любыми средствами деятельности Инспекции прокурором, за грубое нарушение закона; недостойное поведение, действия или образ жизни, наносящие ущерб чести, целостности, профессиональной безупречности, престижу Прокуратуры либо нарушающие Кодекс этики прокуроров.

Государство, в соответствии со ст. 53 недавно принятым Законом о Прокуратуре, несет материальную ответственность за причиненный действиями прокурора ущерб, находящегося при исполнении должности, в соответствии с Законом о возмещении ущерба, причиненного незаконными действиями органов уголовного преследования, прокуроров и судебных инстанции. Схожее положение существовало и в Законе о Прокуратуре 2008 г., в ст. 63. Следовательно, прокурор лично к материальной ответственности не привлекается, за исключением случаев, когда в отношении прокурора устанавливается судебным решением виновность в совершении преступления.

В отношении же ответственности за правонарушение возникает вопрос – несет ли прокурор такой вид ответственности или нет? Так, с одной стороны, часть (2) ст. 23

«Ответственность» Закона о статусе лиц, исполняющих ответственные государственные должности, регламентирует, что нарушения, допущенные ответственным должностным лицом при осуществлении полномочий, влекут дисциплинарную, гражданскую, уголовную ответственность или ответственность за правонарушение в соответствии с действующим законодательством. С другой стороны, в ст. 57 Закона о Прокуратуре 2008 г., а именно исходя из слов «Прокурор, задержанный по подозрению в совершении им правонарушения или преступления, должен быть освобожден немедленно после установления личности, за исключением случая совершения явного преступления», следовательно, что прокурор к ответственности за совершение административного правонарушения привлекаться не мог. Новый же Закон о Прокуратуре (2016) подобной нормы не содержит, следовательно, предполагается, что с момента вступления его в действие теоретически становится возможным привлечение прокурора к ответственности за правонарушения.

Проблема привлечения к ответственности прокурора, в том числе к уголовной, содержательно представлена в исследовании молдавских специалистов *«Regulile și practicile ce reglementează răspunderea și imunitatea generală a procurorilor (planul de acțiuni a SRSJ 2.2.10)»*. Они отмечают, что уголовная ответственность наступает согласно общему праву для фактов, для которых закон не претендует на статус прокурора как специального субъекта преступления и согласно специальных норм в главах, посвященных, в первую очередь, преступлениям против правосудия и тем, которые посягают на осуществление деятельности в публичной сфере, но не ограничиваются последними [18, с.121]. Этот коллектив авторов, на наш взгляд, верно утверждает, что уголовная ответственность может быть вменена прокурору, в первую очередь, за преступления, связанные с исполнением служебных обязанностей, либо связанные с соответствующими преступлениями, включенными уголовным законом в главу Преступлений против правосудия. С другой стороны, учитывая специфику обязанностей, которые включены в соответствии с занимаемой должностью государственного обвинителя, они являются и субъектами преступлений в сфере общественной деятельности, регулируемых главой XV УК РМ, поэтому и формы проявления объективной стороны элементов преступления в данной главе отличаются, когда субъектом содеянного уголовного деяния является прокурор [18, с. 121-122].

К примеру, зарубежные авторы, комментируя законодательство Италии, в этом контексте отмечают, что с уголовно-правовой точки зрения, в качестве государственных должностных лиц, судьи и прокуроры, могут быть привлечены за правонарушения,

совершенные при осуществлении ими своих функций (например, злоупотребление служебным положением, коррупция, коррупция, связанных с судебной пошлины, вымогательства, неисполнения служебных обязанностей и т. д.) [212, с. 18].

Следовательно, говоря об уголовной ответственности прокурора, можно утверждать, что прокурор может быть субъектом ряда преступлений против правосудия, предусмотренных главой XIV УК РМ, ст. 306 УК РМ «Привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного лица», ст. 308 УК РМ «Незаконное задержание или арест», ст. 309 УК РМ «Принуждение к даче показаний», ст. 310 УК РМ «Фальсификация доказательств» [5] и другие преступления, предусмотренные этой главой. В виду того, что прокурор в УПК РМ не обозначен, а в законе о Прокуратуре обозначен, как ответственное должностное лицо, не совсем ясно, может ли прокурор выступать субъектом преступлений, предусмотренных XV УК РМ «Преступления против надлежащего порядка работы в публичной сфере»? По нашему мнению, прокурор может и должен нести уголовную ответственность за совершенные им такие преступления, как, например, пассивное коррумпирование (ст. 324 УК РМ), злоупотребление властью или служебным положением (ст. 327 УК РМ), превышение власти или служебных полномочий (ст. 328 УК РМ). В данном контексте отметим, что правовой статус ответственного должностного лица свидетельствует о том, что прокурор должен привлекаться не по частям (1) вышеуказанных статей, а по п. (а) ч. (3) ст. 324 УК РМ, п. (б) ч. (2) ст. 327 УК РМ и п. (б) ч. (2) с. 328 УК РМ соответственно.

Прежде чем говорить о *правах и обязанностях* прокурора как составляющей правового статуса, считаем необходимым вначале рассмотреть вопрос о том, что представляет собой процессуальный статус прокурора.

В современной литературе помимо термина «правовой статус» встречается и другой – «процессуальный статус», в отношении которого также нет единообразного подхода. Так, Агабаева А.В., в связи с имеющимся в литературе расхождением в используемой терминологии, занимает позицию, согласно которой такие понятия как процессуальный статус, уголовно-процессуальный статус, процессуально-правовой статус и процессуальное положение могут рассматриваться как тождественные [66, с. 14]. Отождествляет правовой и процессуальный статус прокурора также и Чубыкин А.В., утверждающий, что «правовой или, точнее, процессуальный статус прокурора установлен нормами... При этом права и обязанности прокурора в силу делегирования их ему государством выступают и реализуются как полномочия» [200, с. 60]. Процессуальный статус, по мнению Левичева

Д.А., это правовое положение субъектов в юридическом процессе, определяющее его права и обязанности, полномочия, положение лица в системе иных участников юридического процесса [116, с. 7]. По мнению Крюкова В.Ф., правовой статус прокурора - это системная совокупность его процессуальных прав, корреспондирующих им обязанностей, а также наличия собственного процессуального интереса, определяемого назначением уголовного судопроизводства, и установленной законом процессуальной ответственности [106, с. 11]. Таким образом, представленные мнения ученых, позволяют сделать вывод, что все они рассматривают правовой и процессуальный статусы прокурора как синонимы, т.е. не делают никакого различия.

Мы придерживаемся несколько иной точки зрения. Поскольку прокурор на различных стадиях уголовного судопроизводства выполняет различную роль, например, на досудебной стадии выполняет роль руководителя и лица, осуществляющего уголовное преследование, на судебной стадии выполняет роль государственного обвинителя и т.д., в связи с этим его процессуальное положение в этих стадиях также будет не равнозначным. Тем не менее, он, выступает в любой стадии уголовного судопроизводства как ответственное должностное лицо. Следовательно, прокурор обладает единым *правовым* статусом ответственного должностного лица и различным *процессуальным* статусом участника уголовного судопроизводства. Поэтому, приходим к выводу о том, что процессуальный статус понятие более узкое по сравнению с понятием правового статуса. Сущностным содержанием процессуального статуса прокурора выступают его полномочия в различных стадиях уголовного судопроизводства.

В данном контексте отметим, что разделяем позицию коллектива румынских авторов под руководством *Vintilă Dongoroz*, которая хоть и не напрямую освещает проблему процессуального статуса прокурора, тем не менее, наводит на мысль о нем. Так, они абсолютно верно отмечают, что государство является стороной во всех уголовных процессах [20, с. 82]. Будучи, однако, юридическим лицом осуществляет свои процессуальные права, как и любое юридическое лицо через представителей. Представителями государства в уголовных процессах являются квалифицированные субъекты (прокуроры) [20, с. 82].

Кроме того, данные специалисты отмечают, что квалифицированные представители не приобретает качество стороны в уголовном процессе, а только качество процессуального субъекта [20, с. 82]. В данном аспекте, они уточняют, что квалифицированные представители имеют функциональные полномочия возбудить уголовный иск и

осуществить его, хотя и не являются сторонами, являются все же субъектами уголовных действий [20, с. 82]. Тем самым, на наш взгляд подчеркивается, что прокурор, как квалифицированный представитель государства есть самостоятельный субъект уголовного процесса, его участник. Следовательно, обладающий определенным процессуальным статусом субъекта.

Таким образом, на досудебной стадии прокурор пользуется процессуальным статусом руководителя и/или лица, осуществляющего уголовное преследование, а в судебной стадии прокурору принадлежит процессуальный статус государственного обвинителя. Тем самым, обращаясь к УПК РМ, необходимо правильно трактовать его содержание.

Так, ст. 51 УПК РМ «Прокурор» во (2-7) частях устанавливает следующие полномочия:

(2) Прокурор вправе предъявить обвиняемому, подсудимому или лицу, которое несет имущественную ответственность за действия обвиняемого, подсудимого, гражданский иск:

1) в интересах потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии или в зависимости от обвиняемого, подсудимого либо по другим причинам не способного самостоятельно реализовать свое право на предъявление гражданского иска;

2) в интересах государства.

(3) При осуществлении своих полномочий в уголовном процессе прокурор независим и подчиняется только закону. Он должен также исполнять письменные указания вышестоящего прокурора.

(4) В ходе уголовного судопроизводства прокурор поддерживает обвинение от имени государства и представляет в судебном заседании доказательства, собранные органом уголовного преследования.

(5) Прокурор вправе подать апелляционную или кассационную жалобу на судебные решения, которые он считает незаконными или необоснованными.

(7) На этапе исполнения судебных решений прокурор осуществляет полномочия, предусмотренные УПК РМ.

Данная статья, по нашему мнению, статус прокурора описывает в целом, а именно его *права и обязанности* на протяжении всего уголовного судопроизводства, поскольку уже последующие статьи, а именно ст. 52 и ст. 53 УПК РМ, уже более конкретно указывает на перечень тех *прав и обязанностей*, которые реализует прокурор в ходе уголовного

преследования и в судебной инстанции. Поэтому мы считаем, что именно в ст.ст. 52 и 53 законодатель устанавливает процессуальный статус прокурора на досудебной и судебной стадиях уголовного судопроизводства соответственно.

В этой связи нам представляется уместным привести в качестве примера высказывание Е. Мартынчика о том, что закон дифференцирует ролевые функции и полномочия прокурора в зависимости от этапа судопроизводства [121, с. 11].

В рамках данного параграфа считаем возможным лишь перечислить предусмотренные законом полномочия прокурора в суде, поскольку о механизме их реализации будем подробно говорить в следующей главе.

Итак, в спектр полномочий прокурора в судебной инстанции законодатель в соответствии со ст. 53 УПК РМ включает следующие *права и обязанности*:

(1) При рассмотрении уголовного дела судебной инстанцией прокурор:

1) поддерживает обвинение от имени государства и представляет в судебном заседании доказательства обвинения;

2) участвует в рассмотрении доказательств, представленных стороной защиты, представляет новые доказательства, необходимые для подтверждения обвинения, заявляет ходатайства и высказывает свое мнение по вопросам, возникшим в ходе судебного разбирательства;

3) истребует от судебной инстанции уголовное дело для предъявления подсудимому более тяжкого обвинения и сбора новых доказательств, если в ходе судебного расследования устанавливается, что подсудимый совершил и другие преступления, а доказательств этого недостаточно;

4) изменяет юридическую квалификацию преступления, совершенного подсудимым, если судебным расследованием подтверждено, что подсудимый совершил это преступление;

5) обращается в судебную инстанцию с ходатайством об объявлении перерыва по делу на предусмотренный настоящим кодексом срок для представления новых доказательств, подтверждающих виновность подсудимого, в случае неполного осуществления уголовного преследования;

6) дает письменные указания органу уголовного преследования о производстве определенных процессуальных действий по дополнительным доказательствам либо по новым преступлениям;

7) распоряжается своим постановлением о приводе в соответствии со статьей 199 УПК РМ в судебную инстанцию лиц, включенных в представленный судебной инстанции список, а также лиц, затребованных для сбора новых или дополнительных доказательств;

8) высказывает в ходе судебных прений мнение о преступном деянии, совершенном подсудимым, квалификации деяния в соответствии с нормами уголовного закона и мерах наказания, которые надлежит применить к подсудимому;

9) подает апелляционную или, в зависимости от обстоятельств, кассационную жалобу как в отношении уголовного дела в целом, так и в части, касающейся гражданского иска, отзывает ее в порядке, предусмотренном настоящим кодексом.

(2) При рассмотрении уголовного дела судебной инстанцией прокурор имеет также другие права и обязанности, предусмотренные уголовно-процессуальным кодексом.

Мезинов Д.А. верно утверждает, что прокурор, участвующий в судебном производстве, продолжает оставаться должностным лицом государства, поэтому предоставленные ему процессуальные права обвинителя, в ситуациях, предоставляющих возможность реализации этих прав в публичных интересах, являются для него одновременно обязанностями. В связи с этим уместно для обозначения процессуальных прав прокурора – государственного обвинителя употреблять термин «полномочия» [124, с. 19].

Коллектив молдавских исследователей, рассматривая статус прокурора на различных этапах уголовного судопроизводства, в контексте участия прокурора в судебном разбирательстве подчеркивают, что прокурор, в пределах своей компетенции, уведомляют компетентный суд в целях рассмотрения соответствующего уголовного дела, представляет обвинения от имени государства во втором этапе уголовного процесса по всем уголовным делам, на основе принципа состязательности и осуществляет обжалование судебных решений, в условиях, предусмотренных законом [39, с. 166].

Также поддерживаем Колпашникову В.М. в том, что «перечисленные права прокурора одновременно являются и его обязанностями, так как обеспечиваются реализацией принципа состязательности в уголовном процессе. Прокурор, как сторона обвинения, обязан доказывать свою правовую позицию по конкретному уголовному делу и в силу чего, он не может отстраниться в процессе от указанной деятельности, вести себя не активно, не проявлять свою заинтересованность в вынесении обвинительного приговора. Конституционное положение об осуществлении судопроизводства на основе

состязательности, следующее из этого освобождение суда от обвинительных функций возлагают всю ответственность за доказывание обвинения на участвующего в судебном разбирательстве прокурора. Таким образом, в судебных стадиях процессуальное положение прокурора существенно отличается от статуса прокурора на стадии уголовного преследования. Участвуя в рассмотрении дела в суде первой инстанции, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя - стороны, поддерживающей обвинение от имени государства. При поддержании обвинения он руководствуется требованиями закона и своим внутренним убеждением» [104].

2.3. Выводы к главе 2

1. Важнейшими теоретическими правовыми категориями, направляющими участие прокурора в суде первой инстанции являются цель и функции. Данные категории выступают самостоятельными институтами уголовного судопроизводства, различаются между собой их сущностным содержанием.

2. Рассматривая различные подходы к пониманию государственного обвинения, мы приходим к выводу, что эта деятельность направлена на установление фактических обстоятельств дела в суде, необходимых для осуждения виновного судебной инстанцией, вынесение оправдательного приговора или приговора о прекращении производства по делу, т.е. вынесение законного и обоснованного приговора. Думается, что вынесение законного и обоснованного приговора возможно посредством установления фактических обстоятельств дела. Это подтверждает выдвинутый нами тезис о том, что цель участия прокурора в судебной стадии уголовного судопроизводства можно обозначить как установление фактических обстоятельств дела. Считаем, что данная цель должна обладать определенными характеристиками или свойствами: социально значима; закономерна и законна; удовлетворяет требования одной из сторон в процессе; является результатом реализации механизма уголовного судопроизводства.

3. В уголовно-процессуальном законодательстве установлено, что прокурор, участвующий в уголовном судопроизводстве, выполняет функции государственного обвинителя. В тоже время, УПК РМ не детализирует какие именно функции. По нашему убеждению, прокурор в суде первой инстанции реализует такие функции как: обвинения; поддержания обвинения; правозащитную функцию; установления фактических обстоятельств дела; борьбы с преступностью; правовоспитательную функцию. Функция

борьбы с преступностью и правовоспитательная функция носят прикладной характер, так как они не направлены на реализацию каких-то конкретных задач, стоящих перед прокурором в данной стадии уголовного процесса, не являются необходимыми и обязательными для обвинения, как стороны уголовного процесса, а выполняются прокурором ввиду особенности его правового статуса.

4. Законодатель не дает четкой формулировки понятию «обвинение». В доктрине сформировано несколько концептуальных подходов: материальный, процессуальный и материально-процессуальный.

5. Опираясь на используемые законодателем в связи с «обвинением» термины, предполагаем, что законодатель под обвинением понимает что-то конкретное, имеющее материально-процессуальную основу, при ознакомлении с которой можно ответить на вопросы: кто? на основании чего? почему может быть привлечен к уголовной ответственности? В связи с этим, считаем, что обвинение следует рассматривать как с материальной, так и с процессуальной точки зрения, тем самым причисляем себя к сторонникам материально - процессуального подхода, который предлагаем именовать как *двузначный подход*. Исходя из которого обвинение – это аргументированный тезис о совершенном преступлении, который в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона утверждается, предъявляется, представляется, изменяется, дополняется и поддерживается прокурором.

6. Под «правовым статусом» необходимо понимать такое правовое состояние субъекта правоотношений, исходя из которого возможно определить какая роль ему принадлежит, т.е. его правовое положение по сравнению с другими субъектами рассматриваемого конкретного правоотношения. В структуру правового статуса входят определенные элементы, которые и отличают одного субъекта от другого. К таким элементам следует относить: правовые нормы, устанавливающие данный статус, права и обязанности (т.е. полномочия), гарантии установленных прав, ответственность. В связи с этим, считаем, что «правовой статус» есть категория не абстрактная, а вполне определенная, поскольку ее необходимо рассматривать только в привязке к конкретному правоотношению и к его субъектам.

7. Существующие в действующем законодательстве неточные, различные формулировки понятия «прокурор» могут привести к неверной трактовке его правового статуса, а также возникновению разногласий в отношении самого понятия «статус прокурора» и его составляющих. В связи с этим, руководствуясь недавно принятым Законом о Прокуратуре, а также Законом о статусе лиц, исполняющих ответственные

государственные должности, считаем необходимым и возможным конкретизировать, что *прокурор – это ответственное должностное лицо*.

8. Правовые нормы, устанавливающие статус прокурора составляют отдельные нормы Конституции Республики Молдова, Закона о Прокуратуре, Закона о статусе лиц, исполняющих ответственные государственные должности, а также УПК РМ. Гарантии установленных прав как элемент правового статуса составляют положения Закона о Прокуратуре, регламентирующие обеспечение независимости, а также неприкосновенность прокурора. Исследования различных форм привлечения прокурора к ответственности позволяет выдвинуть тезис о том, что прокурор может быть привлечен только лишь к дисциплинарной и уголовной ответственности. Исчерпывающий перечень оснований привлечения прокурора к дисциплинарной ответственности прямо предусмотрен Законом о Прокуратуре. В отношении уголовной ответственности законодательство не предусматривает четкий перечень оснований привлечения к ней, однако исходя из сущности осуществляемой прокурором деятельности в уголовном судопроизводстве, считаем, что прокурор может привлекаться к таковой в случае совершения им ряда преступлений против правосудия (глава XIV УК РМ), а также ряда преступлений против надлежащего порядка работы в публичной сфере (глава XV УК РМ).

9. Поскольку прокурор на различных стадиях уголовного судопроизводства выполняет различную роль, следовательно, его процессуальное положение в этих стадиях также будет различаться. Тем не менее, он, выступает в любой стадии уголовного судопроизводства как ответственное должностное лицо. В связи с этим, считаем, что прокурор обладает единым правовым статусом ответственного должностного лица и различным процессуальным статусом участника уголовного судопроизводства. Утверждаем, что процессуальный статус понятие более узкое по сравнению с понятием правового статуса. Сущностным содержанием процессуального статуса прокурора выступают его полномочия в различных стадиях уголовного судопроизводства. В суде прокурор обладает процессуальным статусом государственного обвинителя, права и обязанности которого закреплены в ст. 53 УПК РМ.

3. ПОДДЕРЖАНИЕ ПРОКУРОРОМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

3.1. Участие прокурора в предварительном заседании

В соответствии с частью (3) ст. 345 УПК РМ предварительное заседание состоит в разрешении с участием сторон всех вопросов, связанных с назначением дела к рассмотрению. Предварительное заседание проводится с соблюдением общих условий судебного разбирательства. По законодательству многих государств СНГ предварительное заседание именуется предварительным слушанием.

На первый взгляд может показаться, что процессуально значимую роль на данном этапе уголовного судопроизводства играет только лишь судья, поскольку именно председательствующий судья руководит судебным заседанием, вносит на обсуждение сформулированные сторонами процесса заявления, и судебная инстанция принимает решения по ним. Так, Е.А.Безик отмечает, что деятельность судьи в ходе предварительного слушания по уголовному делу состоит в изучении и проверке уже собранных и представленных в суд письменных материалов дела, ходатайств, заявлений и жалоб участников процесса [71, с. 20]. Однако глубокий анализ института предварительного заседания позволяет нам сформировать иное мнение.

Поскольку предварительное слушание является усложненной формой стадии назначения уголовного дела к судебному заседанию [98, с.24-25], то есть первой судебной стадией уголовного процесса, то на данной стадии прокурор должен выступать в качестве государственного обвинителя. Считаем, что именно на данном этапе прокурор приобретает процессуальный статус государственного обвинителя. Его деятельность в данном случае направлена на обеспечение поддержания государственного обвинения в суде в ходе судебного разбирательства.

Галимов Е.Р. утверждает, что государственный обвинитель на предварительном слушании принимает меры по устранению возникших препятствий для разрешения уголовного дела по существу. Круг вопросов, решаемых на предварительном слушании дела, регламентируемый современным законодательством, создает достаточные гарантии для того, чтобы суд процессуальными решениями, выносимыми по итогам проведения предварительного слушания, действительно не предreshал вопрос о виновности обвиняемого [82, с. 431].

Лазарева В.А. отмечает, что деятельность прокурора в предварительном слушании направлена на то, чтобы убедить суд в наличии оснований для рассмотрения уголовного дела по существу с тем, чтобы получить возможность доказывать виновность подсудимого, то есть осуществлять государственное обвинение [113, с. 102].

На наш взгляд, говоря о роли прокурора в предварительном заседании, правы оба автора, и Галимов Е.Р., и Лазарева В.А. Это подтверждается и положениями УПК РМ, описывающими предназначение предварительного заседания.

Предназначение предварительного заседания в соответствии с частью (4) ст. 345 УПК РМ состоит в рассмотрении таких вопросов как:

- поступившие заявления и ходатайства, а также заявленные отводы;
- перечень доказательств, которые предстоит представить сторонам в ходе судебного разбирательства;
- передача дела в соответствии с его компетенцией или, в зависимости от обстоятельств, полное или частичное прекращение производства по делу;
- приостановление производства по делу;
- назначение срока судебного разбирательства;
- меры пресечения и меры защиты.

Прокурор, обязанный присутствовать на предварительном заседании, зная, что представляет собой предварительное заседание и то, какие вопросы в обязательном порядке подлежат разрешению, безусловно, должен быть готов к этому. Поскольку уже предварительное заседание может повлиять на исход уголовного дела в целом. В этой связи, мы считаем, что прокурор обязан «подойти» к данной стадии уголовного судопроизводства крайне ответственно [173, с. 195].

Румынские коллеги отмечают, что согласно части (1) ст. 363 УПК Румынии участие прокурора в суде является обязательным [12, с. 143].

Совершенно справедливо коллектив румынских авторов подчеркивает, что прокурор осуществляет в ходе судебного разбирательства активную роль, в целях установления истины и соблюдения норм права. При исполнении активной роли, прокурор формулирует заявления, делает мотивированные выводы и определяет исключения [56, с. 951]. Несоблюдение положений, касающихся участия прокурора, когда его участие является обязательным по закону, влечет абсолютную недействительность вынесенных решений, в соответствии с п. d) части (1) ст. 281 УПК Румынии, которая устанавливает, что

по собственной инициативе или по запросу (п. d) части (2) ст. 281 УПК Румынии), может быть вызван в любой стадии процесса (п. d) части (2) ст. 281 УПК Румынии [56, с. 951].

Рассмотрим предметно деятельность государственного обвинителя в предварительном заседании.

1. *Участие прокурора при рассмотрении поступивших заявлений, ходатайств и поступивших отводов.* Наиболее простой и очевидной формой участия прокурора в этом, на наш взгляд, является то, что прокурор должен *заранее подготовить ходатайства*, а также установить основания для своевременного заявления *отвода* участникам уголовного судопроизводства. Ходатайства должны быть аргументированными, что позволяет избежать повторной подачи ходатайства уже в стадии судебного расследования. С другой стороны, так как подача ходатайств является правом прокурора, а не обязанностью, поэтому считаем, что из тактических соображений прокурор может и не заявлять некоторые ходатайства, это подтверждает то, что прокурор должен очень хорошо знать сущность уголовного дела, т.е. знать материалы дела, а не только «быть ознакомленным» с обвинительным заключением. Ведь безупречное знание уголовного дела способствует такой подготовке прокурора к судебному заседанию, при которой у него должна сформироваться не только собственная обвинительная позиция, но и выработаться определенная тактика поведения в суде.

Поскольку право подавать ходатайства (заявления) и отводы принадлежит всем участникам уголовного судопроизводства, следовательно, прокурор не только их подает, но и обязан соответственно реагировать на заявления, ходатайства либо отводы, поданные другими участниками.

Так, анализ исследованной нами судебной практики Республики Молдова (Приложение) показывает, что чаще всего в предварительном заседании подаются заявления по поводу рассмотрения уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 364¹ УПК РМ, т.е. проведение судебного разбирательства на основании доказательств, собранных на стадии уголовного преследования, составляет 78,82 % от всех поданных ходатайств и заявлений в предварительном заседании. В соответствии с положениями данной статьи УПК РМ, такое заявление подает сам подсудимый, а прокурор и защитник только лишь высказываются по этому поводу. Исходя из рассмотренных нами уголовных дел, прокурор в 100 % случаев поддержал такое заявление, поданное подсудимым. Например, в приговоре по уголовному делу № 1-34/2014, вынесенному судом Тараклия, сказано, что в судебном заседании подсудимый Б.Г.Г. подал заявление, согласно которого

признался в совершении деяния, указанного в обвинительном заключении, то есть в совершении преступления, предусмотренного ст. ч. (4) ст. 151 УК РМ, признает все доказательства, собранные в ходе уголовного преследования, и просил рассмотреть дело в порядке ст. 364¹ УПК РМ. Суд, выслушав мнение прокурора и адвоката подсудимого, изучив материалы уголовного дела, определил удовлетворить заявления подсудимого Б.Г.Г. и рассмотреть уголовное дело в порядке ст. 364¹ УПК РМ [158]. Здесь хотелось бы отметить, что в приговоре не всегда указывается, что такое заявление было подано и соответственно поддержано именно на предварительном заседании, что на наш взгляд, является не совсем верным. Считаем, что в приговоре должно быть обязательно указано, в какой именно стадии было подано заявление или ходатайство, играющее важнейшую роль в дальнейшем рассмотрении уголовного дела.

Другим видом заявления, которое чаще подается и рассматривается в предварительном заседании, является заявление подсудимого о рассмотрении дела в отсутствие адвоката. Так, например, в приговоре от 19 декабря 2013 г., вынесенного судом м. Комрат по уголовному делу № 1-115/2013, сказано, что в ходе предварительного заседания, а именно 11.11.2013 подсудимый И.А. подал заявление о рассмотрении дела в отсутствие адвоката, в связи с его отказом от последнего, которое было поддержано государственным обвинителем и принято определением суда от 11.11.2013 [159]. Подобное заявление было подано подсудимым и поддержано государственным обвинителем на предварительном заседании и по уголовному делу № 1145/2013 [160], рассмотренным судом Комрат, в приговоре которого об этом четко сказано.

Проведенный анализ материалов судебной практики РМ демонстрирует нам следующие показатели (Приложение): из общего числа поданных в предварительном заседании заявлений и ходатайств, доля поданных прокурором составляет лишь 6,59 %, в то время как доля поданных другими участниками составляет 93,40 %, однако отмечается что, прокурор на 100 % поддержал все заявления и ходатайства, поданные другими участниками. Полученные в результате статистического анализа цифры свидетельствуют о низкой активности прокурора в предварительном заседании. На первый взгляд может сложиться впечатление, что это обусловлено тем, что больший процент во всех поданных заявлений и ходатайств приходится на долю подсудимого, а именно 73,62 % составляют ходатайства и заявления о рассмотрении дела в порядке ст. 364¹ УПК РМ, право на которое имеет только лишь подсудимый. Однако, если не брать во внимание данную цифру, то

получится прокурор проявил активность лишь на 25 %, тогда как остальные участники на 75 %. Это снова свидетельствует о низкой активности прокурора.

Успешная подача прокурором ходатайства либо отвода на предварительном заседании, а также своевременная реакция на таковые, поданные другими участниками, напрямую зависят от того, насколько прокурор владеет материалами уголовного дела.

Лазарева В.А. определяет круг проблем, возникающих из-за незнания прокурором материалов дела. Она отмечает, что процесс подготовки к поддержанию государственного обвинения сложен и длителен. К сожалению, не все прокуроры придают значение подготовке к судебному заседанию, рассчитывая, что сумеют постичь обстоятельства дела непосредственно в ходе судебного заседания - ведь в суде будут оглашены и исследованы материалы дела, допрошены подсудимые и свидетели. Практика, однако, показывает, что этот расчет часто оказывается легкомысленным и несостоятельным. Во-первых, государственный обвинитель не может обоснованно заявить в суде ходатайство об оглашении материалов дела. Во-вторых, государственный обвинитель не может быть уверен в том, что органы расследования собрали все необходимые для обвинения доказательства, как и в том, что эти доказательства получены с соблюдением требований закона, содержат относящуюся к делу и достоверную информацию. В-третьих, незнание материалов дела препятствует прокурору реализовать право на заявление ходатайства о дополнении судебного следствия: не зная, какая еще в деле есть информация, сложно определить, чем её можно дополнить, тем более что указание на возможность и направление продолжения поиска доказательств нередко содержится в уже имеющихся в деле доказательствах... Перечень проблем, возникающих в связи с плохой подготовкой прокурора к участию в судебном процессе, может быть и продолжен, однако думается, и без того ясно: государственный обвинитель должен знать материалы дела досконально [113, с. 109-111]. На первый взгляд может показаться, что данное умозаключение автора не вполне применимо к молдавскому уголовному судопроизводству. Поскольку этот автор говорит о необходимости знания прокурором материалов уголовного дела в контексте того, что прокурор по УПК РФ самостоятельно не составляет обвинительное заключение, поэтому может не знать материалов уголовного дела. Прокурор в соответствии со ст. 296 УПК РМ самостоятельно составляет обвинительное заключение, это, с одной стороны само по себе уже предполагает тот факт, что прокурор знает материалы уголовного дела. Однако учитывая такие факторы, как: сложность уголовного дела (несколько подсудимых, совокупность преступлений и др.), его объемность (т.е. наличие нескольких томов

уголовного дела), истечение определенного времени с момента составления обвинительного заключения, а также «загруженность» прокуроров, считаем все же уместным говорить о необходимости досконального, т.е. детального знания прокурором материалов уголовного дела.

2. Участвуя при предоставлении перечня доказательств на рассмотрение, государственный обвинитель всегда обязан предоставить суду перечень тех доказательств, на основании исследования которых в судебном следствии может быть установлена виновность подсудимого. Это прямо предусмотрено ст. 347 УПК РМ и выражено в следующем: стороны обязаны представить в предварительном заседании перечень доказательств, которые они намерены исследовать в ходе судебного разбирательства, включая те, которые не исследовались в ходе уголовного преследования.

Копию перечня доказательств, представленных судебной инстанции, сторона вручает в обязательном порядке противной стороне. Гражданскому истцу и гражданскому ответчику вручается перечень доказательств, относящихся к гражданскому иску. В данном случае уточним, что несмотря на то, что законодатель не конкретизирует кто именно вручает перечень доказательств, относящихся к гражданскому иску, это следует из первого предложения ч. (2) ст. 347 УПК РМ «сторона вручает в обязательном порядке противной стороне», т.е. под сторонами в данном случае необходимо понимать самого истца и ответчика. Прокурор же в соответствии с ч. (4) ст. 221 УПК РМ предъявляет или поддерживает предъявленный гражданский иск в случае, если физическое или юридическое лицо, имеющее право предъявить такой иск, лишено возможности защищать свои интересы. Гражданский иск о возмещении морального ущерба прокурор вправе предъявить только по просьбе потерпевшего, лишенного возможности защитить свои интересы. Руководствуясь этим, считаем, что прокурор может предоставлять как перечень доказательств, относящихся к гражданскому иску судебной инстанции, так и копию такого перечня гражданскому ответчику только в том случае, если непосредственно лично предъявляет или поддерживает предъявленный гражданский иск в случаях, обозначенных выше (ч. (4) ст. 221 УПК РМ).

Поэтому, прокурору необходимо сделать все от него зависящее для того, чтобы ни одно доказательство из поданного перечня не было исключено. Поэтому прокурор должен быть достаточно убедительным и в этом вопросе. Своевременно должен отреагировать на заявление со стороны защиты о признании доказательств недопустимыми или не относимыми.

Очень интересна позиция Ягофарова Ф.М. по данному вопросу, поскольку он считает, что полномочия прокурора на предварительном слушании сводятся, в основном, к обоснованию перед судом законности процедуры собирания доказательств. При рассмотрении ходатайства об исключении доказательства, заявленного стороной защиты на том основании, что доказательство было получено с нарушением требований УПК, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на прокуроре. Данное правило означает, что сторона защиты вправе заявлять «безмотивные отводы» тому или иному доказательству под предлогом нарушения норм УПК при их собирании. Законность процедуры собирания доказательств должен обосновывать государственный обвинитель. Это подтверждается положениями УПК, согласно которым суд удовлетворяет ходатайство стороны об исключении доказательства в случае, если противоположная сторона не возражает против заявленного ходатайства. Подобная конструкция есть, как нам представляется, последовательная реализация принципа презумпции невиновности, а точнее, тех его частей, согласно которым обязанность доказывания виновности обвиняемого возлагается на обвинителя, а обязанность доказывания невиновности не может быть возложена на сторону защиты. Действительно, чтобы доказать перед судом виновность подсудимого, государственный обвинитель должен сначала доказать законность получения каждого доказательства, уличающего подсудимого. И, напротив, сторона защиты, если исходить из принципа презумпции невиновности, не обязана доказывать необоснованность обвинения, равно как не обязана доказывать недопустимость доказательств, предъявленных стороной обвинения. Как нам представляется, стороне защиты достаточно только поставить под сомнение законность процедуры получения доказательства. Отстаивание обоснованности обвинения и допустимости доказательств есть прямая обязанность государственного обвинителя, и сторона защиты вправе потребовать от него исполнения данной обязанности [203].

Схожее мнение выражает также и Е.Г. Шадрина, утверждающая, что в ходе предварительного слушания предмет судебного исследования гораздо уже, чем в судебном разбирательстве, так как исследование доказательств в полном объеме не производится, но это не означает, что прокурор не должен использовать своих полномочий в полной мере. Так, при рассмотрении ходатайства стороны защиты об исключении тех или иных доказательств, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на прокуроре. Отстаивая свою позицию, он вправе просить суд допросить свидетелей, огласить протоколы следственных действий и иные документы, имеющиеся в уголовном

деле. При этом в данной стадии фактически поддержание государственного обвинения не осуществляется, поскольку судебное разбирательство по рассмотрению уголовного дела, по существу не производится и вопрос обвинения не затрагивается [196, с. 163]. Поскольку наш законодатель в отличие от российского, не предусматривает отдельную норму, устанавливающую порядок и правила подачи ходатайства об исключении доказательств, не в полной мере согласимся с данными авторами. Поддерживаем их в той лишь части, касающейся обязанности обоснования государственным обвинителем законности получения доказательств на досудебной стадии, но лишь в том, случае, если сторона защиты заявляет о недопустимости тех или иных доказательств, указанных в подданном перечне. Кроме того, считаем, что на государственном обвинителе лежит обязанность обоснования также и относимости доказательств, в случае необходимости. Это еще раз подчеркивает, что прокурор должен быть готов отстоять свою позицию и убедить суд в необходимости оставить весь перечень доказательств в силе, без исключения некоторых из них. Согласно нашему уголовно - процессуальному законодательству, обязанность обосновать допустимость и относимость доказательств лежит также и на стороне защиты.

В. Агабаева утверждает, что в ходе предварительного слушания прокурор может заявлять ходатайства о признании недопустимыми доказательств, дополнительно представляемых стороной защиты, и возражать против приобщения их к материалам уголовного дела. Задачей государственного обвинителя на данном этапе в равной мере является как недопущение исключения из материалов уголовного дела допустимых доказательств, так и недопущение использования доказательств, полученных с нарушением требований УПК [65, с. 113].

В любом уголовном процессе ставится задача определить, являются ли на самом деле обстоятельства, установленные с помощью доказательств, иначе говоря, предметом доказывания, существует или нет взаимосвязь с предметом доказывания в деле, и поэтому если элементы дела действительно, по своей природе, могут помочь решению дела путем предоставления информации о наличии или отсутствии преступления, в установлении виновного, в подтверждении вины, а также в установлении других обстоятельств, важных для правильного разрешения конфликта материального права, выносимого судебной инстанцией [58, с. 261-262]. Действительно, на прокуроре лежит обязанность и даже ответственность не только по определению предмета доказывания, но и обоснования его объема, т.е. перечня доказательств, входящих в него.

Так, в ч. (3) ст. 347 УПК РМ говорится, что судебная инстанция, заслушав мнение присутствующих сторон, решает вопрос об относимости к делу представленных в перечне доказательств и о том, какие из них должны быть представлены в судебном разбирательстве.

Доказательства, по мнению *Dolea I.*, являются относимыми, если они имеют связь с уголовным делом, то есть с фактами и обстоятельствами, подлежащими доказыванию. Было показано, что при решении вопроса об относимости доказательств, необходимо иметь в виду два аспекта: *primo*, включает в себя факт, который будет доказан данным доказательством в предмете доказывания? *Secundo*, способно ли данное доказательство констатировать этот факт? Не все соответствующие доказательства способствует установлению обстоятельств дела [17, с. 202 Цит. по 58, с. 262]. В этой связи, *P. Ursache* и *T. Vizdoagă*. отмечают, что автор приходит к выводу, что относимость играет роль логической связи между обстоятельством и предметом доказывания. Относимость - это предпосылка для установления допустимости. Не относимые доказательства могут быть недопустимыми [58, с. 262].

В этой связи отметим, что румынский исследователь *Gh. Mateuț* рассматривает такие «требования» к доказательствам, как: относимость, убедительность, полезность и допустимость [35, с. 30-34]. Учитывая тот факт, что данные «требования» к доказательствам предъявляет и наш законодатель (ч. (1) ст. 90 УПК РМ, ч. (3) ст. 347 УПК РМ), считаем, что государственный обвинитель должен уметь обосновать *наличие* данных требований у доказательств «обвинения» и, напротив, их *отсутствие* у доказательств стороны «защиты».

Следовательно, «мнение» сторон, указанное в ч. (3) ст. 347 УПК РМ, это и есть обоснование своей позиции, обвинительной или защитной.

Мы считаем, что возможность выразить свое мнение по данному вопросу есть проявление равноправия сторон перед судебной инстанцией, закрепленной в ст. 315 УПК РМ, как одного из общих условий судебного разбирательства, предусматривающего, что прокурор, потерпевший, гражданский истец, защитник, подсудимый, гражданский ответчик и их представители пользуются равными правами перед судебной инстанцией в том, что касается представления доказательств, участия в их расследовании и формулировки заявлений и ходатайств.

Равноправие сторон, по мнению *Teodoru Gh.*, означает такое построение этого вида государственной деятельности, которое обеспечивает равные возможности для сторон отстаивать свои интересы [55, с. 200].

Однако, уточним, что в соответствии с Рекомендацией Комитета министров Совета Европы г. №R (2000)19 «Комитет министров - государствам-членам о роли прокуратуры в системе уголовного правосудия», прокуроры не должны представлять против обвиняемого доказательства, которые, как они знают или имеют достаточные основания подозревать, получены с нарушением закона».

Но, учитывая, что именно суд принимает решения в отношении дальнейшей «судьбы» доказательств, считаем уместным привести некоторые высказывания П.А. Лупинской о том, что своевременное исключение доказательств обеспечит законность судебного разбирательства [118, с. 23-24], а также о том, что решение вопроса об исключении доказательств, полученных с нарушением закона, именно в ходе предварительного слушания создает необходимые предпосылки реализации состязательного процесса. Именно при такой процедуре обеспечивается обоснованность назначения судебного заседания, исключается возможность использования заведомо недопустимых доказательств в судебном разбирательстве, обеспечивается непрерывность слушания дела, особенно когда излишние перерывы и откладывание судебного заседания крайне нежелательны [117, с. 121].

С другой стороны, важно отметить, что у государственного обвинителя в процессе предоставления перечня доказательств на рассмотрение есть возможность реально убедиться в правильности своей «обвинительной позиции».

В данном контексте Кулик Н.В. говорит, что прокурор имеет возможность перепроверить правильность сформированной на досудебной стадии позиции. «Взглянуть на нее со стороны» ему позволяют критичные мнения иных участников процесса и самого суда. В результате участвующий в предварительном слушании прокурор либо утверждает в правильности ранее избранной позиции, либо корректирует ее с учетом обстоятельств, установленных в ходе предварительного слушания. Помимо этого, прокурор получает на данном этапе возможность узнать, какие доказательства намерена представить в обоснование своей позиции сторона защиты, проверить их предварительно, в том числе убедившись в том, что они действительно имеют значение для правильного разрешения дела [110, с. 37].

Следовательно, деятельность государственного обвинителя, участвующего при подаче перечня доказательств на рассмотрение, сводится к тому, что он подает перечень доказательств; в некоторых случаях обосновывает необходимость в отдельных доказательствах; а также опровергает необходимость включения отдельных доказательств, поданных стороной защиты.

3. По поводу *передачи дела в соответствии с его компетенцией или, в зависимости от обстоятельств, полного или частичного прекращения производства по делу* отметим, что и в данном случае прокурор не может оставаться в стороне, так как, зная материалы уголовного дела, выявив основания для осуществления названных процессуальных действий, обязан об этом заявить суду, либо поддержать таковые со стороны других участников процесса. Поскольку данные обстоятельства могут послужить в дальнейшем основаниями для подачи апелляционной либо кассационной жалобы.

Так, примером может служить уголовное дело № 1-78/2013, судом м. Комрат, в приговоре которого говорится о том, что прокурор в ходе судебного заседания заявил ходатайство о прекращении производства по делу на основании п. 5) ст. 275, ч. (6) ст. 286, ч. (1,3) ст. 332 УПК РМ, так как 04.12.2013 г. подсудимый Г. скончался. В подтверждении ходатайства предложено приобщить к материалам дела ответ судебно-медицинского эксперта Топал К. от 06.12.2013г. Защитник подсудимого заявление поддержал [155]. Исходя из данного примера видно, что прокурор, заявляя ходатайство о прекращении производства по делу, обязан, безусловно, его мотивировать, т.е. сослаться как на конкретную букву закона, так и предоставить подтверждающие документы.

Другой яркий случай, подтверждающий, что цель деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве вовсе не сводится к обязательному вынесению обвинительного приговора судом, а направлена на выявление всех фактических обстоятельств дела, является уголовное дело № 1-88/2013, в приговоре которого сказано, что в ходе рассмотрения дела прокурором было заявлено ходатайство о прекращении производства по уголовному делу в связи с тем, что 26.10.2013 г. вступили в законную силу изменения в УК, внесенные законом РМ №145 от 14.10.2013 года, по которым степень опьянения подсудимого не является сильной и не влечет уголовной ответственности [156].

Еще одним примером прекращения производства по делу может служить уголовное дело, рассмотренное судом мун. Комрат, в отношении которого был вынесен приговор о прекращении производства по делу в связи с примирением сторон. Так, в приговоре, указывается, что в ходе предварительного заседания, адвокат подсудимой В. предоставил

суду заявления потерпевших по делу: xxxxNUMExxxxxльги, ... Натальи и xxxxNUMExxxxxа, заверенные нотариусомИриной, из содержания которых следует, что они просят рассмотрения уголовного дела в их отсутствии по факту совершения кражи принадлежащего им имущества по ст. 186 ч. (2) УК РМ, и о том, что материальный ущерб, причиненный им подсудимой Ф. возмещен в полном объеме, претензий они не имеют, с ней помирились. В связи с чем, потерпевшие просят уголовное дело в отношении Ф. прекратить на основании ст. 109 УК РМ, в связи с примирением сторон. Подсудимая пояснила, что просит прекратить уголовное преследование по ст. 186 ч. (2) УК РМ, за примирением. Защитник подсудимой и государственный обвинитель поддержали ходатайство потерпевших и подсудимой [157].

Помимо обычного поддержания обвинителем такого заявления, поданного другой стороной, прокурор, по нашему мнению, должен аргументировать и эту позицию. Наглядным примером, может выступать приговор по уголовному делу № 1-152/2015/2015420156, вынесенный судом Ботаника, в котором указывается, что прокурор в судебном заседании заявила, это есть право сторон примириться, нет препятствий для прекращения производства по делу в отношении В. V. в связи с примирением подсудимого с потерпевшей стороной [49].

4. При разрешении вопроса о *приостановлении производства по делу; назначение срока судебного разбирательства; меры пресечения и меры защиты* роль прокурора сводится к тому, что он должен не просто высказать свое мнение по этим вопросам. А основываясь на фактах, выступать за или против разрешения таких вопросов.

В том случае, когда нет никаких препятствий для рассмотрения дела по существу, т.е. нет необходимости направлять дело в компетентную судебную инстанцию, приостановить и возобновить производство по делу или прекратить производство по делу, судом осуществляется процедура назначения дела к рассмотрению в соответствии с положениями ст. 351 УПК РМ.

3.2. Полномочия прокурора в подготовительной части

Порядок проведения подготовительной части судебного заседания регламентирован ст.ст. 354- 364¹ УПК РМ.

Говоря о роли данного этапа судебного производства, Перлов И.Д. отмечал, что подготовительная часть судебного разбирательства является весьма важной составной и

самостоятельной его частью, обуславливающей нормальное развертывание всех последующих частей судебного разбирательства и прежде всего главной его части - судебного следствия [137, с. 47].

Луцик В.В. отмечает, что подготовительное производство является самостоятельной стадией уголовного процесса, в которой судья, не предрешая вопроса о виновности подозреваемого, на основании материалов уголовного дела, мнений и ходатайств участников процесса, устанавливает наличие или отсутствие достаточных правовых и фактических оснований для назначения уголовного производства к судебному разбирательству, а при наличии таких оснований назначает судебное разбирательство и совершает подготовительные действия для обеспечения необходимых условий его эффективного проведения [120, с. 72].

Подготовительная часть судебного заседания представляет собой часть судебного разбирательства, в содержание которой включаются процессуальные действия участников процесса по созданию условий, способствующих полноте, всесторонности и объективности исследования доказательств в судебном следствии. В этой части судебного заседания ни суд, ни стороны, в том числе государственный обвинитель, не осуществляют каких-либо действий, направленных на разбирательство дела по существу. Действия государственного обвинителя носят обеспечительный по отношению к судебному разбирательству характер, направлены на создание условий объективного, непредвзятого, законного и обоснованного разрешения уголовного дела по существу. Для государственного обвинителя использование процессуального права на заявление об отводе судьи, секретаря судебного заседания, переводчика, эксперта, специалиста, защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, а также на самоотвод является эффективным средством обеспечения законности уголовного преследования подсудимого в стадии судебного разбирательства [107, с. 92-93].

Разделяем позицию соотечественников *Covalenco E.* и *Vizdoagă T.*, согласно которой, считается, что в подготовительной части судебного заседания реализуется комплекс мероприятий организационного характера, направленные на обеспечение надлежащего проведения судебного разбирательства. По сути, подготовительная часть судебного заседания способствует: рассмотрению дела в ходе процесса объективными, беспристрастными судьями и лично не заинтересованными в результате процесса; обеспечению присутствия в судебном заседании и активном участии подсудимого, которому необходимо объяснить в понятной терминологии его права и обязанности, и

обеспечить ему условия, в частности, для реализации его права на защиту, в том числе и присутствие защитника; присутствию на заседании других сторон, свидетелей и других лиц, участвующих в уголовном процессе; созданию благоприятных условий, обеспечивающих свидетелям возможность давать достоверные показания, а экспертам сформулировать выводы; формулированию и составлению заявлений и ходатайств в целях всестороннего, объективного и полного исследования обстоятельств, относимых к деянию и исполнителю. К процессуальным действиям, касающимся подготовительной части судебного заседания относятся: 1. открытие судебного заседания и проверка явки в суд; 2. установление законных оснований для участия в заседании присутствующих лиц; 3. проверка знания прав участниками процесса; 4. обеспечение необходимых доказательных средств [11, с. 275].

Крюков В.Ф. отмечает, что для государственного обвинителя важно ответственное понимание того, что в этой начальной части судебного заседания, как уже отмечалось, решаются вопросы о законности состава суда, возможности участия конкретных лиц в разбирательстве в качестве судьи, защитника, эксперта, специалиста, других участников процесса, да и самого государственного обвинителя; здесь решается вопрос о возможности разбирательства в отсутствие кого-либо из участников процесса. В связи с этим именно в этой части судебного заседания участие государственного обвинителя должно быть активным по всем направлениям подготовительной деятельности. Полномочия прокурора в подготовительной части судебного заседания позволяют ему заявлять различного рода ходатайства и выражать мнения по ходатайствам других участников разбирательства [107, с. 81].

Ряд российских исследователей заявляют, что подготовительная часть судебного разбирательства может быть достаточно продолжительной. В определенной степени на данной стадии определяется тактика проведения всего судебного разбирательства, поэтому прокурору, участвующему в рассмотрении уголовного дела, следует очень внимательно отнестись к решению вопросов на этой стадии, к которым относятся: 1) разъяснение прав и обязанностей участникам процесса; 2) разрешение ходатайств (начальный этап проверки версий, выдвинутых участниками процесса); 3) разрешение вопроса о возможности рассмотрения дела в отсутствие кого-либо из вызванных в судебное заседание лиц; 4) определение порядка исследования доказательств [92, с. 22].

Рассмотрим поэтапно участие прокурора в подготовительной части судебного заседания.

После открытия судебного заседания происходит проверка явки в судебную инстанцию. Так, в соответствии со ст. 355 УПК РМ, после переклички сторон и других, вызванных в судебную инстанцию, лиц, секретарь судебного заседания докладывает о явке в судебную инстанцию и сообщает причины неявки отсутствующих.

При проверке судом явки вызванных в суд лиц государственный обвинитель должен обращать внимание на явку всех вызванных участников уголовного судопроизводства независимо от того, с какой стороны они будут выступать. Если сторона защиты будет ущемлена в своих правах, то в дальнейшем под сомнение может быть поставлен приговор, по сути являющийся законным и обоснованным [126, с. 19]. В этой связи отметим, что прокурор именно таким образом может проявить себя как гарант законности.

И уже на данном этапе в некоторых случаях прокурор вправе подавать ходатайства.

Так, в приговоре суда г. Чадыр-Лунга о прекращении производства по уголовному делу № 1-202/2013 сказано, что в подготовительной части судебного заседания прокурор Б. заявила ходатайство о прекращении производства по уголовному делу по обвинению К., в соответствии с п. 5 ст. 275, ст.ст. 332 и 350 УПК РМ, в связи с наступлением смерти подсудимого К. Адвокат в судебном заседании не возражал против прекращения производства по делу в отношении К., в связи с наступлением смерти К. Выслушав доводы участников процесса, исследовав материалы дела, суд считает, что ходатайство прокурора о прекращении производства по делу обосновано и подлежит удовлетворению по следующим основаниям...[154]. Данный пример и является таким случаем.

Высказывание прокурором своего мнения по вопросу рассмотрения дела по существу в случае неявки одного из участников судопроизводства, является, на наш взгляд, очень важным, особенно, если это касается личности подсудимого.

Так, в соответствии ч. (1) ст. 321 УПК РМ, разбирательство дела в первой инстанции и апелляционной инстанции происходит с участием подсудимого, за исключением определенных случаев. Часть (2) этой статьи предусматривает случаи, когда разбирательство возможно в отсутствие подсудимого, а именно:

- 1) если подсудимый уклоняется от явки в суд;
- 2) если подсудимый, находясь под арестом, отказывается предстать перед судом для разбирательства дела и его отказ подтверждается также его защитником;
- 3) рассмотрения дела о совершении незначительных преступлений, когда подсудимый изъявил желание, чтобы судебное разбирательство проводилось в его отсутствие.

В отношении второго и третьего основания, вопросов не возникает, поскольку судья принимает решение на основании поданных заявлений самим подсудимым, с учетом мнения прокурора. Несколько сложнее разрешается ситуация, когда подсудимый уклоняется от явки в суд. Так, в части (5) ст. 321 УПК РМ предусмотрено, что в случае необоснованной неявки подсудимого в суд судебная инстанция вправе принять решение о его приводе и применить к нему меру пресечения или заменить ее другой мерой, которая обеспечит его явку в суд, а по ходатайству прокурора распоряжается об объявлении подсудимого в розыск. Определение об объявлении подсудимого в розыск исполняется органами внутренних дел. Исходя из буквы закона, принятие решения о приводе, применении меры пресечения или замены является правом судебной инстанции, а не обязанностью. Возникает вопрос, в каких случаях судебная инстанция может воспользоваться этим правом, а в каких нет? На наш взгляд, вполне логичной является такая ситуация, когда решение о приводе, избрании меры пресечения или ее замены, принимается на основе ходатайства, поданного прокурором. То есть вопрос разрешается в таком порядке, как это предусмотрено для объявления подсудимого в розыск. Поэтому считаем, что часть (5) ст. 321 УПК РМ нуждается в корректировке, а именно *«В случае необоснованной неявки подсудимого в суд судебная инстанция по ходатайству прокурора, учитывая мнение стороны защиты, распоряжается о его приводе, применении к нему меры пресечения или замены ее на другую меру, которая обеспечит его явку в суд или распоряжается об объявлении подсудимого в розыск. Определение об объявлении подсудимого в розыск исполняется органами полиции».*

Отметим, что прокурор, подавая одно из таких ходатайств, должен обязательно их аргументировать, т.е. должен предоставить убедительные доказательства, подтверждающие необходимость применения именно привода, именно избрания меры пресечения, или замены ее на такую, которая смогла бы обеспечить явку подсудимого в суд. А ходатайство об объявлении подсудимого в розыск должно подаваться в тех, случаях, когда применение привода, меры пресечения или ее замены невозможно в принципе.

С учетом этого, вполне логичной, по нашему мнению, становится и действующая часть (6) ст. 321 УПК РМ, регламентирующая положение о том, что судебная инстанция принимает решение о производстве судебного разбирательства в отсутствие подсудимого по мотивам, предусмотренным пунктом 1) части (2), только при условии представления прокурором веских доказательств того, что лицо, которому предъявлено обвинение, и дело, в отношении которого направлено в суд, прямо отказалось от своего права предстать перед

судом и лично обеспечивать свою защиту, а также уклоняется от уголовного преследования и рассмотрения дела в суде.

Так, например, если рассмотреть такой случай, когда на предварительном заседании подсудимый не присутствовал, прокурором было заявлено ходатайство о его приводе, которое суд удовлетворил, и подсудимый вновь не явился, т.е. компетентные органы не смогли обеспечить явку подсудимого на подготовительную часть судебного заседания. Какова должна быть реакция всех участников уголовного судопроизводства, присутствующих на подготовительной части судебного заседания, а также реакция суда? Здесь, на наш взгляд, существует несколько вариантов:

А) В том случае, когда на подготовительной части судебного заседания присутствует защитник подсудимого, и он подает от имени подсудимого заявление о том, что подсудимый отказывается предстать перед судом, или он изъявил желание, чтобы судебное разбирательство проводилось в его отсутствие. Вполне возможно, что такое заявление подсудимый может составить уже после того, как прошло предварительное заседание. Поэтому прокурор в такой ситуации лишь должен высказать свое мнение по этому вопросу;

Б) В том случае, когда на подготовительной части судебного заседания присутствует защитник подсудимого, который не может ответить, почему подсудимый не явился на судебное заседание, письменного заявления о том, что подсудимый отказывается предстать перед судом, или он изъявил желание, чтобы судебное разбирательство проводилось в его отсутствие нет, прокурор ходатайствует об объявлении в розыск подсудимого и о производстве судебного разбирательства в отсутствие подсудимого;

В) В том случае, когда на подготовительной части судебного заседания не присутствует ни подсудимый, ни защитник, обязанный присутствовать на таковом, и нет возможности его заменить, судебная инстанция откладывает судебное заседание. Далее разрешается вопрос с защитой в соответствии и в порядке ст. 322 УПК РМ;

Г) В том случае, когда на подготовительной части судебного заседания не присутствует подсудимый, а участие защитника является не обязательным в силу определенных причин, прокурор подает мотивированное ходатайство об объявлении подсудимого в розыск, а также ходатайство о производстве судебного разбирательства в отсутствие подсудимого.

Примером подачи такого ходатайства может служить вынесенное определение о приводе суда мун. Комрат по уголовному делу № 1-06/2014, № 23-1- 42-13012014 от 14 февраля 2014 г., в котором указывается, что на судебное заседание подсудимый не явился,

в связи, с чем государственный обвинитель заявил ходатайство о приводе подсудимого [131]. Этот пример является подтверждением того, что прокурор обязан своевременно реагировать на возникающие ситуации, которые могут каким-либо образом помешать рассматривать дело по существу, став причиной затягивания процесса рассмотрения уголовного дела

В связи с этим считаем, что прокурор, участвуя в подготовительной части судебного заседания при осуществлении проверки явки в суд должен быть готовым ко всему. То есть он должен быть подготовленным к данному этапу судебного производства настолько, чтобы у него была реальная возможность отреагировать своевременно и должным образом на любой вариант развития ситуации, а не просто ходатайствовать об отложении судебного заседания.

По общему правилу, после того, как суд устанавливает личности присутствующих и знание ими своих прав, дает разъяснения по этому поводу, объявляется состав суда, далее в случае необходимости рассматриваются отводы и самоотводы.

На наш взгляд, не вполне уместно рассматривать вопрос об участии прокурора в подаче отвода или самоотвода, поскольку для этого существует предварительное заседание, на которой данный вопрос обязательно должен рассматриваться. Хотя, с теоретической точки зрения, за период времени от проведения предварительного заседания и до подготовительной части судебного заседания, все же могут выясниться определенные обстоятельства, препятствующие дальнейшему участию в уголовном судопроизводстве по конкретному уголовному делу, как самого государственного обвинителя, так и других участников, включая судью. В связи с этим, при наличии таких обстоятельств, прокурор обязан заблаговременно подготовить такой отвод или самоотвод с тем, чтобы заявить его в подготовительной части судебного заседания. Поэтому то время, на которое назначается подготовительная часть судебного заседания и длится с момента проведения предварительного заседания, является еще одной дополнительной возможностью для подготовки участников уголовного процесса к суду, в том числе для прокурора. Это время, необходимое, для более качественного и успешного поддержания государственного обвинения. Так, деятельность прокурора в данном случае сводится к подаче соответствующего отвода или самоотвода.

Согласно процедуре проведения подготовительной части судебного заседания, следующие вопросы, подлежащие рассмотрению – это участие защитника, разрешение вопроса о возможности рассмотрения уголовного дела в отсутствие одной из сторон или

других вызванных в суд лиц, установление личности эксперта и специалиста и разъяснение им их прав и обязанностей. Участие прокурора в этих вопросах сводится к тому, что он высказывает свое мнение по ним.

Следующим этапом является подача и разрешение заявлений или ходатайств. Так же, как и на предварительном заседании, прокурор должен подходить максимально ответственно к этому вопросу, это касается не только тех случаев, когда заявление или ходатайство подает сам государственный обвинитель.

Интересным представляется в плане подачи ходатайств практика, используемая во Франции. Так, прокурор принимает участие в заседании и представляет свое мнение устно или письменно. Прокурор вправе поставить устное мнение, отличное от его письменного, но оно должно соответствовать указаниям своего начальника. Он открыт для прокурора для дачи конкретного предложения [214, с. 31].

В том случае, когда заявление о прекращении производства по делу подает любой другой участник уголовного судопроизводства, прокурор должен быть активным и в этом случае. В качестве примера приведем следующее уголовное дело. В приговоре по уголовному делу №1-3/2014, рассмотренному судом г. Чадыр-Лунга, говорится, что в подготовительной части судебного заседания потерпевший З. подал суду письменное заявление с просьбой прекратить производство по делу в связи с примирением с подсудимым, поскольку он его простил. Подсудимый Н. заявил, что согласен с заявлением потерпевшего и не желает рассмотрения по существу и обещает, что больше такого не повторится. Защитник подсудимого Л. согласился с позицией своего подзащитного. Прокурор Б. в судебном заседании высказалась о возможности прекращения производства по делу [152].

Приведем другой пример. Приговор суда г. Чадыр-Лунга о прекращении производства по уголовному делу № 1-199/13, в котором указано, что в подготовительной части судебного заседания представитель пострадавшей стороны подал в суд письменное заявление с просьбой прекратить производство по данному делу в связи с примирением с подсудимыми, поскольку они их простили. Подсудимый Г. заявил, что согласен с заявлением представителя пострадавшей стороны и не желает рассмотрения по существу. Подсудимый М. заявил, что согласен с заявлением представителя пострадавшей стороны и не желает рассмотрения по существу. Защитник подсудимого Г. адвокат К. согласился с позицией своего подзащитного. Защитник подсудимого М. адвокат Л. согласился с позицией своего подзащитного. Прокурор А. высказался о невозможности прекращения

производства по делу, так как пострадавшей стороной является примэрия, то есть юридическое лицо. В соответствии с положениями ч. (2) ст. 285 и ч. (6) ст. 58 УПК РМ, по данному делу примирение не возможно. Просил рассмотреть дело по существу. Исследовав материалы дела, рассмотрев заявление пострадавшей стороны, заслушав мнение подсудимых и их защитников, прокурора, суд считает, что заявление представителя пострадавшей стороны подлежит удовлетворению по следующим основаниям... [153]. Данный пример является наглядным в том плане, что прокурор является активным участником подготовительной части судебного заседания. С другой стороны, те доводы, которые прокурор избрал для обоснования возражения на заявление представителя пострадавшей стороны о прекращении производства по уголовному делу, свидетельствует, на наш взгляд, о недостаточной подготовленности прокурора по уголовному делу в целом.

Лазарева В.А. отмечает в целом о деятельности прокурора на подготовительной части судебного заседания, что прокурор должен тщательно продумать вопрос о возможности заявления ходатайств о вызове дополнительных свидетелей, назначении дополнительной или повторной экспертизы, истребовании документов. Иногда имеет смысл подумать о возможности осмотра места происшествия, следственного эксперимента или предъявления для опознания, однако иногда в тактических соображениях эти ходатайства можно приберечь на более поздний этап судебного разбирательства. Внимательно следует отнестись к аналогичным ходатайствам других участников уголовного процесса и, проявляя объективность, не высказывать необоснованных возражений против их удовлетворения [113, с. 125].

Учитывая тот факт, что в соответствии с ч. (3) ст. 347 УПК РМ при рассмотрении дела по существу та или иная сторона может потребовать повторного представления доказательств, признанных на предварительном заседании не относящимися к делу, считаем, что государственный обвинитель вправе ходатайствовать о включении в перечень доказательств тех доказательств, которые на предварительном заседании были из него исключены.

В процессуальной литературе отдельные процессуалисты обоснованно указывают, что помимо использования процессуальных возможностей по получению новых доказательств по уголовному делу государственный обвинитель в подготовительной части судебного заседания может предпринять попытки реабилитировать доказательства, добытые в ходе предварительного расследования, но в дальнейшем, на предварительном слушании по делу, признанные недопустимыми [88, с. 47].

В том случае, если прокурору не удалось убедить суд в необходимости рассмотрения того или иного доказательства на предварительном заседании, прокурор должен сделать все от него зависящее, чтобы такое доказательство было все же рассмотрено в ходе судебного расследования. Поэтому прокурор должен подготовить соответствующее мотивированное ходатайство.

После рассмотрения всех необходимых вопросов в подготовительной части судебного заседания, суд объявляет о начале судебного расследования.

Анализ материалов судебной практики демонстрирует нам, что прокурор является более активным в подготовительной части судебного заседания, нежели в предварительном заседании. Так, поданное прокурором общее количество заявлений и ходатайств составляет 33,33 % от всех поданных заявлений и ходатайств. Важно уточнить, что прокурор поддержал поданные другими участниками заявления и ходатайства лишь в 91,66 % случаев, и не поддержал в 8,33 % случаев.

3.3. Поддержание прокурором государственного обвинения в ходе судебного расследования

Судебное расследование это, бесспорно самая продолжительная по времени, самая сложная по осуществляемым в ней процессуальным действиям, стадия уголовного судопроизводства, в которой наиболее ярко и полно проявляются принципы уголовного процесса, и от которой в целом зависит дальнейший итог рассмотрения уголовного дела.

Covalenco E. и Dolea I. отмечают, судебное расследование, будучи центральным этапом уголовного процесса, имеет задачей исследование всех предложенных доказательств. Участвуя в судебном расследовании, судебная инстанция не ограничивается использованием доказательной процедуры. Но такие процедуры, как обыски, выемка, как правило, не используется на практике. В то же время, не исключено осуществление предъявления к опознанию, воспроизведение событий. В судебном расследовании подсудимый может быть заслушан в любой момент. Судебное расследование начинается с изложения прокурором предъявленного обвинения. В этом аспекте необходимо проверить, понимает ли подсудимый сформулированное обвинение. В случае, когда несколько подсудимых, председательствующий судья проверяет это в отношении каждого по отдельности. Если обвиняемый заявляет, что он не знаком с обвинением или ему не было вручена копия обвинительного заключения, обязуется предоставить необходимое время

для того, что подсудимый или в случае необходимости и его защитник ознакомился со сформулированным обвинением [9, с. 308].

Судебному следствию², как отмечает Крюков В.Ф., принадлежит центральное место среди внутренних этапов, из которых складывается судебное разбирательство. Именно в этой части судебного разбирательства производится исследование судом доказательств и установление обстоятельств, имеющих значение для постановления приговора [107, с. 94].

А.А. Хайдаров, исследовавший имеющиеся на сегодняшний день подходы к пониманию «судебное следствие», пришел к выводу, что судебное следствие – это этап судебного разбирательства в суде первой и второй инстанции, за исключением особого порядка принятия решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, которое проводится в форме судебного заседания, основным содержанием которого является исследование доказательств, где принимают участие суд (судья), стороны процесса и другие участники уголовного судопроизводства в целях формирования внутреннего убеждения суда (судьи) для разрешения уголовного дела по существу [195, с. 62].

Процессуальное значение судебного следствия определяется возможностью не только проверить в судебном заседании выводы предварительного следствия по уголовному делу, но и исследовать доказательства, представленные участниками процесса непосредственно в судебное заседание, в результате чего формируется фундамент будущего приговора по уголовному делу [107, с. 94].

Утверждаем, что участие прокурора именно в судебном расследовании является важнейшим и ключевым моментом в поддержании государственного обвинения.

По убеждению Ермаковой Т.А. необходимо поддержание государственного обвинения рассматривать, как процессуальную деятельность прокурора в суде первой инстанции, направленную на осуществление обязанности по доказыванию обвинения, на основе материалов, собранных в ходе следствия, и применения к подсудимому наказания или иных мер уголовно-правового воздействия, а также деятельность по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, обеспечению законности и обоснованности судебного решения [91, с. 17-18].

В коллективной монографии «Поддержание государственного обвинения» сказано, что поддержание государственного обвинения - одно из приоритетных направлений в деятельности органов прокуратуры по борьбе с преступностью [92, с. 7].

² *Примечание.* Судебное расследование именуется в ряде государств судебным следствием

Кириллова Н.П. считает, что поддержание государственного обвинения следует понимать, как форму реализации функции уголовного преследования, заключающуюся в законной деятельности государственного обвинителя, на основе предоставленных ему в процессе доказывания процессуальных полномочий по изобличению подсудимого в совершении преступления, обоснованию обвинительного тезиса и формулированию позиции по вопросам, подлежащим разрешению судом [101, с. 11].

В ходе судебного следствия проверяется правильность обвинения и подготавливается основа будущего приговора [74].

Сущность судебного расследования состоит в исследовании доказательственной базы, заявленной государственным обвинителем и стороной защиты в предварительном заседании.

По мнению Гатауллина З.Ш., поддержание государственного обвинения в суде является формой уголовного преследования, поэтому участие прокурора в судебном следствии подчинено задаче доказывания обвинения, поэтому все виды деятельности последнего в судебном разбирательстве связаны общей целью – доказать виновность подсудимого в предъявленном ему обвинении. Судебное следствие с точки зрения доказывания обвинения среди частей судебного разбирательства имеет особое значение, его суть заключается в исследовании представленных сторонами доказательств. Однако прежде чем начать представлять доказательства, прокурор излагает обвинение, которое он намерен доказать. Таким образом, прокурор в самом начале судебного следствия определяет свою цель, задает программу судебного следствия [83, с. 107].

Считаем, что поддержание обвинения, как таковое, есть совокупность не только процессуальных действий, так сказать процедурных действий, в которых участвует государственный обвинитель, направленных на обоснование обвинительной позиции, а есть также совокупность методов и способов, составляющих в целом тактику поддержания обвинения. Полагаем, что отдельно взятое процессуальное действие (допрос, представление различных документов и т.п.), реализуемое прокурором в пределах его компетенции на данной стадии судебного разбирательства, есть не что иное, как форма отражения тактики поддержания государственного обвинения. В связи с этим, считаем, что институт поддержания государственного обвинения на этапе судебного расследования необходимо обязательно рассматривать комплексно, т.е. с процессуальной и криминалистической точки зрения. В остальных случаях необходимо уточнять в самом

названии исследования, какой аспект, процессуальный или криминалистический, подлежит анализу.

В соответствии со ст. 366 УПК РМ судебное расследование начинается с формулирования прокурором предъявленного обвинения. Если по делу предъявлен гражданский иск, излагается также исковое заявление. В случае, если подсудимому непонятно предъявленное обвинение, прокурор дает ему соответствующие разъяснения.

В одном Нидерландском издании отмечается, что дело в отношении ответчика представлено в суд прокурором. После того как прокурор объяснил в полном объеме обвинение, которое было подано, подсудимый отвечает на вопросы суда [210]. Это подчеркивает, что судебное рассмотрение дела как таковое начинается именно с объяснения обвинения прокурором в полном объеме.

Уже здесь возникает ряд проблем, а именно в части непонимания подсудимым предъявляемого ему обвинения. Уголовно-процессуальный закон предоставляет подсудимому, будучи еще в процессуальном статусе обвиняемого, как минимум две возможности ознакомиться с обвинением, и таким образом понять то, в чем его собственно обвиняют. Первая возможность регламентирована ст. 282 УПК РМ, именуемой «Предъявление обвинения», в которой прописано, что обвинение должно быть предъявлено прокурором в присутствии адвоката в течение 48 часов с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, но не позднее дня явки обвиняемого или его привода. Установив личность обвиняемого, прокурор ознакомливает его с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого и разъясняет содержание данного акта. Эти действия удостоверяются подписью прокурора, обвиняемого, адвоката и других лиц, участвующих в данном процессуальном действии, проставляемой на постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, с указанием даты и времени предъявления обвинения. Другая возможность предоставлена ст. 293 УПК РМ «Предъявление материалов уголовного дела», которая предусматривает порядок и правила ознакомления сторон с материалами уголовного дела, в обязательном порядке составляет протокол в порядке ст. 294 УПК РМ. На наш взгляд, ситуацию с непониманием подсудимого обвинения, можно объяснить с нескольких позиций:

1. прокурор недобросовестно реализовал свои полномочия на досудебной стадии уголовного судопроизводства в части предъявления обвинения или предъявления материалов уголовного дела;
2. подсудимый пытается затянуть судебное разбирательство.

Первый случай является в принципе недопустимым, поскольку в определенных ситуациях, как минимум, может повлечь привлечения прокурора к дисциплинарной ответственности, либо к процедуре судебного контроля судьей по уголовному преследованию незаконных действий прокурора, при условии соблюдения соответствующих процедур. Если же говорить в процессуальном аспекте, то данное обстоятельство может, по нашему мнению, стать основанием для обжалования вынесенного приговора. Речь идет о таких случаях, когда прокурор уже непосредственно в суде дает пояснения подсудимому в отношении предъявляемого ему обвинения. И характеризует конкретно такую ситуацию, когда прокурор не то чтобы искажает сущность обвинения, а, пожалуй, недоговаривает некоторые детали уголовного дела, т.е. обходится общими формулировками и фразами. Рассмотрение такой ситуации является принципиально важной, поскольку давая пояснения, прокурор тем самым как бы очерчивает предмет доказывания.

Учитывая тот факт, что в ст. 6 ЕКПЧ «Право на справедливое судебное разбирательство», в части (3), четко регламентировано, что обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права, где детализировано в п. а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения [8]. Отсюда следует, что не договаривание какой-либо информации в части предъявленного обвинения, а также ее даже несущественное искажение свидетельствует о нарушении нормы ЕКПЧ, и при грамотном ее установлении, бесспорно, может повлечь обжалование действий прокурора в ЕСПЧ.

Например, признавая единогласно особую важность предсказуемости уголовно-процессуального закона в аспекте информирования лица, привлекаемого к уголовной ответственности по предъявленному обвинению, через призму влияния справедливости процедур и права на защиту, установилась постоянная и последовательная постановка европейской юриспруденции, из которых можно отметить Решения ЕСПЧ, вынесенные по делу Торрес против Испании от 24.10.1996, Сасси против Франции от 25.09.1999, *Dragotoniu* против *României* от 24.05.2007. В деле *Adrian Constantin impotriva României*, на основе Постановления от 12.04.2011, Европейский Суд по правам Человека подчеркивает фундаментальную роль, которую играет обвинительное заключение, как акт обвинения, напоминая тот факт, что «... пункт 3 статьи 6 Конвенции признает право обвиняемого быть официально информированным не только относительно обвинения, которое ему предъявляется, но и юридической квалификации совершенного им преступления. Точное и

полное информирование является необходимым условием для обеспечения справедливости разбирательства. Также не оспаривается право инстанции изменить юридическую квалификацию фактов, но это всегда должно быть доведено до сведения сторон, особенно, чтобы предоставить подсудимому право для подготовки к защите, независимо от того, если изменения касаются правовых элементов преступления, материальных или субъективных» [1].

Второй случай может быть разрешен, на наш взгляд, только лишь проявлением уважения и корректности со стороны государственного обвинителя к подсудимому во время повторного объяснения сущности обвинения в целях создания благоприятной обстановки в дальнейшем в судебном разбирательстве. Можно утверждать, что создание благоприятной обстановки в судебном расследовании есть один из тактических приемов поддержания государственного обвинения.

Все это свидетельствует о том, что прокурор должен выполнять свои обязанности максимально добросовестно.

После осуществления вышеназванных действий, суд переходит к рассмотрению доказательства обвинения.

Считаем, что законодатель совершенно справедливо в части (1) ст. 365 УПК РМ закрепляет положение о том, что в ходе судебного расследования *в первую очередь* исследуются доказательства, представленные стороной обвинения. Хотя судебная инстанция в соответствии с частью (2) ст. 365 УПК РМ по просьбе сторон или других участников процесса может внести изменения в существующий порядок исследования доказательств, если это необходимо для успешного производства судебного расследования. Часть первая данной статьи является вполне обоснованной, что, на наш взгляд, соответствует законам логики. Поскольку сначала что-то предлагается, а потом это аргументируется. А не наоборот, опровергается то, что впоследствии будет доказываться.

Предлагая суду порядок исследования доказательств, представляемых стороной обвинения, государственный обвинитель должен иметь в виду, что продуманное установление порядка исследования доказательств позволяет правильно организовать судебное следствие, провести его рационально, с наименьшими затратами времени. На порядок исследования доказательств могут влиять: 1) версии, выдвигаемые государственным обвинителем; 2) признание или отрицание подсудимым вины; 3) вид преступления; 4) объем и сложность дела; 5) количество подсудимых, их роль в совершении преступления, наличие либо отсутствие противоречий в их позициях; 6) возраст

подсудимых; 7) количество потерпевших и свидетелей и их явка в уголовный процесс; 8) устойчивость позиции потерпевших и свидетелей; 9) качество предварительного расследования [92, с. 22].

Схожую позицию демонстрирует *T. Vizdoagă*, которая заявляет, что порядок рассмотрения доказательств определяется многочисленными факторами, которые государственный обвинитель обязан знать и уметь анализировать, потому что, применяя их к конкретному уголовному делу, может предложить единственное справедливое решение. Среди них: - версии, выдвигаемые обвинителем; - полное или частичное признание подсудимым вины или ее отрицание; - вид преступления; - объем и сложность уголовного дела; - количество подсудимых и наличие противоречий в их показаниях; - возраст подсудимых; - устойчивость позиции потерпевших и свидетелей; - качество уголовного преследования. Этот список не является исчерпывающим и может быть продолжен [61, с. 80].

Продуманное, целесообразное установление порядка исследования доказательств, по мнению Кирилловой Н.П., имеет двоякое значение – организационное и тактическое. Оно позволяет правильно организовать судебное следствие, провести его наиболее рационально при наименьших затратах времени суда и сторон, а также вызываемых в суд граждан. Прокурор, поддерживающий государственное обвинение, должен рекомендовать суду научно обоснованный порядок исследования доказательств, который обеспечит выяснение существенных обстоятельств дела, восполнение возможных пробелов предварительного следствия, объективное и полное исследование доказательств и индивидуализацию вины каждого подсудимого, если их несколько [102, с. 21]. Пожалуй, не совсем согласимся с такой позицией, а именно, считаем, что прокурор, предлагая суду порядок исследования доказательств, основывается, скорее всего, на выбранной им тактике поддержания государственного обвинения и собственном опыте, а уж потом только на науке. Поэтому прокурор должен предлагать практически, а не научно обоснованный порядок исследования доказательств.

Одним из самых важных и сложных процессуальных действий, реализуемых прокурором при рассмотрении доказательств стороны обвинения, выступает допрос подсудимого. Важно отметить, что подсудимый может допрашиваться неоднократно, если это необходимо для судебного расследования, и может в любой момент давать с разрешения председательствующего в судебном заседании дополнительные показания (ст. 367 УПК РМ).

При необходимости и в предусмотренных законом иных случаях производится оглашение показаний подсудимого, в том числе воспроизведение аудио- и видеозаписей. Затем следует допрос других сторон: потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, допрос свидетелей. Законом также предусмотрена возможность оглашения в судебном заседании свидетельских показаний и аудио - и воспроизведение видеозаписей. Затем происходит осмотр вещественных доказательств, исследование документов и протоколов процессуальных действий. Далее судом решается вопрос о производстве экспертизы и допросе эксперта. По просьбе сторон, в случае необходимости судебная инстанция в ходе судебного разбирательства может осуществить другие процессуальные действия в целях установления обстоятельств дела (ст. 375 УПК РМ). После исследования всех имеющихся в деле и представленных при рассмотрении дела доказательств председательствующий в судебном заседании опрашивает стороны, желают ли они дать дополнительные разъяснения или подать новые заявления или, в зависимости от обстоятельств, новые ходатайства, дополняющие судебное расследование – вот таким образом в соответствии со ст. 376 УПК РМ происходит окончание судебного расследования.

Участвуя именно в выше обозначенных процессуальных действиях, прокурор реализует поддержание государственного обвинения. Единой формулы, способа или механизма поддержания обвинения не существует. Прокурор самостоятельно, основываясь на полученных в ходе обучения знаниях и приобретенном опыте, выбирает собственную модель поведения, метод или тактику поддержания обвинения. Ясно одно, что он должен отстаивать обвинительную позицию. Этого можно добиться исключительно *путем доказывания того обвинения*, которое он выдвинул против подсудимого [171, с. 241].

Поддерживать обвинение - означает доказывать, обосновывать, мотивировать утверждение о том, что обвиняемый виновен в совершении вменяемого ему преступления и подлежит наказанию. Задача прокурора, как государственного обвинителя, состоит в том, чтобы не только представить суду доказательства, подтверждающие все перечисленные обстоятельства, но показать такую их взаимосвязь, которая делает вывод о виновности подсудимого в совершении преступления неопровержимым [83, с. 111].

Допрос подсудимого занимает значительное место в судебном следствии, так как является одним из основных методов, с помощью которого прокурор выявляет отношение подсудимого к обвинению и опровергает его доводы. Кроме того, показания подсудимого – это всегда прямое доказательство, способное пролить свет на многие обстоятельства

уголовного дела и оценку других исследуемых в суде доказательств [83, с. 114]. Бесспорно, на наш взгляд, отмечает Кириллова Н.П., что, поскольку допрос – это наиболее распространенное судебное действие и от его умелого проведения зависит качество поддержания государственного обвинения в целом, прокурор должен владеть его тактикой [102, с. 25].

Поэтому прокурор, участвуя в допросе подсудимого, потерпевшего, свидетелей и других лиц, должен не просто дублировать те вопросы, которые задавались данным участникам уголовного судопроизводства на досудебной стадии уголовного производства, ему необходимо выработать заранее тактику допроса (изучив показания указанных лиц, имеющиеся в материалах дела), продумать возможность и необходимость использования различных способов ведения допроса (например, «перекрестный допрос», «шахматный допрос», «пресечение лжи» и др.), в ходе самого допроса необходимо использовать криминалистические методы ведения допроса (конкретизация, внезапность, опровержение, смежность и др.). Причем данные способы и методы необходимо применять в соответствии с заранее выбранным прокурором предметом допроса, т.е. каким-то конкретным обстоятельством, которое необходимо установить. В связи с этим, еще раз подчеркиваем, что прокурор должен быть заранее готов к участию в допросе. Так как предмет доказывания хоть и направлен на установление фактических обстоятельств дела, но при допросе участников может и должен быть различным. Так, например, если подсудимый и потерпевший допрашиваются по поводу произошедшего в целом, то свидетель может быть допрошен только лишь по одному факту.

Допрос в суде обладает определенными особенностями по сравнению с таковой в уголовном преследовании. О таких особенностях в своих работах отмечают, например, Питерцев С.К., Степанов А. А. [139, с. 78]. Они выделяют следующие особенности: публичность, кратковременность, отдаленность во времени, внезапность, допрашиваемый не знаком.

Подобной точки зрения придерживается и молдавский прокурор *Lidia Arseni*, которая, утверждает, что во время слушания, как и на протяжении всего судебного расследования, ставятся во внимание соблюдение некоторых правил поведения и регламентирование определенных выражений при заслушивании подсудимого. Реализация допроса включает следующие особенности: публичный характер; краткосрочный характер; большой интервал во времени; тактические способы и методы; в то время, как обвинитель не руководил и не осуществлял уголовное преследование, и в первый раз видит

подсудимого в суде, располагает информацией, которая характеризует недостаточно личность, для того, что создать дружественную атмосферу допроса подсудимого, процессы, которые могут быть созданы и использованы на основе индивидуальных характеристик подсудимого, не могут быть применены; а также их сравнительный характер [2, с. 77-78].

Однако, учитывая положения уголовно-процессуального законодательства РМ, такая особенность как допрашиваемый не знаком, не может быть в полной мере применима, поскольку прокурор определенно знаком с подсудимым, как минимум с того момента, когда предъявил ему обвинение и осуществил его допрос в качестве обвиняемого, на досудебной стадии уголовного процесса. О такой особенности допроса можно говорить лишь в тех случаях, когда «новый» прокурор подключается к рассмотрению дела непосредственно в судебной стадии уголовного судопроизводства, т.е. в случаях, когда участие прокурора в суде, руководившего или осуществлявшего уголовное преследование, по той или иной причине, оказалось невозможным. Поэтому такая особенность скорее выступает исключением, нежели общим правилом допроса подсудимого.

Справедливо отмечает Кириллова Н П., эффективность допроса во многом зависит от установления психологического контакта с допрашиваемым. Можно выделить следующие тактические приемы, которые позволяют государственному обвинителю установить психологический контакт с допрашиваемым: проявление интереса к личности допрашиваемого, индивидуальный подход к нему; вежливое корректное отношение к допрашиваемому; уважительное отношение к позиции допрашиваемого; постановка вопросов в доступной форме; демонстрация беспристрастности; уважение прав участников судебного процесса; формирование нормальных отношений с судьями и адвокатами; умение выслушать допрашиваемого, не перебивая и не одергивая его; одобрение определенного поведения допрашиваемого; устранение дискомфортных для допрашиваемого ситуации [102, с.26]. Таким образом, в целом тактические приемы, направленные на установление психологического контакта с допрашиваемым, можно определить как совокупность методов, основанных на понятиях морали, этики, психологии и криминалистики, направленных на минимизирование стрессовости, присущее для процесса допроса, а также направленное на создание ощущения комфорта у допрашиваемого, с тем, чтобы он смог «раскрыться» полностью, т.е. дал правдивые показания.

Эти методы необходимо, на наш взгляд, применять и в случае перекрестного допроса, т.е. когда вопросы задает и прокурор, и защитник. В том случае, если защитник

задает, некорректные вопросы, в грубой форме, пытаясь запутать допрашиваемого, прокурор вправе опротестовать такие вопросы.

Еще одним из тактических приемов, направленных на установление фактических обстоятельств дела, используемых прокурором, выступает оглашение показаний.

Так, например, по уголовному делу № 1-107/13, рассмотренному судом Комрат, в ходе допроса свидетеля А.А., прокурор заявил ходатайство об оглашении показаний свидетеля А.А. от 26.07.12. Свидетель пояснил, что это его показания, но он не помнит, посадили его в машину или нет. Сегодняшние показания верные. Он не видел, был ли доставлен этот человек в РКП Комрат. Наверное, дежурный ему рассказал, что опросили и отпустили, он писал рапорт и уточнял, кого-то и как фамилии. Он писал рапорт по оскорблению (том 2. д.л. 146-147) [148].

Считаем, что в целях усиления эффекта «неопровержимости доказательства», полученного в ходе допроса могут быть осмотрены вещественные доказательства. Так, в соответствии со ст. 372 УПК РМ, вещественные доказательства, представленные сторонами, могут быть осмотрены в любой момент судебного расследования. Считаем, что в данном случае, на прокуроре лежит ответственность за те, вещественные доказательства, которые он представляет. Если быть конкретнее, то за их состояние. То бишь, если в листе доказательств указана красная сумка и синий плащ, то это на самом деле должны быть красная сумка и синий плащ, а не черный чемодан и фиолетовое пальто. К сожалению, на практике бывает именно так. В такой ситуации прокурор выглядит не просто глупо, складывается впечатление о его некомпетентности. Данные доказательства, безусловно, не будут признаны относимыми.

Другой важный момент, на который прокурор должен обратить внимание заблаговременно, так это «качество предоставляемого доказательства», т.е. доказательство должно обладать определенными качественными характеристиками предмета внешнего мира, также оно должно быть добыто законным путем. Поскольку иногда возникают ситуации, когда вроде бы и доказательство есть, но его состояние, его качество не позволяет быть им доказательством. Например, в приговоре суда Комрат по уголовному делу № 1-63/13, суд, подвергая оценке такое средство доказывания, как аудио запись разговоров, констатирует, что из прослушанной в зале судебного заседания записи разговоров, не понятно, даже кому предположительно принадлежат звучащие голоса. Принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, суд акцентирует свое внимание на том, что при ознакомлении с материалами уголовного дела, сторона защиты именно по этой причине

заявила ходатайство о проведении фоноскопической экспертизы для разрешения вопроса о принадлежности голосов тем или иным лицам, однако в удовлетворении данного ходатайства постановлением органа уголовного преследования от 15.05.13 года было отказано (том №1, л.д. 196, 199-200). Кроме того, обсуждая нарушение органом уголовного преследования положений УПК влияет на достоверность предоставляемой суду информации, что в соответствии с положениями ст. 251 УПК, влечет недействительность указанного процессуального действия, поэтому запись переговоров подсудимого О.Н. и свидетелей И. и Р., записанные на CD-диске и представленный стороной обвинения в ходе судебного разбирательства, не может быть признан судом допустимым доказательством и положен в основу приговора, и подлежит устранению посредством отмены данного акта [149].

Статья 373 УПК РМ предусматривает исследование документов и протоколов процессуальных действий, указывая на то, что вначале исследуются документы и протоколы процессуальных действий, представленные стороной обвинения, затем представленные стороной защиты. В исследуемой статье закреплено и положение о том, какие именно документы и протоколы подлежат исследованию, однако ничего не говорится, когда именно производится данное процессуальное действие. Поэтому мы считаем, что исследование документов и протоколов процессуальных действий может быть осуществлено в любой момент судебного расследования. Это позволит прокурору при допросе использовать документы и протоколы процессуальных действий в целях усиления эффекта «неопровержимости доказательства», полученного в ходе допроса, так же как он может использовать осмотр вещественных доказательств.

Кроме того, прокурор должен предъявлять в качестве доказательств только такие документы и протоколы, которые относятся к самому делу.

В этом аспекте в комментарии к УПК РМ отмечается, что существенные обстоятельства для правильного разрешения дела, могут содержаться в процессуальных актах уголовного преследования, как, например, протоколы о задержании, обыске, выемке предметов и документов, осмотра, воспроизведения событий о предъявлении лица для опознания [15, с. 531]. Поэтому обвинители, должны проявить инициативу в целях аргументации соответствующих элементов сформулированного обвинения, должны быть объявлены в определенное время судебного расследования. Это даст возможность сделать свои заявления и представить в суд некоторые соображения для подтверждения обвинения, так, чтобы могли быть учтены при постановлении приговора [15, с. 531].

Так, одной из ошибок, которую может допустить прокурор при этом, является такой пример: по уголовному делу № 1-17/13, рассмотренному судом Комрат, обосновывая оправдательный приговор, судебная инстанция отмечает: так, предлагаемым обвинением доказательством, как протоколом принятия устной жалобы от С.А. от 23.05.12 г. судом установлено, что свидетель по настоящему уголовному делу просит прокурора м. Комрат о привлечении к ответственности сотрудника полиции, проживающего с ним в одном доме по ул. Федько 19 м. Комрат (как установлено в суде В.С.), который избил его 20.05.12 года, что не имеет никакого отношения к обвинению А., а потому суд в соответствии со ст.ст. 101, 394 УПК РМ отвергает данное доказательство как не подлежащее включению в обоснование выносимого приговора [150].

Существует и определенная специфика участия прокурора в решении вопроса о производстве экспертизы и допросе эксперта в судебном заседании. Отечественный правовед Кисеев Н.М. в связи с этим отмечает, что производство экспертизы в суде обычно назначается тогда, когда необходимость ее проведения выяснилась впервые в ходе судебного разбирательства либо, когда полученное в ходе уголовного преследования экспертное заключение по тем или иным причинам признается не отвечающим предъявленным требованиям (неполнота, неясность, противоречивость, недостаточная обоснованность и т.п.) [100, с. 912].

На еще один немаловажный момент при назначении экспертизы указывают другие молдавские ученые, верно поясняя, что экспертиза назначается в тех случаях, когда для установления обстоятельств, которые могут иметь доказательственное значение для уголовного дела, необходимы специальные знания в области науки, техники, искусства или ремесел [135, с. 96].

Гатауллин З.Ш. утверждает, что прокурор должен уметь принимать правильное решение в заявлении ходатайства о назначении экспертизы в суде. Данное обстоятельство предъявляет к прокурору особые требования, которые выражаются в умении ставить вопросы, правильно оценивать ответы. Кроме того, прокурор должен быть в курсе достижений тех отраслей науки и техники, которые используются экспертами при даче ими заключения [83, с. 117]. Пожалуй, не согласимся с такой позицией, нам кажется, что прокурор не *«должен быть в курсе достижений отраслей науки и техники»*, уместнее высказывать лишь пожелание, чтобы прокурор был в курсе достижений отраслей науки и техники, поскольку «должен» является синонимом «обязан», а такая обязанность прокурора не закреплена ни в молдавском законодательстве, как в прочем ни в

законодательстве какого-нибудь другого законодательства, в том числе российском законодательстве, поскольку является достаточно высоким требованием по отношению нему.

Следовательно, деятельность прокурора в данном случае сводится к тому, чтобы в зависимости от сложившейся ситуации заблаговременно подготовить ходатайство о производстве экспертизы, либо если таковая уже проводилась в ходе уголовного преследования, то он вправе ходатайствовать о производстве дополнительной экспертизы, либо о допросе эксперта.

В этой связи Осояну Т. и Милушев Д. отмечают, что стороны вправе заявить ходатайство о производстве экспертизы по своей инициативе и за свой счет для установления обстоятельств, которые, по их мнению, можно будет использовать для защиты их интересов. Заключение эксперта, произведшего экспертизу по ходатайству сторон, приобщается к материалам уголовного дела и подлежит оценке наряду с другими доказательствами. Каждая из сторон имеет право рекомендовать своего эксперта для участия в производстве экспертизы [135, с. 96].

Отметим, что прокурор помимо прямого доказывания предъявленного им обвинения, т.е. активного участия в анализируемых выше процессуальных действиях, в соответствии с пунктом (2) части (1) ст. 53 УПК РМ участвует в рассмотрении доказательств, представленных стороной защиты. В данном случае, как по-нашему, так и, по мнению многих других исследователей этой проблемы, деятельность прокурора направлена на опровержение им доказательств, заявленных и предоставленных стороной защиты. Причем данное опровержение должно быть обоснованным, т.е. не простым выражением несогласия с позицией стороны защиты. Знание прокурором материалов уголовного дела в данной ситуации имеет первостепенное значение. Поскольку такое «знание» распространяется не только на доказательную базу, на которой построено обвинение, но и на приведенные в нем оправдательные доводы, т.е. доказательства стороны защиты. Поэтому опровержение доказательств должно быть аргументированным, т.е. убедительным для суда. Следовательно, опровергая позицию «оппонента», прокурор «подтверждает» свою правоту, тем самым поддерживая выдвинутое им обвинение.

В этом контексте в одном зарубежном издании отмечается, что необходимо предвидеть все возможные возражения и подготовить на них аргументы. Это в действительности гораздо проще, чем кажется [206, с. 9].

Не опровержение прокурором доказательств стороны защиты напрямую влияет на то, что судебная инстанция, вынося приговор, склоняется именно в сторону защиты. Например, в оправдательном приговоре по уголовному делу № 1-63/13, вынесенному судом Комрат, сказано, что подвергая детальной оценке с точки зрения ст.ст. 94, (ч.1), п.п. 2), т. 95 УПК представленные обвинением другие доказательства, суд отмечает, что отдельное внимание следует уделить такому процессуальному действию, как обыск, который был проведен в автомашине подсудимого, которое было проведено с использованием видеозаписи. В ходе просмотра представленной обвинением аудиозаписи, суд отмечает, что запись начата не с самого начала действия по уголовному преследованию, на что в ходе ее проведения неоднократно заявляет и сам подсудимый О.Н. Суд отмечает, что в ходе данного процессуального действия подсудимый изначально (с первых минут), еще в отсутствие адвоката, отрицает, что обнаруженные в его автомашине деньги, принадлежат ему. Кроме того, подсудимый в той же записи настаивает, что до начала видеозаписи, неопознанный им человек, открывал переднюю правую дверь и что-то делал в машине, и высказал предположение о том, что сотрудники Национального Центра по Борьбе с коррупцией имеют самое непосредственное отношение к появлению денег в салоне его автомашины. При этом суд отмечает, что такие доводы подсудимого, в ходе уголовного преследования опровергнуты другими доказательствами обвинения не были (том №2 л.д.) [151].

В данном аспекте, но уже с сквозь призму состязательности румынский автор *Mateuț Gh.* утверждает, что правосудие является состязательным, когда стороны (участники) судебного разбирательства могут активно и в равных условиях спорить, доказывать свою правоту, излагать свои доводы, давать свое толкование фактов и событий, доказательств по делу и тем самым способствовать установлению истины [34, с. 11].

Говоря об исследовании доказательств в судебном расследовании необходимо также отметить, что прокурор должен обеспечить, чтобы в обязательном порядке были исследованы все заявленные им в перечне доказательства на 100 %.

В данном аспекте следует отметить, что одним из общих условий судебного разбирательства выступает предоставление дополнительных доказательств, закрепленное в ст. 327 УПК РМ, в которой уточняется, что по требованию сторон, судебная инстанция может отложить судебное заседание сроком до одного месяца с тем, чтобы они представили дополнительные доказательства в случае, если считают, что представленные в судебную инстанцию доказательства являются недостаточными для подтверждения их позиции.

Дополнительно представленные доказательства рассматриваются, в судебном заседании в обычном порядке. В случае не предоставления сторонами дополнительных доказательств в установленный срок судебная инстанция рассматривает дело на основе имеющихся доказательств.

Таким образом, если в ходе судебного расследования, государственный обвинитель приходит к убеждению, что доказательственная база, на которой было изначально основано обвинение является не в полной мере убедительной и достаточной, то он вправе реализовать свое полномочие, закрепленное в п. (5) ч. (1) ст. 53 УПК РМ, в котором установлено, что прокурор обращается в судебную инстанцию с ходатайством об объявлении перерыва по делу на предусмотренный кодексом срок для представления новых доказательств, подтверждающих виновность подсудимого, в случае неполного осуществления уголовного преследования.

Здесь считаем необходимым обратить внимание на то, что правом на предоставление дополнительных доказательств, прокурор вправе воспользоваться не только в судебном расследовании, но и в подготовительной части судебного заседания. В этом аспекте молдавские исследователи поясняют, что предложения относительно предоставления новых доказательств, которые не были предметом исследования в ходе уголовного преследования или которые появились уже после этого этапа, могут быть сделаны в течение судебного разбирательства до начала судебных прений, ст. 364 УПК отмечает, что это может быть сделано в ходе подготовительной части судебного заседания и в ходе судебного расследования [53, с. 315].

И как следствие этого, прокурор вправе воспользоваться полномочием, регламентированным в п. (6) ч. (1) ст. 53 УПК РМ, то есть дает письменные указания органу уголовного преследования о производстве определенных процессуальных действий по дополнительным доказательствам. В этом же пункте в продолжении указано *«либо по новым преступлениям»*, данная фраза не относится к данной ситуации, поскольку если речь идет о процессуальных действиях в отношении «нового преступления», т.е. фактически «нового обвинения», т.е. данное обстоятельство необходимо рассматривать в свете института изменения обвинения, которое регулируется ст. ст. 325-326 УПК РМ, который мы будем исследовать в следующей главе.

Произведенный нами анализ материалов судебной практики подтверждает в целом тезис о том, что участие прокурора именно в судебном расследовании является базой поддержания государственного обвинения. Так, доля поданных прокурорам заявлений,

ходатайств в судебном расследовании составляет 56,25%, а доля поддержанных прокурором заявлений и ходатайств, поданных другими участниками, составляет 100 %.

Считаем, что в целях совершенствования института участия прокурора в суде первой инстанции необходимо усовершенствовать ст. 53 УПК РМ «Полномочия прокурора в судебной инстанции», которая на наш взгляд нуждается в корректировке, а именно в объединении частично первого и второго пункта части первой, изложить их в следующей редакции:

«При рассмотрении уголовного дела судебной инстанцией прокурор:

1) поддерживает обвинение от имени государства путем: представления в судебном заседании доказательства обвинения и активного участия в исследовании этих доказательств, а также доказательств, представленных стороной защиты; представления новых доказательств, необходимых для подтверждения обвинения;

2) заявляет ходатайства и высказывает свое мнение по поводу заявлений и ходатайств других участников, а также по другим вопросам, возникшим в ходе судебного разбирательства».

3.4. Использование прокурором судебных прений в поддержании государственного обвинения в суде первой инстанции

Этап судебных прений и последнего слова подсудимого, регламентированный ст.ст. 377-381 УПК РМ, является итоговым для стороны обвинения и защиты, где у них есть последняя возможность в суде первой инстанции высказать свою позицию в отношении уголовного дела в целом. Эта стадия сводится к оценке исследованных в судебном расследовании доказательств и государственным обвинителем, и защитой, с тем, чтобы подвести итоги судебного расследования и убедить суд в своей и только своей правоте.

Понятие судебных прений можно рассматривать в двух значениях. В широком смысле судебные прения означают непосредственное, публичное, устное и состязательное проведение судебного заседания. В узком смысле, судебные прения представляют ту часть судебного заседания, в которой предоставляется слово прокурору и сторонам для выражения своей точки зрения по фактической ситуации и, как правило, исходит из судебного расследования, а также в связи и с любым другим вопросом, поднятым по делу. Прокурор, а также каждая сторона аргументирует мотивированные выводы, опровергая в тоже время точки зрения противоположных сторон [4, с. 176].

Румынский исследователь *Ion Neagu* отмечает, что в отличие от судебного расследования, в ходе дебатов, порядок предоставления слова закреплён в законе и является обязательным [38, с. 527]. С одной стороны такая позиция автора представляется верной, поскольку в ч. (2) ст. 377 УПК РМ сказано, что судебные прения состоят из речей: прокурора, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, защитника и подсудимого, если защитник не участвует в данном деле или подсудимый просит слова. С другой стороны, данное высказывание не вполне применимо к уголовному судопроизводству РМ. Ранее мы уже говорили о том, что в УПК РМ (ч. (1) ст. 365) закреплён положение о том, что в ходе судебного расследования *в первую очередь* исследуются доказательства, представленные стороной обвинения.

В Руководстве государственного обвинителя (2005 г.), подготовленным коллективом молдавских специалистов отмечается, что речь обвинителя в суде является одним из самых ответственных этапов поддержания государственного обвинения, который включает в себя заключительные выводы, к которым пришли в результате судебного разбирательства и представляет баланс доказательств, исследованных судом [51, с.42].

Так, деятельность прокурора на этапе судебных прений направлена на убеждение судебной инстанции в необходимости вынести обвинительный приговор, т.е. согласиться именно с позицией государственного обвинителя. В случае отказа прокурора от обвинения, предусмотренного ст. 320 УПК РМ, его деятельность сводится к призыву вынести оправдательный приговор или приговор о прекращении производства по уголовному делу. Таким образом, судебную речь государственный обвинитель может использовать как инструмент для поддержания либо отказа от обвинения.

V. Orîndaş отмечает, что уголовно-процессуальный закон устанавливает границы судебных прений, то есть указывает, что именно может быть объектом судебных расследований и судебных решений по делу, находящихся на рассмотрении, и вопросы, которые судебный состав не может рассмотреть. Границы судебных прений лимитированы кругом лиц и объемом судебных прений. Судебные прения осуществляются только в отношении обвиняемых и только в пределах сформулированных обвинений [41, с. 211].

Поскольку участие в судебных прениях для прокурора является наиважнейшим процессуальным действием, непосредственно влияющим на вынесение судом приговора, государственный обвинитель должен подойти максимально серьезно, гипер ответственно, и где-то даже скрупулезно, готовясь к участию в судебных прениях. Так как именно на нем

лежит ответственность за то, какое решение вынесет суд в итоге. Именно на нем лежит ответственность за то, сможет ли он убедить суд в правоте своей обвинительной позиции.

Поэтому, как пишут Зинатуллин З.З. и Зинатуллин Т.З, одно бесспорно – качество обвинительной речи, ее обоснованность и убедительность зависят от степени подготовленности прокурора к участию в судебном заседании и его активности в процессе судебного следствия. Только глубокое знание предмета, хорошая продуманная линия обвинения обеспечивает эффективность речи прокурора [95, с. 38]. Они же выделяют такие этапы подготовки прокурора к участию в судебных прениях, как:

- досудебный период – предполагает изучение материалов уголовного дела, скрупулезное ознакомление с имеющимися по делу фактическими данными, их анализ и оценка;

- в ходе судебного разбирательства в материалы, подготовленные прокурором, вносятся определенные коррективы, ибо данные предварительного следствия, даже при их полном подтверждении в судебном заседании, часто претерпевают те или иные изменения, дополняются подробностями, получают уточнение или даже несколько иное освещение. Речь же любого участника судебных прений может основываться лишь на доказательствах, бывших предметом рассмотрения на судебном следствии;

- на заключительном этапе подготовки речи прокурор еще раз продумывает содержание и структуру ее, суждения и доводы, которые он собирается изложить в выступлении. Прокурор вправе просить суд о представлении для названных целей определенного времени [95, с. 38-39].

Исходя из представленного мнения выходит, что прокурор готовится к судебной речи – на протяжении как досудебной, так и судебной стадии, за исключением самого участия в прениях. Не согласимся с тем, что прокурор участвуя во всех стадиях, готовится к судебной речи, поскольку на различных стадиях уголовного судопроизводства цели и задачи у прокурора существенно отличаются, и уж никак не направлены на составление судебной речи. Но, согласимся в той части, что прокурор, готовясь к судебной речи, должен проанализировать все уголовное судопроизводство вплоть до судебных прений, поскольку именно от качественного анализа всех процессуальных действий, доказательств, полученных в ходе их осуществления (на досудебной стадии), или их исследования (в судебном расследовании) и зависит формирование внутреннего убеждения о виновности или невиновности лица, возникающего у прокурора, которое он непосредственно и излагает в судебной речи.

О необходимости подготовки к судебной речи заявляют абсолютно все исследователи, рассматривающие данный институт. Так, например, *T. Vizdoagă*, в своей диссертации выделяет отдельный пункт, посвященный именно проблеме подготовки к судебной речи. Она отмечает, что о важности подготовки уже достаточно сказано и написано. И вряд ли можно найти прокурора, не понимающего простую истину, что качество речи неразрывно связано с усилиями, направленными на ее подготовку [61, с. 117].

Весьма подробно рассмотрена подготовка к судебной речи и в отечественном Гиде государственного обвинителя, в котором указано, что в рамках подготовки выступления государственного обвинителя должен быть разработан схематический план, который включал бы в себя:

1. Введение;
2. Представление обстоятельств дела;
3. Анализ и оценку доказательств, собранных по делу;
4. Обоснование юридической квалификации установленного деяния;
5. Обстоятельства, влияющие на уголовную ответственность;
6. Характеристику личности подсудимого;
7. Причины и условия, которые способствовали совершению преступления;
8. Соображения, касающиеся возможного назначения наказания подсудимому;
9. Выводы, касающиеся гражданского иска;
10. Предложения о мерах пресечения, вещественных доказательств, по другим вопросам, предусмотренным ст.395-397 УПК;
11. Заключительное слово [51, с. 43].

Здесь считаем необходимым отметить, что молдавские специалисты, говоря о подготовке схематического плана, необходимого для выступления, тем самым говорят уже о структуре самого выступления. Поскольку далее цитируемый источник описывает каждый структурный элемент речи государственного обвинителя в рамках судебных прений.

УПК РМ регламентирует «Содержание судебных прений» в ст. 378, в которой сказано, что участники судебных прений в своих выступлениях не вправе ссылаться на новые доказательства, которые не рассматривались в ходе судебного расследования. В случае необходимости представления новых доказательств участники судебных прений могут выдвинуть просьбу о возобновлении судебного расследования, указав при этом, какие именно обстоятельства подлежат дополнительному расследованию и на основе каких

новых доказательств необходимо это сделать. Судебная инстанция, заслушав мнение других сторон, выносит мотивированное определение об удовлетворении или отклонении соответствующего заявления или ходатайства. Судебная инстанция не может ограничить продолжительность судебных прений определенным временем, однако председательствующий в судебном заседании вправе прерывать выступление участвующих в прениях лиц в случае, если они касаются обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу. Между выступлениями не допускаются перерывы, однако по обоснованным причинам прения могут быть прерваны, но перерыв не должен превышать 3 дней.

Исходя из положений данной статьи не совсем понятно, в какой форме подается судебная речь, что она должна содержать, какими характеристиками или качествами должна обладать. Следовательно, прокурор, готовясь к судебной речи непосредственно самостоятельно, с учетом своих теоретических и практических знаний, подходит к процессу «составления» судебной речи. Учитывая, что не существует четкой законодательной установки в отношении формы, структуры и качества судебной речи, государственный обвинитель подходит к этому по своему усмотрению.

Приведем мнения некоторых ученых по этим вопросам.

Кириллова Н.П. утверждает, подготовка к выступлению в прениях может быть осуществлена в разных формах:

- Написание речи целиком;
- Составление мысленного плана и выступление «экспромтом»;
- Составление письменного плана;
- Составление письменных заметок;
- Изготовление тезисов выступления [102, с. 37].

Действительно, выбор формы предоставления судебной речи является очень важным элементом подготовки к ней. На наш взгляд это зависит от многих факторов: от степени сложности дела, от количества подсудимых в уголовном деле, от количества эпизодов (преступлений), объединенных в одно уголовное дело, от количественного состава исследованных в суде доказательств, от «разнообразия» и «сложности» исследованных доказательств, от способности прокурора запоминать факты, от уровня владения прокурором ораторского искусства, от уровня владения ораторского искусства защитником и т.д. Данный перечень факторов можно продолжать и продолжать, поскольку нет идентичных уголовных дел, каждое обладает своими особенностями, поэтому требует

качественной подготовки к судебной речи по каждому из них в отдельности. Поэтому кто-то выбирает письменную речь целиком, кто-то ограничивается лишь заметками, или выступает устно, имея перед собой план выступления или обходится без такового. Да, можно говорить о некой «формуле» судебной речи, которой пользуется каждый отдельно взятый прокурор. Эта «формула» судебной речи вырабатывается им со временем, основывается и на теории, и на практике. Но это не свидетельствует о том, что малоопытные прокуроры, которые совсем недавно начали поддерживать государственное обвинение могут справиться с задачей по подготовке судебной речи и собственно участием в судебных прениях хуже, чем прокуроры с 20-ти летним опытом представления обвинения в суде. Так, первым может помочь ответственность, усидчивость и важность самого момента, а вторым может помешать излишняя самоуверенность. Отсюда вывод – готовиться должен каждый прокурор, независимо от практического опыта.

Качество обвинительной речи, по мнению Лапкина А.В., определяется степенью ее соответствия определенным общим требованиям, среди которых необходимо выделить следующие: содержательность, обоснованность, конкретность, ясность и четкость, культура и грамотность [114, с. 239].

Другие же авторы отмечают такие качества речи, как: точность, искренность, уместность, выразительность, лаконичность при достаточной продолжительности, логичность и ясность (понятность) речи [177, с. 54].

Рассмотрим основные, на наш взгляд качественные характеристики судебной речи.

Обоснованность, пожалуй, является самым главным качеством речи государственного обвинителя. Государственный обвинитель в судебных прениях вправе ссылаться лишь на те доказательства, которые были исследованы в суде. Это положение закона, и определяет, по нашему мнению, то, что речь обвинителя должна быть обоснованной. Прокурор, высказывая свое мнение о виновности подсудимого должен сослаться на те доказательства, которые по его убеждению, являются бесспорными в обосновании виновности подсудимого. Кириллова Н.П. отмечает, прокурор не просто приводит доказательства, он анализирует и оценивает их, поэтому одним из самых сложных и объемных разделов выступления государственного обвинения является именно этот. В нем, в частности, делается вывод о доказанности [102, с. 40]. Здесь отметим, что в приговорах, как правило, указывается лишь, что в судебных прениях сторона государственного обвинения считает вину подсудимого полностью доказанной, без подробного описания того, почему собственно государственный обвинитель пришел к такому выводу.

Конкретность – означает, что государственный обвинитель должен четко излагать свою позицию суду, не используя различные уловки, выраженные в каких-то общих фразах или чьи-то суждениях. Лапкин А.В., говоря о конкретности, отмечает, что речь не должна содержать общих, абстрактных деклараций, вопросов, не относящихся к судебному рассмотрению. Прокурор должен придерживаться конкретных фактов и обстоятельств, которые были предметом судебного исследования. В своей речи прокурор должен четко изложить свое мнение относительно вида и конкретной меры наказания за совершенное преступление и по другим вопросам, которые охватываются ее предметом [114, с. 238].

Так, например, в приговоре по уголовному делу №1-103/2013, вынесенному судом Комрат, сказано, в судебных прениях, сторона государственного обвинения, считая вину подсудимого Г.С. полностью доказанной, просит признать его виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 186 частью (5) УК РМ и руководствуясь ст.ст. 70, 72 УК РМ, назначить ему наказания в виде 9 лет лишения свободы с отбыванием наказания в пенитенциарном учреждении полужакрытого типа [143]. Другой пример, по уголовному делу № 1-124/2012, в приговоре указано, в стадии судебных прениях сторона государственного обвинения, считая вину ХЭ. подсудимого полностью доказанной, просит признать его виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. (2) ст. 217 п. d), ч. (4) ст. 217¹, ч. (1) ст. 290 УК РМ, просит признать на основании ст. 34 УК в действиях ХЭ. опасный рецидив, поскольку он совершил несколько опасных умышленных преступлений, имея судимость за умышленное тяжкое преступление (осужден 24.06.2005 судом Комрат по ч. (2) ст. 189 УК к 4 г. л.с.и штрафу в размере 10000 лей), и руководствуясь ст.ст. 70,72,82 УК назначить ему наказание: - по ч. (4) ст. 217¹ УК РМ в виде 14 лет лишения свободы с отбыванием наказания в пенитенциарном учреждении закрытого типа, с лишением права занимать должности и заниматься деятельностью, связанных с оборотом наркотических веществ сроком на 4 года; - по ч. (2) ст. 217 п. d) УК РМ в виде 11 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в пенитенциарном учреждении закрытого типа; - по ч. (1) ст. 290 УК РМ в виде 2 лет 6 месяцев с отбыванием наказания в пенитенциарном учреждении закрытого типа; На основании ч. (1) ст. 84 УК РМ определить окончательное наказание за совокупность преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний в виде 15 лет лишения свободы с отбыванием наказания в пенитенциарном учреждении закрытого типа, с лишением права занимать должности и заниматься деятельностью, связанных с оборотом наркотических веществ сроком на 4 года. Зачесть при отбывании наказания срок содержания ХЭ. под стражей и под домашним арестом с 26

августа 2012 года по 15 мая 2013 года [144]. Данный пример, с одной стороны, демонстрирует конкретность речи государственного обвинителя в части предложения вида и меры наказания, с другой стороны, демонстрирует, что судебная речь является не обоснованной, поскольку судебная инстанция, вынося приговор по этому делу, отмечает, что совершенное преступление в соответствии со ст. 16 УК РМ относится к категории особо тяжких преступлений, констатируя отсутствие исключительных обстоятельств по делу, дающих основание для применения ст. 79 УК РМ, и отсутствие оснований для применения ст. 55 УК РМ, с учетом установленных в действиях ХЭ. Д. в соответствии со ст. 34 УК РМ рецидива (а не опасного рецидива как просит обвинение, поскольку в материалах дела не имеется данных о том, что подсудимый уже два раза осуждался к лишению свободы за умышленное преступление) [144].

Ясность и четкость, характеризует ее понятность, т.е. способность быть воспринятой судом. Так, прокурор, должен в речи излагать свои доводы последовательно, не «перескакивая» с одного на другой. Кроме того, само изложение судебной речи должно быть четким, а именно его произношение. В методическом пособии по судебной речи для государственных обвинителей отмечается, что ясность речи заключается в ее доходчивости. Речь должна быть понятной для слушателей. Ясность речи достигается использованием общеупотребительных слов и выражений. Популярность, доступность, прозрачность речи, а значит, и ее убедительность зависит и от других коммуникативных качеств речи, в том числе от ее логичности. Логичность заключается в последовательном изложении ее содержания в соответствии с законами логики [177, с. 45].

Культура и грамотность. От этого, зависит ее точность, выразительность, логическая стройность, убедительность. Каждое слово должно отвечать его этимологическому значению [95, с. 40]. Говоря о грамотности, отметим, что естественно, речь должна быть юридически грамотной, а также грамотной с филологической точки зрения. Обсуждать, что речь должна быть культурной, нам кажется излишним, ввиду очевидности данного факта. Учитывая, что прокурор является представителем государства в суде, поэтому своей речью должен подавать хороший пример человека, юридически грамотного, владеющего как профессиональной культурой, так и общей культурой.

Анализируя взгляды ученых о содержании и структуре судебной речи, отмечаем их определенную схожесть. Приведем некоторые из них.

Covalenco E. и Vizdoagă T., ссылаясь на некоторых специалистов, утверждают, что содержание и структура речи прокурора, определяются целями, преследуемыми

государственным обвинителем, характером и остротой уголовного деяния, содержанием использованных доказательств, личностью подсудимого, качеством защиты, местом рассмотрения дела, составом слушателей, а также индивидуальными качества выступающего [10, с. 325].

В речи государственного обвинителя, по мнению Р.Т. Зайнагутдинова, обязательно должны получать освещение вопросы, относящиеся к: а) социально-правовой оценке преступления, ставшего предметом судебного разбирательства; б) полному изложению фактической фабулы обвинения; в) анализу и оценке исследованных в судебном следствии доказательств; г) обоснованию юридической формулировки и правовой квалификации содеянного; д) характеристике личности подсудимого; е) обоснованию выводов и решений по делу; ж) анализу тех обстоятельств, что способствовали совершению преступлений и предложениям по их устранению [94, с. 218].

В работе под руководством *Serbrinov I.*, отмечается, что: содержание и структура речи прокурора определяются целями, преследуемыми государственным обвинителем, природой и актуальностью уголовного деяния, содержанием собранных доказательств, личностью подсудимого, качеством защиты, местом рассмотрения дела, составом аудитории, а также индивидуальные качества оратора [51, с. 43].

По мнению Т.Ю. Виноградовой и С.Ю. Якушина, структура судебной речи определяется как макроструктура публичной судебной речи, которую формируют облигаторные и факультативные микротексты (МТ), которые отражают конкретную микротему и реализуют частичную целевую установку. К облигаторным микротекстам относятся:

- 1) общественно-политическая оценка деяния;
- 2) изложение фактических обстоятельств дела и анализ собранных и исследованных в суде доказательств;
- 3) характеристика подсудимого (а иногда и потерпевшего);
- 4) анализ причин и условий совершения преступления;
- 5) обоснование квалификации преступления;
- 6) рекомендации о мере наказания [80, с. 50].

Кириллова Н.П. утверждает, что к элементам речи государственного обвинителя следует отнести: 1) оценку общественной опасности совершенного преступления; 2) изложение фактических обстоятельств его совершения; 3) анализ и оценку исследованных в суде доказательств и их источников; 4) обоснование юридической формулировки и

правовой квалификации содеянного; 5) характеристику личности подсудимого; 6) обоснование выводов и решений по делу; 7) анализ причин и условий, способствующих совершению преступления и предложения по их устранению; 8) определение судьбы вещественных доказательств [102, с. 39].

Vizdoagă T. отмечает, что один из первых красноречивых румынских теоретиков *Simion Marcovici*, указывает на следующие элементы судебной речи [61, с. 125]: 1) введение, которое подготавливает атмосферу; 2) фраза, которая демонстрирует субъект; 3) утверждение, которое доказывает; 4) заключение, которым заканчивается речь [19, с. 115 Цит по 61, с. 125].

Сама же *Vizdoagă T.*, исследуя структуру судебной речи прокурора, выделяет в ней такие структурные компоненты, как: введение; изложение фактических обстоятельств; анализ и оценка доказательств, использованных по делу; анализ причин и условий, которые способствовали совершению преступления; обоснование юридической формулировки содеянного; характеристика личности подсудимого и оценке обстоятельств, отягчающих или смягчающих ответственность обстоятельств; соображения относительно возможного применения наказания подсудимому, гражданского иска и других вопросов; заключение [61, с. 124-140].

Holban V. отмечает, что каждый прокурор имеет собственную манеру речи, стиль представления судебной речи, собственную модель и конструкцию речи [22, с. 12].

Пожалуй, согласимся со всеми авторами, однако еще раз подчеркнем, что единой структуры, модели ее содержания быть не может, она зависит от особенностей конкретного уголовного дела. Поскольку по одному уголовному делу могут быть вещественные доказательства, а по другому делу может их и не быть вовсе, в отношении одного подсудимого была применена мера пресечения, а в отношении другого подсудимого такой вопрос даже не рассматривался, в одном деле имеются смягчающие вину обстоятельства, а по другому только лишь отягчающие, а по третьему делу имеются и смягчающие, и отягчающие обстоятельства. Следовательно, прокурор будет высказываться по этим вопросам в судебной речи по мере необходимости.

Однако считаем, что в обязательном порядке судебная речь по каждому уголовному делу должна содержать в себе следующие моменты: вводную часть, фабулу дела, то есть изложение фактических обстоятельств совершения преступления; юридическую квалификацию содеянного подсудимым; анализ и оценку тех доказательств, которые бесспорно свидетельствуют о виновности лица в инкриминируемом ему деянии; краткую

характеристику личности подсудимого; рекомендации и виде, и мере наказания, заключительную часть.

Одним из главных вопросов, на котором обвинителю стоит проакцентировать, заострить свое внимание в судебной речи, являются его выводы о квалификации преступления. Юридическая квалификация дела, как отмечает *Theodor Mrejeru*, предполагает реализацию согласования судебными органами между законным составом преступления и данным конкретным составом [37, с.134].

Так, по безоговорочному мнению коллектива молдавских авторов, выводы прокурора о квалификации преступления должны быть конкретными и достаточно обоснованными. Альтернатива в данном случае не допустима [16, с. 143].

Приведем некоторые примеры из судебной практики.

В приговоре по уголовному делу №1-213/2014, указано, что в стадии судебных прений сторона государственного обвинения, считая вину подсудимого полностью доказанной в процессе рассмотрения дела, просила признать подсудимого виновным в совершении преступления, предусмотрено ст. 183 ч. (2) УК РМ. При разрешении вопроса о назначении наказания подсудимому прокурор просила учесть тяжесть совершенного преступления и характеристику самого подсудимого. Подсудимый Н.Н. обвиняется в совершении преступления, которое в соответствии со ст. 16 УК РМ относится к категории тяжких преступлений. Смягчающих обстоятельств согласно ст. 76 Уголовного кодекса в отношении подсудимого не установлено. Отягчающих обстоятельств согласно ст. 77 Уголовного кодекса в отношении подсудимого не установлено. Изучением личности подсудимого Н.Н. установлено, что он ранее не судим, на учете у врачей нарколога и психиатра не состоит. Также установлено, что он женат, имеет на иждивении одного несовершеннолетнего ребенка. В связи с изложенным, прокурор просил признать Н.Н. виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 183 ч. (2) УК РМ, и подвергнуть его к наказанию в виде четырех лет лишения свободы. В соответствии со ст. 90 УК РМ, учитывая обстоятельства дела (в данном случае наблюдается самонадеянность к преступным последствиям, выразившаяся в том, что нарушение правил техники безопасности и охраны труда повлекли смерть лица по неосторожности), личность подсудимого (ранее не судим, на учете у врача психиатра или нарколога не состоит, имеет на иждивении одного несовершеннолетнего ребенка), просил назначенное наказание считать условным с испытательным сроком четыре года, если в течении указанного срока Н.Н. не совершит нового преступления и примерным поведением и честным трудом оправдает оказанное ему доверие. В соответствии со ст. 90 ч. (6) п. а УК РМ прокурор

просил судебную инстанцию обязать Н.Н. не менять без разрешения компетентного органа, Бюро пробации, места жительства. Также в соответствии с санкцией ст. 183 ч. (2) УК РМ просил применить к Н.Н. дополнительное наказание в виде лишения права занимать руководящие органы в муниципальных предприятиях и органах местного публичного управления сроком на три года. Мэру пресечения подсудимому до вступления приговора в силу прокурор просил избрать в виде подписки о невыезде из страны [145].

Основное содержание речи обвинителя по уголовному делу № 1-120/2015 отражено в приговоре, в котором говорится, что в стадии судебных прений сторона государственного обвинения, считая вину подсудимого полностью доказанной в процессе рассмотрения дела, просила признать подсудимого виновным в совершении преступления, предусмотрено п.с. ч. (2) ст. 190 УК РМ. При назначении наказания подсудимому прокурор просил учесть, что обстоятельствами, отягчающими ответственность подсудимого, является совершение аналогичного преступления, обстоятельств, смягчающих вину подсудимого не имеется, в связи с этим, руководствуясь ст.ст. 70, 72, 75 УК РМ, считает целесообразным назначить подсудимому Т. А.Ч. наказание за совершение данного преступления в виде 4 лет лишения свободы в пенитенциарном учреждении полужакрытого типа. В соответствии с положениями ст. 84 ч. (4) УК РМ по совокупности преступлений к вновь назначенному наказанию присоединить путем частичного сложения наказание назначенного приговором суда Комрат 18.06.2015 г. и окончательно назначить подсудимому Т. А.Ч. наказание в виде 6 лет лишения свободы с отбыванием в ПУ полужакрытого типа, которое будет являться справедливым за совершенное преступление и достаточным для достижения целей уголовного наказания, предусмотренных ч.(2) ст. 61 УК РМ, такие как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, а также предупреждение совершения новых преступлений, как подсудимым, так и иными лицами. Гражданский иск потерпевшего ХД. о возмещении материального ущерба на сумму 2000 лей удовлетворить. В отношении обвиняемого А.Ч. избрать в виде предварительного ареста до вступления приговора в законную силу. Зачесть в срок наказания время нахождения подсудимого под стражей с 11 по 13.03.15 года, а также с 25.07.2015 года по день вынесения приговора [146].

Эти два примера демонстрируют, что государственные обвинители, по сути, высказываются по схожим вопросам, однако отличаются самой подачей, различными речевыми оборотами и красноречием.

Существует пример и не такого объемного отражения в приговоре речи государственного обвинителя, более лаконичный вариант. Полагаем, что и сам прокурор,

был предельно краток в своем выступлении. По уголовному делу № 1-155/13 в судебных прениях сторона государственного обвинения, считая вину подсудимого Г.Д. полностью доказанной, просила признать его виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 287 ч.(3) УК РМ, и назначить ему наказание в виде 4-х лет лишения свободы с применением ст. 90 УК РМ условно с испытательным сроком в 2 (два) года, а также на основании ч. (6) ст. 90 УК РМ обязать осужденного не менять без разрешения компетентного органа места жительства [147].

В том случае, когда прокурор в судебных прениях отказывается от обвинения и ходатайствует о прекращении производства по уголовному делу либо о вынесении оправдательного приговора, такая судебная речь, в принципе, должна отражать сущность самого мотивированного постановления, в котором и должны быть указаны причины отказа от обвинения.

Так помимо судебной речи, в прениях сторон поддержать государственное обвинение прокурор может также путем участия в реплике сторон. В соответствии со ст. 379 УПК РМ, после выступления всех участников прений каждый из них может выступить еще раз с репликой по поводу сказанного в последующих выступлениях. Право последней реплики всегда принадлежит защитнику или, в зависимости от обстоятельств, подсудимому.

Ion Neagu правильно подчеркивает, что в целях обеспечения полной состязательности, закон предусматривает, что председатель состава суда предоставляет право на реплику, с соблюдением той же последовательности [38, с. 527]. Поясним, что здесь автор имеет в виду последовательность выступления в судебных прениях, тем самым, акцентирует внимание на значимости соблюдения последовательности выступлений с репликой.

Справедливо отмечает Кириллова Н.П., важным, но не обязательным моментом выступлений прокурора в суде является реплика. Она представляет собой ответ или, точнее возражение на выступления других участников процесса, главным образом, защитника. Государственный обвинитель должен обязательно указать, на какое именно выступление он намерен ответить в реплике. В реплике могут быть затронуты различные вопросы, относящиеся к существу обвинения, обстоятельствам дела, оценке доказательств, личности подсудимого, квалификации содеянного и т.д. Прокурор не может рассчитывать на реплику как на возможность дополнить основное выступление [102, с. 52]. Необходимость воспользоваться правом реплики возникает в том случае, если: – есть возможность, не

повторяя ранее приведенных доводов, возразить стороне защиты, в частности по оценке доказательств, что бывает необходимо, когда защитник допустил необоснованное или искаженное толкование и оценку доказательств; – прокурор, выступая с речью, упустил какие-то важные моменты, обстоятельства [92, с. 33].

Реплика — это слово латинского происхождения, которое означает «ответ, остроумие, возражение одного собеседника на слова другого». В процессуальном смысле реплика означает ответ-возражение одного участника судебных прений на аргументы и выводы, высказанные в речи другим участником судебных прений. Как правило, прокурор прибегает к реплике, для того чтобы опровергнуть защитника или подсудимого. Реплика не лимитирована по времени, она должна быть, как можно более краткой и ясной. Как правило, участник готовится к реплике в процессе выступления другой стороны в судебном прении. Но, если есть необходимость в дополнительном времени для приготовления возражений, участник должен попросить его у судебной инстанции. Реплика, как правило, произносится *ad-hoc*. Но если, участник должен возразить большому количеству оппонентов по большому количеству вопросов, тогда необходимо заблаговременно уточнить план реплики, в котором будет указано в какой последовательности и на какие вопросы должен ответить каждому [16, с. 146-147].

О краткости речи отмечают также *Covalenco E. u Vizdoagă T.* Они утверждают, что реплика участников в судебных прениях должна быть, по возможности, краткой, акцентировать внимание на вопросах, которые должны быть уточнены и конкретизированы; будучи возражением, она должно носить полемический характер, подтверждать позицию и опровергать аргументы оппонентов. Использование права на реплику имеет место не всегда, а только тогда, когда были сделаны ошибочные заявления; были искажены обстоятельства, имеющие место на самом деле, была дана не соответствующая оценка фактам, были неправильно истолкованы нормы права; очевидно, он исказил позицию обвинения (защиты) или было допущено грубое поведение по отношению к другим участникам процесса и т.д. Хотя реплика не ограничена во времени, она должна быть насколько это возможно краткой и ясной [10, с. 332-333].

Считаем, что прокурор не должен повторять то, что уже было сказано им в речи. Он вправе лишь отреагировать на речь противника в том случае, когда он попытался каким-либо образом исказить смысл сказанного до этого прокурором. Государственный обвинитель должен сохранять спокойствие и невозмутимость, не должен впадать в словесную перепалку с противником. Реплика ни в коем случае не должна выглядеть со

стороны как оправдание, это должны быть аргументы. Государственный обвинитель, выступая с репликой должен не забывать о том, что реплика в «его руках» есть один из инструментов поддержания им обвинения и не более. Поэтому аргумент, высказываемый им, должен носить не личный или личностный характер, а должен быть направлен строго на поддержание обвинения.

Если стороны представили судебной инстанции свои письменные заключения, относительно предложенного в речах варианта решения дела, в протоколе делается об этом отметка и они приобщаются к протоколу судебного заседания [136, с. 31]. Однако, такие заключения сторон, в силу ст. 381 УПК РМ, не имеют обязательного характера для судебной инстанции.

3.5. Выводы к главе 3

1. Институциональный анализ *участия прокурора в предварительном заседании* позволил установить, что прокурор является не просто ее участником. Он должен принимать активное участие в данной стадии судебного производства. Думается, что для прокурора предварительное заседание является своеобразной «контрольной проверкой» выработанной им обвинительной позиции еще на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Прокурор как представитель стороны обвинения должен знать сущность обвинения, т.е. знать материалы уголовного дела. Данную обвинительную позицию прокурор и должен отстаивать на предварительном заседании, поскольку именно это обвинение ему и придется поддерживать в дальнейшем. На данном этапе прокурор еще не поддерживает государственное обвинение, а создает лишь платформу, для ее поддержания. Важнейшими компонентами такой платформы или базы являются: перечень доказательств, поданный прокурором; опровержение перечня доказательств, поданного стороной защиты; обоснование при необходимости отдельных доказательств; ходатайства, в том числе об отводе.

2. *Участие прокурора в подготовительной части судебного заседания* направлено на создание и обеспечение условий для успешного поддержания обвинения в судебном расследовании и прениях. Государственный обвинитель, обязан присутствовать в подготовительной части судебного заседания. Он должен быть активным при рассмотрении судом всех вопросов, перечень которых четко установлен

законодательством. Активность в данном случае заключается в высказывании собственного мнения по всем вопросам, своевременной подачи им мотивированных ходатайств.

3. Прокурор, именно *участвуя в судебном расследовании*, непосредственно реализует функцию поддержания государственного обвинения. Считаем, что поддержание обвинения, как таковое, есть совокупность процессуально - тактических действий, направленных на обоснование обвинительной позиции.

4. Главным направлением деятельности государственного обвинителя в судебном расследовании является его участие в исследовании доказательств путем непосредственного и активного доказывания виновности подсудимого. В свою очередь это требует от него, во-первых, знания материалов уголовного дела, во-вторых, продуманной заблаговременно тактики и совокупности способов поддержания обвинения, а также умелого их практического применения; в-третьих, способности своевременно реагировать на непосредственно «происходящее» в зале судебного заседания путем применения своих полномочий.

5. Подготовка и участие прокурора в судебных прениях выступает итоговым и решающим инструментом поддержания государственного обвинения. Законодатель не регламентирует форму, структуру и качественные характеристики судебной речи. Государственный обвинитель по своему усмотрению, основываясь на теории и приобретенном им практическом опыте, определяет форму и структуру судебной речи, в зависимости от специфических особенностей уголовного дела. Речь должна иметь такие основные качественные характеристики, как: обоснованность, конкретность, ясность и четкость, культура и грамотность. Обязательными структурными компонентами каждой судебной речи прокурора должны быть: вводная часть; фабула дела; юридическая квалификация содеянного подсудимым; анализ и оценка доказательств, подтверждающих виновность подсудимого; краткая характеристика личности подсудимого; рекомендации о виде и мере наказания, заключительная часть. Реплика предоставляет дополнительную возможность прокурору поддержать обвинительную позицию.

4. ИЗМЕНЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ И ОТКАЗ ПРОКУРОРА ОТ ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

4.1. Основания и процессуальный порядок изменения прокурором обвинения

Исследование всех доказательств в судебной инстанции может повлечь необходимость изменить обвинение в судебном заседании. Данное обстоятельство выступает исключением из общего правила, предусмотренного ст. 325 УПК РМ, которая закрепляет положение о пределах судебного разбирательства. Данная статья детализирует, что разбирательство дела в суде первой инстанции производится только в отношении лица, которому предъявлено обвинение, и лишь в пределах обвинения, сформулированного в обвинительном заключении. Часть (2) этой статьи предусматривает, что изменение обвинения в судебной инстанции допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается право на защиту. Изменение обвинения, влекущее за собой ухудшение положения подсудимого, допускается лишь в случаях и в порядке, предусмотренных настоящим кодексом, т.е. ст. 326 УПК РМ.

Следовательно, уголовно-процессуальное законодательство предусматривает два противоположных вида изменения обвинения в зависимости от последствий для подсудимого: не ухудшающее и ухудшающее положение подсудимого.

Довольно понятное, простое, можно даже сказать, что универсальное определение «изменение обвинения» дается в одноименной монографии Ф.Н. Фаткуллина, в которой он утверждает, что под изменением обвинения понимается внесение в него официальными лицами тех или иных поправок, сказывающихся на существе, объеме и характере обвинения по делу и поэтому требующих соблюдения определенного законом процессуального порядка [187, с. 35].

Более глубокое, по сравнению с этим определением, носящее адаптированный характер к современному уголовно-процессуальному законодательству РМ, определение «изменения обвинения» находим в диссертационной работе румынского автора *Magherescu Delia*. Так, автор формулирует такое понятие, согласно которому, под «изменением обвинения» в суде первой инстанции понимается полномочие и компетенция судебной инстанции или прокурора о внесении некоторых корректировок в содержание и характер обвинения, сформулированного изначально, в условиях, регламентированных законом [36, с. 6]. Выражаем свое абсолютное согласие с мнением этого исследователя, поскольку в нем уточняется, кто именно имеет право осуществлять такое процессуальное действие.

Рассмотрим первый вид изменения обвинения, не ухудшающий положение подсудимого, т.е. носящее смягчающий характер. Данный вид разрешается законодателем при соблюдении обязательного условия – соблюдения права на защиту. Кроме того, в УПК РФ не уточняется, кто именно вправе осуществить такое процессуальное действие, в отличие от изменения обвинения на более тяжкое, которое в соответствии с законом вправе осуществить только прокурор.

Вполне логичным, на наш взгляд, является то, что изменить обвинение в сторону его смягчения вправе как сам автор обвинения, т.е. прокурор, так и непосредственно судебная инстанция. В этой связи, считаем необходимым проанализировать некоторые проблемные вопросы: на каком основании, и на каком этапе судебного разбирательства можно изменить обвинение, какова процессуальная форма изменения обвинения?

В ППВСП о судебных приговорах №5 от 19.06.2006 г. сказано, что в случае необходимости юридической переквалификации деяния, за совершение которого подсудимому не было предъявлено обвинение, судебная инстанция должна учитывать, что такое изменение юридической квалификации возможно в случае, когда действия подсудимого, которые подлежат переквалификации по другому закону, были ему вменены и не содержат признаки более тяжкого преступления, а данное обвинение не отличается существенно по обстоятельствам дела от обвинения, поддержанного прокурором в ходе судебного разбирательства, а переквалификация не усугубляет положение подсудимого и не ущемляет право на защиту [140]. Исходя из этого, полагаем, что судебная инстанция вправе осуществить юридическую переквалификацию самостоятельно, без того, чтобы стороны «просили» об этом, но лишь в том случае, если «новое» обвинение не отличается существенно по обстоятельствам дела от «старого» обвинения. То есть преступное деяние, изначально инкриминируемое подсудимому подпадает под признаки другого, менее тяжкого преступления.

При этом ВСП поясняет, что в таких случаях судебные инстанции должны учитывать, что обвинение считается более тяжким, когда применяется другая норма закона (статья, часть, пункт), санкция которой предусматривает более суровое наказание; обвинение дополняется деяниями и эпизодами, которые не были предъявлены ранее подсудимому, квалифицирующими признаками, отягчающими обстоятельствами, которые влекут за собой переквалификацию на норму, предусматривающую более тяжкое наказание, или увеличивает объем обвинения, хотя не изменяется юридическая оценка содеянного [140]. Кроме того, в данном ППВСП разъясняется, что считается существенно

отличающимися по реальным обстоятельствам от первоначального обвинения любое другое изменение обвинения – вменение других деяний вместо ранее вмененных, вменение преступления, которое отличается от вмененного преступления по объекту, по характеру деяния, и действий, изменения которые ущемляют право подсудимого на защиту [140]. Тем самым, ВСП подчеркивает условия, при которых не возможно изменить обвинение в сторону смягчения.

Так, одним из наиважнейших и обязательных условий применения и реализации изменения обвинения в сторону смягчения, является не ущемление права подсудимого на защиту.

Отметим, что право на защиту, предусмотренное в исследуемой норме, безусловно, базируется на ст. 26 Конституции РМ (Право на защиту). В виду того, что само «право на защиту» следует понимать не только буквально, т.е. непосредственно осуществлять защиту, но и необходимо понимать в том плане, чтобы в обязательном порядке изначально быть информированным о том, в чем собственно состоит обвинение. Поэтому право на защиту вытекает из смысла п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (3. Каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения как минимум на следующие гарантии на основе полного равенства: а) быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения; б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником), а также из содержания п. 3 ст. 6 ЕКПЧ (3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права: а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения; б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты; с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия).

При этом в комментарии к ЕКПЧ отмечается, что обвиняемый должен быть надлежащим образом и в полной мере информирован о любых изменениях обвинения, включая изменения его «основания», и ему должны быть предоставлены надлежащие время и средства, обеспечивающие возможность организации его защиты с учетом любой новой информации или заявлений (*Маттоchia против Италии (Mattoccia v. Italy)*, пункт 61; *Бэкстром и Андерссон против Швеции* (реш.) (*Backstrom and Andersson v. Sweden (dec.)*)). [164, с. 43]. А также авторы комментария уточняют, что информация о предъявленных

обвинениях, включая правовую оценку данного вопроса, которую может дать суд, должна быть предъявлена либо до судебного заседания (в обвинительном заключении), либо как минимум в ходе судебного разбирательства другими средствами, например, путем официального или подразумеваемого дополнения обвинения. Одного лишь упоминания абстрактной возможности того, что суд может прийти к выводу, отличному от вывода стороны обвинения в отношении квалификации правонарушения, явно недостаточно (*И.Х. и другие против Австрии* (*I.H. and Others v. Austria*), пункт 34). В случае изменения квалификации в ходе судебного разбирательства обвиняемому должна быть предоставлена возможность осуществления его права на защиту практическим и эффективным способом и в надлежащий срок (*Пелисье и Сасси против Франции* [БП] (*Pelissier and Sassi v. France* [GC]), пункт 62; *Блок против Венгрии* (*Block v. Hungary*), пункт 24) [164, с. 44].

В данном контексте отметим, что молдавские специалисты, исследовавшие многоаспектно и детально проблему переквалификации юридического деяния подсудимого в смысле смягчения, приходят к выводу, что суды при переквалификации юридического деяния соблюдают условие не ухудшения положения подсудимого, но не во всех случаях учитывают и другое требование законодателя – согласно которому новая юридическая квалификация не должна ущемлять право подсудимого на защиту [63, с. 23]. К такому убеждению авторы приходят исходя из проанализированной судебной практики, в том числе и практики ЕСПЧ. На примере дела *Adrian Constantin contra Romîniei, Vizdoagă T. и Eşanu A.* отмечают, что исходя из этих соображений, мы считаем, что если в обвинительном акте содержится умышленное преступление подсудимого, например, умышленное убийство (ч. (1) ст. 145 УК РМ), а в ходе рассмотрения дела судебная инстанция придёт к выводу, что на самом деле лишение жизни произошло по неосторожности, и этот факт не был обсужден сторонами в процессе, и во время совещания суд дает новую правовую оценку описанному в обвинительном заключении факту, переквалификация таким образом деяния подсудимого из ч.(1) ст. 145 УК РМ в ч. (1) ст. 149 УК РМ, в действительности является нарушением права подсудимого быть подробно информированным о характере и причине обвинения, выдвинутого против него, как и его право располагать временем и возможностью для подготовки своей защиты [63, с. 25]. Но, напротив, если изменение квалификации юридического деяния имеет влияние только на некоторые признаки состава преступления, которые исключают определенные компоненты обвинения, чтобы в итоге содержалось в новой квалификации лишь часть из предъявленного изначально обвинения, мы считаем, что право на защиту подсудимого не может быть ущемлено [63, с. 25]. При

этом авторы имеют в виду две гипотезы: 1) переквалификация юридического деяния в сторону смягчения в пределах той же статьи, включенной в обвинительное заключение, например переквалификация из более тяжкого на менее тяжкий вариант (например, из ч. (2) ст. 179 УК РМ на ч. (1) ст. 179 УК РМ) или из одного типичного варианта в другой типичный вариант в пределах той же статьи, оба из которых рассматриваются как подобные преступления (например, из ч. (3) ст. 166¹ УК РМ в ч. (1) ст. 166¹ УК РМ); 2) переквалификация юридического деяния в пределах другого преступления, которое содержит только часть из содержащегося в обвинительном заключении. Например, обвинение в умышленном причинении тяжкого телесного повреждения, повлекшее смерть человека (ч. (4) ст. 151 УК РМ), а судебная инстанция приходит к убеждению, что на самом деле есть одно вредное последствие – смерть, в виде смерти мозга, к которому подсудимый проявил неосторожность, в связи с этим переквалификация деяния подсудимого в соответствии с ч. (1) ст. 149 УК РМ. В этом случае, нельзя утверждать, что он нарушает право подсудимого на защиту; или, из-за природы правовой криминализации в ч. (4) 151 УК Р.М., предполагается в основном комбинацию из двух преступлений (т.е. ч. (1) 151 и ст.149 УК РМ), находящихся под эгидой одного состава преступления, изменение юридической квалификации в процессе совещания в отношении подсудимого на лишение жизни по неосторожности (ч. (1) ст. 149 УК РМ) не является для подсудимого неизвестным обвинением [63, с. 25-26].

Это подтверждает наш тезис о том, что судебная инстанция вправе осуществить юридическую переквалификацию самостоятельно лишь в том случае, если «новое» обвинение не отличается существенно по обстоятельствам дела от «старого» обвинения. То есть преступное деяние, изначально инкриминируемое подсудимому подпадает под признаки другого, менее тяжкого преступления.

Кроме того, считаем верным и очень важным умозаключение вышеназванных молдавских авторов о том, что суд должен фактически высказаться в отношении юридической квалификации до окончания судебных прений для того, чтобы стороны могли сделать выводы относительно «уголовной стороны дела». Тем не менее, практика решения об изменении юридической квалификации лишь одновременно с разрешением по уголовному делу лишает прокурора, подсудимого и его защитника возможности представить альтернативные выводы в судебных прениях в соответствии с возможным согласием или несогласием с новой юридической квалификацией. В этих условиях выводы теряют конкретный характер – не имеется возможность помочь суду разрешить уголовное

дело. Таким образом, для обеспечения реализации права на защиту в связи с новой юридической квалификацией, считаем целесообразным принятие судом иного определения об изменении обвинения в смысле смягчения [63, с.27]. Считаем, что, действительно, в таком случае, не только у стороны защиты (подсудимого, его защитника), но и у прокурора будет возможность еще в суде первой инстанции высказаться по поводу изменения судом юридической квалификации деяния, а не только лишь в апелляционной инстанции.

Подвергая анализу полномочия прокурора по изменению обвинения на более мягкое, отметим, что в качестве оснований выступают те же, вернее аналогичные, что и у судебной инстанции. То есть прокурор приходит к убеждению, что в деянии подсудимого не присутствуют все те признаки, в наличии которых он изначально был убежден, что нашло непосредственное отражение в обвинительном заключении, и фактически имеет место деяние, привлечение к уголовной ответственности за которое имеет более мягкое последствие, нежели за деяние, вменяемое ранее подсудимому. Не стоит, однако, путать такую ситуацию, когда прокурор приходит к убеждению, что первоначальное обвинение не подтвердилось полностью или частично, в таком случае, он обязан будет заявить частичный или полный отказ от обвинения в соответствии с ч. (5) ст. 320 УПК РМ. В такой ситуации не допустимо, чтобы прокурор «спасая ситуацию» изменял обвинение на более мягкое. Поскольку юридическая переквалификация возможна в тех случаях, когда виновность подсудимого в инкриминируемом ему деянии предполагается, а отказ от обвинения возможен в случаях, при которых виновность подсудимого в инкриминируемом ему деянии даже и не предполагается. Здесь считаем необходимым пояснить, что используем термин «предполагается» с учетом принципа презумпции невиновности, поскольку считаем, что прокурор является лицом, обеспечивающим реализацию принципа презумпции невиновности [190, с. 50].

К вопросу о том, на каком этапе судебного разбирательства прокурор вправе изменить обвинение, причем чтобы при этом не было нарушено право подсудимого на защиту. В п. (4) ч. (1) ст. 53 УПК РМ, закреплено, что прокурор изменяет юридическую квалификацию преступления, совершенного подсудимым, если судебным расследованием подтверждено, что подсудимый совершил это преступление. В виду того, что законодатель не уточняет о каком именно виде изменения юридической квалификации (в сторону смягчения или отягощения положения подсудимого), уверены в том, что это полномочие прокурор вправе реализовать и в отношении изменения обвинения в сторону смягчения.

Следовательно, государственный обвинитель вправе изменить обвинение после судебного расследования, но до начала судебных прений.

Именно в таком случае, такое изменение обвинения будет:

✓ во-первых, логичным, поскольку внутреннее убеждение у прокурора наиболее вероятно сформируется после исследования всех доказательств, что даст ему возможность делать умозаключения в отношении правильности или неправильности первоначальной квалификации деяния;

✓ во-вторых, не будет нарушать право подсудимого на защиту, поскольку у стороны защиты есть реальная возможность отреагировать должным образом на изменение обвинения, и в дальнейшем аргументировать свою позицию в прениях.

В отношении процессуальной формы изменения обвинения прокурором, не ухудшающего положение подсудимого отметим, что законодатель также ничего не говорит и об этом. Считаем, что неуместным и неверным было бы со стороны государственного обвинителя ходатайствовать об изменении обвинения в устной форме. Такая форма, на наш взгляд, не способна должным образом отвечать требованию не нарушения права на защиту, поскольку не всегда информация на слух усваивается слушателями на 100 %, и сторона защиты при подготовке к защите может упустить некоторые моменты, которые на первый взгляд могли показаться им не столь существенными и поэтому не запомнились. В этой связи наиболее правильным, если прокурор будет ходатайствовать перед судебной инстанцией, прилагая при этом *мотивированное постановление об изменении обвинения* в сторону смягчения, в котором будут изложены процессуальные и фактические его основания. Новое обвинение должно быть изложено также подробно, как первоначальное обвинение. И прокурор, изменяя обвинение фактически предъявляет новое обвинение. Поэтому, говоря о праве на защиту, возвращаемся к положению ЕКПЧ, а именно о том, что подсудимый должен быть в обязательном порядке проинформирован об обвинении, что непосредственно касается и случаев изменения обвинения в сторону смягчения. Потому что подсудимый, считая себя абсолютно невиновным, должен иметь возможность полноценно реализовать свое право на защиту от любого обвинения, хоть и более мягкого, поэтому должен быть информирован об обвинении полностью, а не только в отношении изменения юридической квалификации.

Кроме того, считаем необходимым проакцентировать внимание на том, что, если прокурор в суде первой инстанции изменил своим постановлением обвинение на более

мягкое, то он не вправе в последствии поменять свою позицию и вновь изменить обвинение, но уже на более тяжкое. Во избежание голословности, приведем следующий пример.

S. E. было предъявлено обвинение на основании п. *b*) ст. 213 УК РМ. Прокурор Т.Р., присутствующий в судебном заседании, представил постановление об изменении обвинения в судебном заседании от 21.11.2013 г., которым постановил изменение обвинения подсудимой *S. E.* в совершении преступления, предусмотренного ч. (1) ст. 149 УК РМ на том основании, что исходя из обстоятельств, установленных в ходе рассмотрения, подсудимая совершила лишение жизни потерпевшего по неосторожности. Суд первой инстанции исходя из того, что действия подсудимой были квалифицированы в соответствии с ч. (1) ст. 149 УК РМ, и что в судебном заседании стороны представили заявление о примирении, с просьбой прекратить производство по делу, которое было поддержано прокурором, прекращено производство по делу в связи с примирением сторон в соответствии со ст. 109 УК РМ. По неясным причинам, тот же прокурор подал апелляцию с просьбой отмены приговора и направлении дела на новое рассмотрение в тот же суд, аргументируя это тем, что в суде первой инстанции прокурор ошибочно ориентировал суд прекратить производство по делу в связи с примирением сторон. Прокурор в прокуратуре уровня Апелляционной Палаты мун. Бэлць, *V. K.* 03.02.2014 г. заявил дополнительную апелляцию, в которой просил приговорить *S. E.* на основании п. *b*) ст. 213 УК РМ, а в последствии представил постановление об изменении обвинения от 20.12.2014 г. в судебном заседании, которым предусматривал изменение обвинения, выдвинутое против *S. E.* в совершении преступления, предусмотренного п. *b*) ст. 213 УК РМ [14]. В продолжение отметим, что данная апелляционная жалоба была признана необоснованной. В кассационном производстве, Коллегия ВСП по уголовным делам приходит к выводу, что суд первой инстанции правильно поступил, квалифицируя действие *S. E.* в соответствии со ст. (1) ст. 149 УК РМ, в пределах обвинения, сформулированного государственным обвинителем, чтобы не превышать эти пределы, прекращая уголовное дело в связи с примирением сторон. В связи с этим не могут быть учтены доводы кассатора о том, что апелляционный суд должен был рассмотреть дело в соответствии с новым обвинением, представленным в апелляционной инстанции и признать виновным *S. E.* на основании п. *b*) ст. 213 УК РМ. Коллегия отмечает, что исходя из смысла ст. 325 УПК РМ, в ходе рассмотрения апелляционной жалобы прокурор не может изменить обвинение на более тяжкое по той причине, что это может существенно ущемить право подсудимого на справедливое судебное разбирательство, поскольку такое обвинение не проходит тройную

степень юрисдикции, исходя из того, что сформулировано в апелляционной инстанции. Вместе с тем, согласно ст. 326 УПК РМ, изменение обвинения на более тяжкое возможно только в суде первой инстанции. Коллегия подтверждает, что санкция ч. (1) ст. 149 УК РМ, на основании которого прокурор выдвинул обвинение *S. E.* В суде первой инстанции, предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до 3 лет, а санкция п. *b)* ст. 213 УК РМ, на основании которой прокурор выдвинул обвинение в апелляционной инстанции, предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до 3 лет с лишением или без лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от 2 до 5 лет, следовательно, она является более тяжелой [14].

Рассмотрим изменение обвинения на более тяжкое.

УПК РМ предусматривает три вида изменения обвинения на более тяжкое. Первый вид предусмотрен в ч. (1) ст. 326 УПК РМ, остальные два во второй части этой же статьи.

Первый способ. В соответствии с ч. (1) ст. 326 УПК РМ, прокурор, участвующий в рассмотрении уголовного дела в первой инстанции и в апелляционной инстанции, вправе изменить своим постановлением предъявленное в ходе уголовного преследования обвинение на более тяжкое, если исследованные в судебном заседании доказательства неопровержимо свидетельствуют о том, что подсудимый совершил более тяжкое преступление, чем то, которое вменялось ему в вину ранее, и довести до сведения подсудимого, его защитника и, в зависимости от обстоятельств, его законного представителя новое обвинение. В этом случае судебная инстанция по просьбе подсудимого и его защитника предоставляет дополнительное время для подготовки защиты по вновь предъявленному обвинению, после чего судебное разбирательство продолжается.

Исходя из данного законодательного положения следует, что основанием для изменения обвинения выступает наличие неопровержимых доказательств, дающих право прокурору вменить в вину подсудимого более тяжкое преступление. Причем неопровержимые доказательства должны быть именно из числа исследованных в судебном расследовании.

Поэтому прокурор, принимая решение об изменении обвинения на более тяжкое основываясь на уже исследованных доказательствах в ходе судебного расследования должен: во -первых, убедиться в том, что действительно фактически имело место более тяжкое преступление, нежели инкриминируемое подсудимому на досудебной стадии уголовного судопроизводства, изложенное прокурором в предварительном заседании или в подготовительной части судебного заседания; во-вторых, прокурор должен

заблаговременно процессуально подготовиться к этому, т.е. должен составить мотивированное постановление. Само по себе словосочетание «мотивированное постановление» безусловно означает, что оно должно быть обоснованным.

В этом контексте в Постановлении Конституционного суда РМ о контроле конституционности ст. 326 УПК РМ говорится, что согласно смыслу ст.326 УПК судебная инстанция может отклонить ходатайство, если представленные доказательства не являются убедительными. Таким образом, ч.(1) ст.326 УПК исключает любые произвольные действия, поскольку постановление прокурора, в случае его необоснованности, может быть отклонено судебной инстанцией. Соблюдение разумного срока рассмотрения дела также остается под контролем судебной инстанции и зависит от новых обвинений, предъявленных прокурором и неопровержимо доказанных [24].

В качестве «обоснования» в этом способе изменения обвинения могут выступать только лишь те доказательства, которые исследовались в судебном расследовании, поскольку в данном случае прокурор не вправе ссылаться на «новые доказательства», требующие отдельного судебного расследования. Поэтому прокурор фактически предъявляет «новое обвинение», основанное на доказательственной базе «старого обвинения», причем изменение обвинения происходит одномоментно и на судебном заседании, т.е. без предоставления прокурору какого-либо времени для осуществления «дополнительных» процессуальных действий по собиранию и оценке доказательств. В таком случае судебная инстанция по необходимости предоставляет время лишь стороне защиты для осуществления подготовительных действий.

Приведем пример из судебной практики, который хоть и не отражает изменение обвинения непосредственно в суде первой инстанции, однако напрямую подчеркивает сущность самого института.

28 декабря 2012 г. суд Комрат вынес решение, которым уголовное дело по обвинению П.Г. в совершении преступления, предусмотренного п. б) ч. (3) ст. 328 УК РМ было прекращено в связи с отказом прокурора от обвинения, а по п. б) ч. (2) ст. 332 УК РМ, П.Г. оправдан за отсутствием в его деянии элементов преступления. 23 января 2013 г. на этот приговор суда прокурор В.Э. подал апелляционную жалобу, в которой просил отменить обжалуемый приговор суда в отношении подсудимого П.Г. и вынести новое решение по делу, которым П.Г. признать виновным в совершении преступления, предусмотренного п. б) ч. (2) ст. 332 УК РМ. В судебном заседании апелляционной инстанции, прокурор поддержал апелляционную жалобу и просил ее удовлетворить. Также

он пояснил, что в ходе судебного следствия в Апелляционной Палате Комрат подсудимому П.Г. было изменено обвинение с п. б) ч. (2) ст. 332 УК РМ на ч. (1) ст. 361 УК РМ [132]. Относительно постановления прокурора об изменении обвинения подсудимому П.Г., коллегия по уголовным делам отмечает, что согласно ч. (1) ст. 326 УПК РМ в апелляционной инстанции прокурор может изменить обвинение на более тяжкое только в случае подачи им апелляционной жалобы. Вышеуказанные нормы закона явно не дают право прокурору в апелляционном порядке изменить суть обвинения в любой форме, если это не было сделано и в суде первой инстанции. Более того, в постановлении от 09 июня 2014 г. содержатся новые обстоятельства, которые не были вменены подсудимому П.Г. в обвинительном заключении, т.е. новое обвинение. Следовательно, подсудимому не может быть инкриминировано ничего более того, что содержится в базовых процессуальных актах, в соответствии с которыми осуществляется функция по обвинению в уголовном процессе: в постановлении о предъявлении обвинения и в обвинительном заключении. Из анализа содержания постановления об изменении обвинения в апелляционной инстанции, вынесенное 09 июня 2014 г., представителем государственного обвинения в отношении подсудимого П.Г., следует, что прокурор руководствовался ч. (2) ст. 325 УПК РМ, отметив, что по делу собраны достаточные доказательства для пере предъявления обвинения П.Г. Тем не менее, коллегия считает, что прокурор не указал конкретно, какие исследованные в ходе судебного следствия доказательства привели его к необходимости изменить обвинение. Таким образом, коллегия считает недопустимой практику предъявления нового обвинения в ходе рассмотрения уголовного дела в апелляционной инстанции, отметив, что законодатель предусмотрел право государственного обвинителя изменить ранее предъявленное обвинение лишь в случае обнаружения в ходе уголовного процесса новых обстоятельств, влияющих на квалификацию деяния подсудимого, с условием детализации и четкого анализа данных обстоятельств. Поэтому постановление об изменении обвинения от 09 июня 2014 г. не может быть принято коллегией, поскольку в противном случае, это привело бы к нарушению прав подсудимого на справедливое разбирательство, поскольку данное обвинение не проходит тройную степень юрисдикции в виду его предъявления в апелляционной инстанции [132].

Данный пример подчеркивает, что постановление об изменении обвинения должно быть обоснованным. А также то, что для того, чтобы прокурор смог изменить обвинение в апелляционной инстанции, он должен обязательно изначально изменить обвинение в суде первой инстанции. Поскольку в иной ситуации, не будет обеспечена тройная степень

юрисдикции, что напрямую свидетельствует о нарушении права подсудимого на справедливое разбирательство.

Serbinov I. и *Vizdoagă T.* отмечают, что в части (2) той же статьи предусмотрены следующие две модели изменения обвинения, отягчающие положение подсудимого. **Вторая модель** относится к ситуации, когда в ходе судебного разбирательства установлено, что подсудимый совершил другое преступление, или, что появились новые обстоятельства, которые будут влиять на юридическую квалификацию предъявленного ему обвинения [52, с. 312]. Авторы верно уточняют, что в этом случае суд по просьбе прокурора откладывает рассмотрение дела на срок до месяца и возвращает его прокурору для осуществления уголовного преследования этого преступления, формулирования нового обвинения и предъявления его подсудимому при участии защитника. Акцентируем внимание на возможности возврата уголовного дела, но без обвинительного заключения и без протокола судебного заседания и приложений к нему [52, с.312].

Данный способ отличается от предыдущего тем, что государственный обвинитель, мотивируя «возможную» необходимость изменить обвинение, аргументирует это тем, что в ходе судебного разбирательства «открылись» новые обстоятельства, факты, которые способны существенно повлиять на юридическую квалификацию. При этом прокурор просит судебную инстанцию отложить судебное заседание. Судебное заседание откладывается в порядке и в соответствии со ст. 331 УПК РМ. В это время (период, на который отложили судебное заседание) осуществляется *новое уголовное преследование* именно по тем новым обстоятельствам и фактам, которые могут повлиять на юридическую квалификацию деяния подсудимого, по окончании которого составляется *новое обвинение* (т.е. прокурором издается постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого) и предъявляется подсудимому, а также предъявляются материалы уголовного дела в соответствии со ст. 293 УПК РМ, о чем составляется протокол в порядке ст. 294 УПК РМ. Таким образом, прокурор предъявляет новое обвинение не в судебном заседании, как в предыдущем способе изменения обвинения, а в стадии уголовного преследования. И уже после этого судебное заседание продолжается, на котором прокурор и подает мотивированное постановление об изменении обвинения на более тяжкое.

Такой способ изменения обвинения предусмотрен также и в других странах, например, в Германии. Так, известный немецкий исследователь отмечает, что если обнаруженные на нынешний день новые обстоятельства влекут наказуемость за **другое деяние** в процессуальном смысле, то недостаточно указания согласно ст. 251 I, II УПК, а

необходимо новое обвинение. Это можно сделать в форме дополнительного обвинения в соответствии с параграфом 266 УПК. Однако оно возможно при условии, что суду подсудны данные деяния и на это согласен подсудимый [76, с. 222]. Причем здесь автор уточняет, что под **деянием в процессуальном смысле** понимают отраженный в обвинении и решении об открытии судебного разбирательства поступательный процесс, который исходя из представления большинства людей о жизни, образует единое целое [76, с. 222].

В отличие от этого способа, **третий способ** в соответствии с законодательством предусматривает случаи, когда в ходе судебного разбирательства выясняется, что вменяемое подсудимому преступление совершено в соучастии с другим лицом, необоснованно или незаконно выведенным из-под уголовного преследования.

Отличительным признаком такого изменения обвинения по сравнению и с первым, и со вторым способом является:

- *во-первых*, в этом случае судебная инстанция возвращает дело прокурору с обвинительным заключением;

- *во-вторых*, дело возвращается для *возобновления уголовного преследования* в отношении лица, ранее выведенного из - под уголовного преследования по тому же деянию (в порядке ст. 287 УПК РМ).

Исходя из этого следует, что результатом возобновления уголовного преследования становится *новое обвинительное заключение*.

Однако, также, как и в предыдущем способе изменения обвинения, судебная инстанция по просьбе прокурора откладывает рассмотрение дела на срок до одного месяца. Кроме того, и для второго, и для третьего способа изменения обвинения в соответствии с ч. (2) ст. 326 УПК РМ характерно то, что по ходатайству прокурора срок, на который было отложено рассмотрение дела, установленный изначально (т.е. один месяц), может быть продлен судебной инстанцией до двух месяцев. Данные сроки – один или два месяца, необходимы для проведения уголовного преследования, составления нового обвинительного заключения и предъявления его подсудимому при участии защитника. И уже по истечении данного срока дело в обязательном порядке направляется в судебную инстанцию для продолжения разбирательства.

На определенную взаимосвязь между ч. (1) и ч. (2) ст. 326 УПК РМ верно указывают молдавские исследователи. Они отмечают, что, в частности, в данном аспекте представляет интерес фраза ч. (2) «или возникли новые обстоятельства, которые влияют на юридическую квалификацию предъявленного ему обвинения». Часть (2) регулирует ту же процедуру, а

также позволяет ухудшить положение подсудимого, как в суде первой инстанции, так и в апелляционной инстанции. В отличие от ч. (2), ч. (1) не устанавливает четкое время для подготовки защиты, установление необходимого срока остается на усмотрение суда, с учетом новых частей обвинения и сложности дела [52, с. 313].

Кроме того, все способы изменения обвинения на более тяжкое, объединяет также и то, что прокурор независимо от способа изменения обвинения, обязан соблюдать правило, в соответствии с которым подсудимый должен быть информированным о сущности обвинения, как того требует ч. (3) ст.6 ЕКЧП.

В данном случае, приведем следующий пример. В решении ВСП РМ по делу № 1га-1272/2015 сказано, что не согласившись с приговором Суда Чентру, мун. Кишинэу от 27 апреля 2012 г. в отношении *D. V. V.*, адвокат *T.R.* подал апелляционную жалобу, которой потребовал отменить приговор и вынести новое решение, которым должно быть прекращено производство по делу. Для того, чтобы поддержать жалобу, апеллянт ссылаясь на то, что обвинение, предъявленное на дату 15.03.2012 г., в смысле отягчения, нарушает права, по мотиву того, что подсудимому не было доведено до сведения до настоящего времени постановление привлечении в качестве обвиняемого по ч. (1) ст. 151 УК РМ, но согласно ч. (1) ст. 251 УПК РМ, нарушение положений закона, регламентирующих ход уголовного судопроизводства, влечет недействительность процессуального акта лишь в случае нарушения уголовно-процессуальных норм, которые могут быть устранены только посредством отмены данного акта. В тоже время, полное пренебрежение предъявления нового обвинения подсудимому, неизбежно нарушает его право на защиту, то, что регулируется с. 326 УПК РМ, и как следствие, искажает принцип справедливости судебного разбирательства [13]. Данная жалоба в последствии была признана необоснованной. Кассационная инстанция отмечает, что согласно материалам дела, подсудимому было предъявлено обвинение по ст. 152 УК РМ, которое было материализовано в постановлении от 12.08.2011г., доведено до его сведения, а также его защитника, за подписью в тот же день. Таким образом, два других процессуальных акта, на которые ссылается кассатор и считает их «постановлением привлечении в качестве обвиняемого», на самом деле представляют собой постановление об изменении обвинения на более тяжкое и копия номинализированного постановления, которые были приложены к материалам дела, будучи доведены до сведения защитника 15.03.2012 г., а после этого были доведены до сведения подсудимого и его защитника 25.02.2014 г. Ссылаясь на материалы дела, Коллегия по уголовным делам установила, что постановление было доведено до сведения только

защитника на том основании, что подсудимый уклоняется от явки в суд, в связи с чем суд первой инстанции постановил объявление его в розыск. Принимая во внимание, что суд первой инстанции принял все необходимые меры для обеспечения присутствия подсудимого на судебном заседании, 27.04.2012 г. на обсуждение ставился вопрос о рассмотрении дела в отсутствие подсудимого, в отношении которого стороны не имели возражений, а, следовательно, и был вынесен обвинительный приговор в отношении подсудимого на основании нового обвинения, согласно постановлению об изменении обвинения на более тяжкое. В последствии, когда подсудимый был задержан правоохранительными органами, по состоянию на 25.04.2012 г., в судебном заседании, ему было доведено до сведения постановление об изменении обвинения на более тяжкое от 15.03.2012 в присутствии адвоката, которым было предложено время для подготовки защиты [13].

Из этого примера, наглядно видно, что прокурор, вынося постановление об изменении обвинения на более тяжкое, несмотря на отсутствие непосредственно подсудимого в зале судебного заседания, все же право на защиту подсудимого не нарушил, поскольку об этом был извещен защитник подсудимого.

Говоря о *форме* постановления об изменении обвинения, отметим, что естественно, она должна быть письменной. Современные специалисты в этом контексте утверждают, что для действительности постановления обвинения необходимы ряд условий, в частности, постановление должно быть выполнено в письменной форме и должно содержать деяние или деяния, вменяемые в вину подсудимому, а также доказательства, на которых основывается более тяжкое обвинение [52, с. 313].

В таком постановлении в обязательном порядке указываются данные прокурора, номер уголовного дела и ФИО подсудимого, это так, называемая вводная часть постановления. Затем в мотивировочной части указываются фактические обстоятельства дела, юридическая квалификация содеянного, а также нормы УПК РМ, регламентирующие порядок изменения обвинения. И в завершении, в резолютивной части, непосредственно и излагается суть самого изменения обвинения, дата и подписи соответствующих лиц (прокурор, подсудимый, защитник либо представитель, законный представитель).

Примечательным на наш взгляд является то, что прокуроры в резолютивной части такого постановления указывают и на характеристику самого подсудимого.

Так, например, в Постановлении об изменении обвинения на более тяжкое в судебном заседании по уголовному делу № 2008020939, рассмотренном по существу судом

Рышкановка, в резолютивной части сказано: Изменить по настоящему уголовному делу в судебном заседании обвинение подсудимых Н.И.И., рожденного 12.05.1955 в России, г. Новосибирск, со средним образованием, военнообязанного, женатого, временно не работающего, проживающего по адресу *V. Crăsescu 61, mun. Chișinău*, гражданина Республики Молдова и подсудимого М.В.И., рожденного 05.07.1960 в Республике Молдова, *Strășeni, s. Zubrești*, со средним образованием, военнообязанного, женатого, временно не работающего, проживающего по адресу *V. Crăsescu 56, mun. Chișinău*, гражданина Республики Молдова, на более тяжкое, в соответствии с обязательными элементами преступления, предусмотренного ст. 186 ч. (2) п. п. b), d) Уголовного кодекса [40].

4.2. Институт отказа прокурора от обвинения

Считается, что полномочие обвинителя отказаться от обвинения при рассмотрении уголовного дела в суде впервые возникло в английском праве и выражалось юридической формулой «*nolle prosequi*» («отказываюсь от преследования»), однако до 1879 г. в Англии не существовало самостоятельной службы государственных обвинителей, а правом *nolle prosequi* пользовался генерал-атторней, осуществлявший надзорные полномочия за уголовным преследованием [163].

В настоящее время институт отказа от обвинения закреплен в законодательстве многих государств.

В данном контексте Трефилов А., осуществивший сравнительно-правовой анализ этого института отмечает следующее. В англо-саксонских странах, как правило, государственный обвинитель беспрепятственно может реализовать полномочие по отказу от обвинения, причем это влечет за собой полное и окончательное прекращение уголовного процесса. В романо-германских странах обычно прокурор либо вообще не наделен правом отказываться от обвинения, как, например, во Франции, либо он располагает такой возможностью, но законодатель устанавливает ему в этом определенные препятствия и барьеры. В Германии получил распространение континентальный подход в его смешанном варианте. Отсюда следует, что в Германии прокурор имеет право отказаться от обвинения, но только до начала рассмотрения уголовного дела по существу [179]. При этом, он подчеркивает, что в российском уголовном процессе также явно господствует романо-германский подход к институту отказа прокурора от обвинения. Несмотря на то, что в судебном разбирательстве направление деятельности прокуроров – поддержание

государственного обвинения, это вовсе не означает, что прокурор во всех случаях и во что бы то ни стало должен поддерживать обвинение. Прокурор руководствуется требованиями закона и своим внутренним убеждением, основанным на рассмотрении всех обстоятельств дела. Будучи государственным обвинителем, прокурор действует от имени государства и, как ответственный перед ним, поддерживает обвинение в строгом соответствии с законом, в пределах закона и в той мере, в какой оно находит подтверждение на судебном следствии. Объективность и независимость прокурора в суде подчеркивает установленная законом возможность для прокурора отказаться от поддержания государственного обвинения [179].

Прокурор отказывается от обвинения в суде, согласно ст.316 ч.3 УПК Румынии 1968 г. в случаях, исключающих предъявление уголовного иска, указанных в ст. 10 того же кодекса (которые сходны с обстоятельствами, исключающими уголовное преследование, указанные в ст.275 действующего УПК РМ).

В этой связи коллектив румынских исследователей под руководством *Vintilă Dongoroz* поясняют, что прокурор не обязан поддерживать обвинение любой ценой, но только в той мере, в какой существуют доказательства по делу и затем все данные, касающиеся дела и исполнителя, выявленные или установленные в ходе судебного расследования или судебных прений, он поддерживает основы обвинения [20, с. 167].

В этом же контексте отмечается в другом источнике из Румынии, что прокурор не обязан поддерживать обвинение в любых условиях, и не может ограничиваться ни одним необоснованным отказом от обвинения [60, с. 180]. Тем самым эти исследователи обосновывают как само существование института отказа в румынском уголовно-процессуальном законодательстве, так и прописывают условия его заявления.

К примеру, в одном из зарубежных источников отмечается, что прокурор имеет много обязательств и обязанностей, в том числе: а) неоспоримое убеждение в том случае, если он обвиняет. Если обвинитель не полностью убежден, в случае, если он/она обвиняет и достаточность доказательств против обвиняемого, то он/она не сможет выполнять свои обязанности [211, с. 90].

Отметим, что сохранилось это право прокурора и в новом УПК Румынии [32, ст. 363].

В соответствии со ст.217 УПК МССР 1961 г. регламентировался институт отказа прокурора от обвинения в суде [99, с. 208]. Исходя из положений ст.217 Уголовно-процессуального кодекса и ст.28 Закона «О прокуратуре» прокурор, будучи стороной судебной власти (Глава IX Конституции Республики Молдова) участвует в разбирательстве

всех уголовных дел и поддерживает или отказывает в поддержке государственного обвинения, соблюдая требования закона [25].

Существуют 3 основания, которые определяют решение прокурора об отказе от обвинения в суде [64 Цит. по 41, с. 222], отмечала *Vizdoagă T.* еще на момент действия старого УПК РМ (1961 г.). Автор утверждает, что самая распространенная - неправильная оценка доказательств прокурором; вторая - установлены иные обстоятельства, которых не могли быть известны в стадии уголовного преследования; и, наконец, но не в последнюю очередь, третья причина - обнаружение существенных нарушений требований УК и УПК [64 Цит. по 41, с. 222], таким образом, исследователь расшифровывает при этом содержание и смысл этих оснований, рассматривая их с позиции распространенности.

В Рекомендации № R (2000) 19 сказано, что прокуроры не должны предъявлять против обвиняемого доказательства, которые, как они знают или имеют достаточные основания подозревать, получены с нарушением закона [161].

Если прокурор не реагировал надлежащим образом на определенные упущения, допущенные в рамках досудебных стадий процесса, он должен публично признавать свои ошибки путем отказа от обвинения [64 Цит. по раб. 41, с. 222]. Данное утверждение, на наш взгляд, можно рассматривать только как один из аспектов реализации исследуемого института.

В данном контексте в свое время отмечал Мартынчик Е.Г., что поддержание прокурором государственного обвинения не устраняет его обязанности выявлять и принимать меры к устранению нарушений прав подсудимого [122, с. 20]. Он подчеркивал, что одним из выражений реализаций гарантий прав подсудимого является отказ прокурора от поддержания государственного обвинения, если оно не доказано [122, с. 20]. Тем самым, именитый ученый говорит о важной роли отказа от обвинения для подсудимого.

Ныне действующий молдавский уголовно-процессуальный закон относительно недавно закрепил данный институт. Часть (5) ст. 320 УПК РМ была введена законом Парламента №66 от 05.04.12, опубликована в *Monitorul Oficial* 27.07.12 и вступила в силу 27.10.12 г. О необходимости введения института отказа было изложено в законодательной инициативе, поданной одним из депутатов Парламента РМ. В законодательной инициативе изначально говорилось о внесении дополнений в ст. 53 УПК РМ и предлагалось, чтобы прокурора мог отказаться частично или полностью от обвинений, в том случае, если он убедился в том, что собранные доказательства не подтверждают выдвинутое обвинение; причины отказа от обвинения он излагает суду. Кроме того, в инициативе было указано, что

отказ от обвинения оформляется в письменном виде и влечет вынесение судебной инстанцией оправдательного приговора [42].

Действительно введение исследуемого института в действующий УПК РМ явилось острой необходимостью.

В принципе говорить о введении нормы в УПК РМ, регламентирующей основание, порядок и последствия отказа государственного обвинителя от обвинения, можно было на период подачи законодательной инициативы, уже хотя бы на основании некоторых норм УПК РМ.

В первую очередь, это определяется самой целью уголовного процесса, установленной в ч. (2) ст. 1 УПК РМ. В той связи *I. Serbinov u T. Vizdoagă*, отмечают, что цель уголовного процесса, среди прочего, обязывает компетентные органы организовывать свою деятельность таким образом, чтобы любое лицо, совершившее преступление, было наказан согласно вины, и ни одно невинное лицо не было привлечено к уголовной ответственности и осуждено.... Было показано, что цель уголовного процесса, одновременно с наказанием совершивших преступление согласно их виновности, включает в себя и недопустимость привлечения к уголовной ответственности и осуждение невинного лица. Таким образом, мотивированный отказ прокурора от обвинения, сопровождаемый вынесением некоторого оправдательного решения, или о прекращении производства по делу, несомненно, способствуют достижению целей уголовной процедуры [53, с. 315].

Институт отказа от обвинения вытекает также из некоторых общих условий судебного разбирательства. Например, ч. (2) ст. 314 УПК РМ, предусматривает, что судебная инстанция в ходе рассмотрения дела создает стороне обвинения и стороне защиты необходимые условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела.

В этой связи отметим, что для государственного обвинителя в суде требование: а) всесторонности означает, что он должен исследовать все возможные по делу версии, не только версию (и) обвинения, но и версию (и) защиты; б) полноты означает, что он должен собрать и исследовать все доказательства, устанавливающие как виновность подсудимого, так «констатирующие отсутствие события или состава преступления, либо недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления и при этом исчерпаны все» [112, с.160], предусмотренные уголовно-процессуальным законом возможности для собирания доказательств; в) объективности означает, что он должен одинаково, без предубеждения, предвзятости и только на основании закона исследовать как обвинительные, так и оправдательные доказательства [108, с. 210-211].

Прокурор не может и не должен быть заинтересован в осуждении невиновного, так как в отличие от защитника участвует в уголовном судопроизводстве не в личном качестве, а как представитель государства. [89]. В виду этого его деятельность, безусловно, должна быть направлена на установление фактических обстоятельств дела.

Комитет Министров государствам - членам Совета Европы дает следующую рекомендацию: прокуроры должны обеспечивать равенство перед законом, принимать надлежащие меры в отношении обвиняемого, а также принимать во внимание все необходимые обстоятельства, независимо от того, говорят ли они в пользу обвиняемого или наоборот [161].

В связи с этим, обратимся к практике других государств.

Так, ч.7 ст. 246 УПК РФ предусматривает: если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части... [184, ст. 246].

При этом российские специалисты акцентируют внимание на ряде проблем.

Например, Белкин А.Р., отмечает, что государственный обвинитель (и сторона обвинения вообще) имели немало возможностей для отказа от обвинения на досудебных стадиях производства. Коль скоро дело уже рассматривается судом, ничьё мнение не должно автоматически предопределять решение суда – в противном случае независимость суда превращается в фикцию, а функция отправления правосудия оказывается ущемленной [72]. Тем самым автор сеет разумное семя сомнений в существование самого института отказа от обвинения.

На основании этого вполне справедливо возникает вопрос: в какой конкретно момент судебного разбирательства прокурор может воспользоваться правом отказа от обвинения? По данному вопросу нет однозначного ответа. Одни процессуалисты считают возможным отказ в подготовительной части судебного заседания, другие же утверждают, что отказаться возможно исключительно после исследования всех имеющихся в деле доказательств, т.е. в прениях. Причем действующая норма УПК РФ также не дает четкого ответа на эти вопросы. Так в части (5) ст. 320 УПК РФ сказано: если в процессе судебного разбирательства рассмотренные судебной инстанцией доказательства в совокупности не

подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, прокурор обязан частично или полностью отказаться от обвинения. Отказ прокурора от обвинения осуществляется мотивированным постановлением и влечет за собой вынесение судебной инстанцией оправдательного приговора или приговора о прекращении производства по уголовному делу.

Ряд исследователей, например, Белкин А.Р., считают, что отказ прокурора от обвинения может быть заявлен и в ходе предварительного слушания. Обычно такой «внезапный» отказ прокурора обусловлен исключением каких-то важных элементов доказательственной базы, признанных недопустимыми доказательствами, – оставшегося набора доказательств уже не хватает для обвинения. Такой отказ от обвинения фактически равносителен прекращению дела на стадии предварительного расследования, поскольку по существу в суде дело так и не рассмотрено, а поэтому не встречает никаких возражений [72].

В условиях РМ, мы не можем согласиться с мнением данного автора, поскольку в РМ в сравнении с РФ, прокурор является активным участником процесса и на досудебной стадии уголовного судопроизводства, так как в соответствии со ст. ст. 51-52 УПК РМ, прокурор либо сам осуществляет уголовное преследование, либо руководит им. Обвинительное заключение, которое составляет прокурор, имеет большое значение - итог уголовного преследования, определяет рамки и пределы судебного разбирательства, с объявления его прокурором практически начинается судебное разбирательство. Оно должно отвечать определенным требованиям: быть объективным, должно отвечать требованиям стилистики и грамматики, быть обоснованным, т. е. четко ссылаться на норму УПК РМ и УК РМ. Прокурор, представляя государственное обвинение в суде, на основании составленного им же обвинительного заключения, должен быть уверен в том, что собраны достаточные доказательства виновности лица. И только на основании этого, не должна возникать необходимость отказываться от обвинения в суде на данной стадии, тем самым не утрачивается значение, как обвинительного заключения, так и деятельности прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства [180, с. 86].

Разделяем мнение Фоменко А.Н., согласно которому прокурор вправе заявлять об отказе от обвинения на этапе прений сторон. Именно здесь он получает возможность обосновать свое решение [194, с. 28]. В силу принципа процессуальной самостоятельности прокурора его позиция в суде не должна быть связана выводами обвинительного заключения или обвинительного акта и может основываться только на результатах

исследования доказательств по уголовному делу в судебном заседании [128, с.138]. Действительно это так, учитывая и то, что в силу ряда причин, сам процесс судебного разбирательства, а именно ход судебного расследования может оказаться для прокурора совершенно непредсказуемым и неожиданным.

Убеждение прокурора в том, что предъявленное подсудимому обвинение не подтверждается представленными доказательствами, не может быть безотчетным. Только после исследования всех доказательств у него может сложиться такое убеждение. Отказ прокурора от обвинения, когда материалы дела исследованы не в полном объеме, является преждевременным. Поэтому, правильным представляется вывод, что прокурор заявляет о своем отказе от обвинения по окончании судебного следствия, на этапе прений сторон. Именно здесь он получает возможность выступить и обосновать отказ от обвинения, а также изложить суду мотивы отказа (представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение) [89].

Действительно, именно на этой стадии, как у государственного обвинителя, так и у других участников уголовного судопроизводства, уже сложилась целостная картина происшедшего, когда исследованы и рассмотрены все доказательства, поэтому прения выступают своеобразным подведением итогов, как стороны обвинения, так и стороны защиты.

Исследуя данный институт еще только на стадии вынесенной законодательной инициативы по закреплению его в УПК РМ, мы задавались вопросом: в какой форме прокурор может или должен выражать отказ от обвинения? Исключительно в письменной, причем, в случае законодательного закрепления такой нормы, должна быть разработана определенная процессуальная форма отказа от обвинения. Почему? Ну, хотя бы в силу того, что в случае вынесения судом оправдательного приговора, данный процессуальный документ (имеется в виду письменный отказ прокурора от обвинения) может лечь в основу приговора, а именно в мотивировочную его часть. Также наличие письменного отказа является необходимым и для не соглашающего с данным заявлением прокурора потерпевшего [180, с. 86]. Поэтому совершенно справедливо, на наш взгляд, законодатель предусмотрел форму заявления такого отказа – мотивированное постановление.

В данном контексте некоторые молдавские специалисты предлагают, чтобы в целях исключения некоторых возможных злоупотреблений, целесообразно предусмотреть в УПК, чтобы любой отказ от обвинения прокурора в суде даже путем вынесения мотивированного постановления, был согласован с вышестоящим прокурором [54, с. 9]. С

одной стороны, такое предложение является вполне логичным, с другой стороны, может способствовать излишней «волоките» и как следствие, затягиванию судебного разбирательства, что является в принципе не желательным.

Еще одной из немаловажных проблем, возникающих по поводу исследуемого института в УПК РМ, является реакция суда на отказ прокурора от обвинения. Имеется в виду, естественно, правовая реакция, т.е. как должен или вправе поступить суд. Обязан ли суд незамедлительно прекратить производство по делу с вынесением соответствующего приговора, либо обязан ли суд вынести исключительно оправдательный приговор, либо суд вправе вынести самостоятельное решение, основанное на внутреннем убеждении. УПК РМ предусмотрел и это, поскольку в части (5) ст. 320 УПК РМ говорится, что «...влечет за собой вынесение судебной инстанцией оправдательного приговора или приговора о прекращении производства по уголовному делу».

Постановление Пленума Высшей Судебной Палаты nr. 12 din 24.12.2012 «*Cu privire la unele chestiuni ce vizează participarea procurorului la judecarea cauzei penale*» разъясняет часть (5) ст. 320 УПК РМ следующим образом: Если после судебных прений (*dezbaterile judiciare*) прокурор считает, что исследованные доказательства не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, в соответствии с ч. (5) ст. 320 УПК, он вынужден отказаться частично или полностью от обвинения и предоставить суду мотивированное постановление об отказе. Отказ прокурора от обвинения влечет за собой принятие судом оправдательного приговора или приговора о прекращении производства по уголовному делу. В случае частичного отказа прокурора от поддержания государственного обвинения при совокупности преступлений, при вынесении обвинительного или оправдательного приговора, может быть обжаловано в установленном порядке лишь в части обвинения, поддерживаемого прокурором.

Несмотря на то, что Постановления Пленума Высшей Судебной Палаты не носят обязательного характера, все же мы видим, что Высшая Судебная Палата четко разъясняет, что суд выносит либо оправдательный приговор, либо прекращает производство по уголовному делу, если прокурор после судебных прений отказывается от обвинения.

Кроме того, следует отметить, что норма, регламентирующая отказ прокурора от обвинения, не детализирует в каких конкретно случаях суд выносит оправдательный приговор, а в каких приговор о прекращении производства по делу. Также ничего не сказано и о самом содержании постановления прокурора об отказе от обвинения.

Однако, на наш взгляд, основания для вынесения либо оправдательного приговора, либо приговора о прекращении по делу, должны быть непосредственно указаны в самом постановлении прокурора об отказе от обвинения, и уже на основе именно этого, повлечет вынесение судом того или иного приговора.

Так, в соответствии со ст. 390 УПК РМ оправдательный приговор постановляется в случае, если:

- 1) не установлено наличие события преступления;
- 2) подсудимый не совершил деяние;
- 3) деяние подсудимого не содержит элементы преступления;
- 4) деяние не предусмотрено уголовным законом;
- 5) существует одна из причин, устранивающих уголовный характер деяния.

Кроме того, в данной статье четко прописано последствие вынесения такого приговора для подсудимого: оправдательный приговор влечет полную реабилитацию подсудимого. Право на реабилитацию также закреплено и в части (3) ст. 66 УПК РМ, в которой указано, что в случае, если обвинение не подтвердилось, обвиняемый, или в зависимости от обстоятельств, подсудимый имеет право на реабилитацию.

Следовательно, если в результате судебного разбирательства государственному обвинителю не удастся:

1. *доказать*: наличие события преступления, доказать виновность подсудимого в совершении преступления;

2. *опровергнуть* факт того, что: деяние подсудимого не содержит элементы преступления, деяние не предусмотрено уголовным законом, существует одна из причин, устранивающих уголовный характер деяния (т.е. установлены обстоятельства, предусмотренные ст. ст. 35-40¹ УК РМ),

в результате чего прокурор придет к убеждению, что выдвинутое и поддерживаемое им обвинение в суде нашло своего подтверждения, прокурор обязан полностью или частично отказаться от обвинения. Таким образом, оправдательный приговор будет вынесен судом в случае отказа прокурора от обвинения в результате установления прокурором любого из оснований, перечисленных в ст. 390 УПК РМ.

В соответствии со ст. 391 УПК РМ, приговор о прекращении производства по делу выносится в случае, если:

1. отсутствует жалоба потерпевшего, жалоба отозвана или стороны примирились;
2. наступила смерть подсудимого;

3. лицо не достигло возраста привлечения к уголовной ответственности;
4. существует окончательное судебное решение в отношении того же лица по тому же деянию;
5. существует решение органа уголовного преследования в отношении того же лица по тому же деянию о прекращении уголовного преследования, или о выведении лица из-под уголовного преследования и привлечения, или о прекращении уголовного судопроизводства;
6. существуют другие обстоятельства, исключающие или обуславливающие начало уголовного преследования и привлечение к уголовной ответственности, а также
7. в случаях, предусмотренных статьями 54-56 УК РМ

Говоря об основаниях вынесения приговора о прекращении производства по делу, необходимо учитывать и ст. 332 УПК РМ.

Статья 332 УПК РМ предусматривает, что в случае установления в ходе рассмотрения дела одного из оснований, предусмотренных пунктами 5) – 9) статьи 275, пунктами 1), 2), 4), 5) части (1) статьи 285, а также в случаях, предусмотренных статьями 53 – 60 Уголовного кодекса, судебная инстанция обоснованным приговором прекращает производство по соответствующему делу.

Таким образом, в данной части в качестве оснований для прекращения производства по делу предусматриваются те же, что и в ст. 391 УПК РМ, но уже с позиции:

- обстоятельств, исключающих уголовное преследование, указанных в ст. 275 УПК РМ (наступила смерть исполнителя деяния; отсутствует жалоба пострадавшего – в случае, если уголовное преследование начинается согласно статье 276 только на основании его жалобы, – или предварительно заявленная жалоба была отозвана; в отношении лица имеется окончательное судебное решение по тому же обвинению или такое же судебное решение, которым была установлена невозможность осуществления уголовного преследования по тем же основаниям; в отношении лица существует неотмененное решение об отказе начать уголовное преследование или о прекращении уголовного преследования по тому же обвинению; имеются другие предусмотренные законом обстоятельства, которые обуславливают исключение или, в зависимости от обстоятельств, исключают уголовное преследование);

- оснований для прекращения уголовного преследования (в случаях не реабилитации лица, предусмотренных пунктами 4) – 9) статьи 275, при наличии хотя бы одного из обстоятельств, указанных в статье 53 Уголовного кодекса, или в случае, если установлено,

что: 1) предварительно заявленная жалоба была отозвана потерпевшим или стороны помирились – в случаях, когда уголовное преследование может быть начато только на основании предварительно заявленной жалобы или уголовный закон допускает примирение; 2) лицо не достигло возраста для привлечения к уголовной ответственности; 3) лицо совершило наносящее вред деяние в состоянии невменяемости и не нуждается в применении принудительных мер медицинского характера);

- оснований для освобождения лица от уголовной ответственности (ст. ст. 53 – 60 УК РМ).

Учитывая, что по сути основания, предусмотренные и в ст. 332 УПК РМ, и в ст. 391 УПК РМ одни те же, для краткости, в дальнейшем будем говорить только лишь о ст. 391 УПК РМ.

С гипотетической точки зрения, полагаем, что прокурор обязан и может отказаться от обвинения с тем, чтобы в дальнейшем суд вынес приговор о прекращении производства по делу не по всем основаниям, указанным в ст. 391 УПК РМ, исходя из того, что в ч. (5) ст. 320 УПК РМ говорится «... если в процессе судебного разбирательства рассмотренные судебной инстанцией доказательства в совокупности не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения».

Такое основание как *отсутствует жалоба потерпевшего*, практически мы не можем рассматривать в качестве мотива для отказа от обвинения. Прокурор как лицо, осуществляющее или руководящее уголовным преследованием, и являющееся непосредственно составителем обвинительного заключения, должен быть прекрасно осведомленным в том плане, что жалоба потерпевшего отсутствует в тех случаях, когда она является обязательной для начала уголовного преследования (ч. (1) ст. 276 УПК РМ) и соответственно для его дальнейшего осуществления. С другой стороны, если предположить, что, несмотря на *отсутствие жалобы потерпевшего*, уголовное преследование все же было осуществлено, то такой факт будет свидетельствовать не просто о невнимательности прокурора при составлении обвинительного заключения, а скорее о его низкой квалификации, незнании норм уголовно-процессуального законодательства РМ, что в принципе является недопустимым. Но это вовсе не означает, что «рассмотренные судебной инстанцией доказательства в совокупности не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения», как того требует ст. 320 УПК РМ. Речь идет о нарушении процедуры начала и осуществления уголовного преследования, а не о недоказанности обвинения.

Такие основания как, *жалоба отозвана* или *стороны примирились*, на наш взгляд, также не стоит рассматривать в качестве основания для отказа прокурора от обвинения. Поскольку отзыв жалобы является правом потерпевшего, закрепленным в п. 12 части (1) ст. 60 УПК РМ, а правом примириться стороны могут воспользоваться в соответствии со ст. 109 УК РМ и с п. (29) ч. (2) ст. 66 УПК РМ. Данные основания не зависят от государственного обвинителя и от его поддержания обвинения. То есть возникновение этих оснований не может быть следствием недоказанности обвинения. Поэтому прокурор в таких случаях не может отказываться от обвинения, а может либо подавать ходатайство о прекращении производства по делу, либо поддержать соответствующее заявление, поданное другим участником судопроизводства. Об этом также свидетельствует и проанализированная нами судебная практика, поскольку в случаях примирения, прокурор ни разу не отказался от обвинения, а подавал ходатайство либо поддерживал заявление другого лица.

Следующее основание – *наступила смерть подсудимого* – также не свидетельствует о том, что обвинение в суде не подтвердилось. Если рассматривать обвинение с позиции, что *«обвинение – это аргументированный тезис о совершенном преступлении, который в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона утверждается, предъявляется, представляется, изменяется, дополняется и поддерживается прокурором»*, то наличие факта наступления смерти подсудимого не опровергает то, что именно подсудимый совершил инкриминируемое преступное деяние. Поэтому, считаем, в таком случае прокурор не обязан отказываться от обвинения, а ему следует ходатайствовать перед судебной инстанцией о прекращении производства по делу, как например, прокурор поступил по ранее представленному нами уголовному делу № 1-202/2013 (Приговор Суда Тараклия от 04 марта апреля 2014).

Следует отметить, что жалобу могут отозвать, стороны могут примириться либо смерть подсудимого может наступить в любой части рассмотрения дела в суде первой инстанции, соответственно и ходатайство прокурора о прекращении производства по делу может быть подано на любом этапе. В отличие от постановления об отказе от обвинения, которое по нашему убеждению, может быть подано лишь на этапе судебных прений.

Анализируя следующее основание, а именно *лицо не достигло возраста привлечения к уголовной ответственности*, отметим следующее. А. Айрапетян верно поясняет, что дело разрешается судебной инстанцией в соответствии с п. 3) ст. 391 УПК постановлением приговора о прекращении производства по делу, если подсудимый не является субъектом

преступления, т.е. не подпадает под возрастные критерии, предусмотренные в ст. 21 УК РМ [69, с. 25]. Однако, если учитывать тот факт, что поскольку субъект преступления выступает его элементом, возникает вопрос, почему законодатель данный признак субъекта – *возраст*, выделяет в качестве основания для прекращения производства по делу, в то время как об отсутствии элементов преступления речь идет в п.(3) части (1) ст. 390 УПК РМ, что является основанием для вынесения оправдательного приговора? Так, вышеуказанный молдавский ученый, в другой своей работе, рассматривая основания постановления оправдательного приговора, утверждает, что во всех случаях, когда в действиях нет всех необходимых элементов состава того или иного преступления по объекту, объективной стороне, субъекту или субъективной стороне, судебная инстанция обязана была вынести оправдательный приговор [68, с. 99]. Подробно рассматривая это основание, автор отмечает, что в действующем Постановлении Пленума Высшей судебной палаты под отсутствием в деянии состава преступления обозначены следующие случаи³: отсутствует предусмотренные законом условия для признания наличия состава преступления [68, с. 100]. В этой связи поясним, что автор ссылается на ППВСР от 24.04.2000 года, в то время как на сегодняшний день действует ППВСР от 19.06.2006 года, в котором основания для вынесения различных видов приговоров лишь перечисляются, но не объясняются.

Возвращаясь к рассматриваемой проблеме, отметим, что в любом случае, такое основание может быть основанием отказа прокурора от обвинения с дальнейшим вынесением соответствующего приговора.

Следующие два основания, а именно: *существует окончательное судебное решение в отношении того же лица по тому же деянию и существует решение органа уголовного преследования в отношении того же лица по тому же деянию о прекращении уголовного преследования, или о выведении лица из-под уголовного преследования и привлечения, или о прекращении уголовного судопроизводства* не могут выступать основанием для вынесения прокурором мотивированного постановления об отказе от обвинения. Поскольку в отношении установления этих фактов в суде деятельность прокурора нельзя рассматривать в том плане, что он не смог доказать обвинение или опровергнуть доказательства стороны защиты. Тем самым, в данном случае, неуместно было бы говорить о том, что

³ Прим. Автор перечисляет все случаи, указанные в ППВСР РМ. Мы же приводим в пример только последний случай в контексте рассматриваемой нами проблемы.

рассмотренные в суде доказательства в совокупности не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения.

И последнее основание, предусмотрено п. 7) части (1) ст. 391 УПК РМ, т.е. *в случаях, предусмотренных статьями 54-56 Уголовного кодекса*, можно рассматривать, как основание для отказа прокурора от обвинения, поскольку прокурору при рассмотрении в суде данных оснований, не удастся доказать обратное. Следовательно, деятельность прокурора в суде первой инстанции в данном случае сводится к поддержанию обвинения как такового и рассмотрению возможности освобождения подсудимого от уголовной ответственности несовершеннолетнего, освобождения от уголовной ответственности с привлечением к ответственности за правонарушения либо освобождения от уголовной ответственности в связи с добровольным отказом от совершения преступления. Вполне логичным, на наш взгляд, является то, что прокурор может отказаться от обвинения при установлении целесообразности не привлечения лица к уголовной ответственности. Считаем уместным заявлять такой отказ также на этапе *судебных прений*, когда будут рассмотрены все доказательства в совокупности. Кроме того, личность подсудимого «распознана» и представлена сторонами с разных позиций, поэтому у прокурора на данном этапе наиболее полно сформируется внутреннее убеждение о возможности неприменения уголовного наказания к подсудимому.

Часть (2) ст. 391 УПК РМ уточняет, в случаях, предусмотренных частью (2) ст. 332, судебная инстанция прекращает производство по делу с применением административной санкции, предусмотренной Кодексом Республики Молдова о правонарушениях.

Из анализа оснований, предусмотренных законодателем для вынесения оправдательного приговора либо приговора о прекращении производства по делу на предмет их возможного рассмотрения в качестве мотивированного основания для вынесения прокурором постановления об отказе от обвинения, на наш взгляд следует, что не все из перечисленных в ст.ст. 390, 391, 332 УПК РМ могут быть основанием отказа от обвинения. Поэтому, считаем целесообразным часть (5) ст. 320 УПК РМ изложить в следующей редакции:

(5) Если в процессе судебного разбирательства рассмотренные судебной инстанцией доказательства в совокупности не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, прокурор *в судебных прениях* обязан частично или полностью отказаться от обвинения. Отказ прокурора от обвинения осуществляется мотивированным постановлением;

(5¹) *Отказ прокурора от обвинения влечет за собой вынесение судебной инстанцией оправдательного приговора по основаниям, предусмотренным ст. 390 настоящего кодекса;*

(5²) *Отказ прокурора от обвинения влечет за собой вынесение судебной инстанцией приговора о прекращении производства по уголовному делу по основаниям, предусмотренным в п. 3, п. 7 части (1) и части (2) ст. 391 настоящего кодекса.*

Многие исследователи обращают пристальное внимание на проблему последствий отказа от обвинения для потерпевшего.

Государственный обвинитель и при поддержании обвинения, и при отказе от него оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению. Однако внутреннее убеждение потерпевшего, как участника стороны обвинения, может не совпадать с мнением прокурора. Несмотря на это, в случае отказа прокурора от обвинения потерпевший лишен права изложить суду основания своего убеждения в том, что вина подсудимого в ходе судебного следствия не доказана. Таким образом, потерпевший лишается и права на доступ к правосудию, и компенсации причиненного ущерба. [128, с. 139].

Кроме того, учитывая, что потерпевший в уголовном судопроизводстве является участником стороны обвинения, поэтому в силу принципа состязательности (ст. 24 УПК РФ), наравне с другими сторонами, участвующими в уголовном судопроизводстве, пользуется равными правами и наделен равными возможностями в защите своей позиции. Следовательно, в том случае, когда потерпевший не согласен с тем, что прокурор отказывается от обвинения, и у него нет реальной возможности защитить свою позицию?

Эти обстоятельства, по нашему мнению, могут свидетельствовать о нарушении ст. 6 (Право на справедливое судебное разбирательство) и ст. 13 (Право на эффективное средство правовой защиты) ЕКПЧ. Данная проблема, так или иначе, рассматривается, например, Багаутдиновым Ф. и Васиным А. [70] и другими исследователями.

В связи с этим, современные специалисты предлагают свое разрешение этой проблемы.

А. Н. Фоменко предлагает ввести в связи с этим положение, устанавливающее в случае отказа от обвинения обязательную процедуру согласования позиции прокурора и потерпевшего. Это, по его мнению, во-первых, исключило бы элемент неожиданности такого отказа для потерпевшего; во-вторых, способствовало бы более взвешенному подходу со стороны не только государственного обвинителя, но и прокурора, утвердившего обвинительное заключение или обвинительный акт. Все это обеспечило бы реальную

возможность принять правильное решение, гарантировало защиту прав потерпевшего на отстаивание своей позиции [192]. Однако, считаем, что данное предложение не решает проблему в том случае, если потерпевший принципиально не согласен с мнением государственного обвинения о какой процедуре согласования позиций может идти речь? В этой связи другой российский исследователь, С. Бояров, говорит о возможности подписания официального письменного отказа потерпевшего [77, с. 59]. И это тоже по нашему мнению не решает данной проблемы.

В данном аспекте исследовательский интерес вызывает предложение Михайлова А.А., в соответствии с которым, в УПК следует внести изменения, закрепляющие право потерпевшего поддерживать обвинение в случае отказа от него прокурора [127, с. 10].

Жумаканова Н.А. предлагает свое решение, а именно указывает на необходимость дополнить УПК положением, согласно которому при несогласии потерпевшего с отказом государственного обвинителя от обвинения суд должен предложить потерпевшему поддерживать обвинение самостоятельно. И если потерпевший согласится с этим, то суд в силу принципа состязательности и равенства сторон должен будет назначить потерпевшему адвоката-представителя по аналогии с назначением защитника обвиняемому. Назначив потерпевшему адвоката-представителя, суд обязан предоставить ему время для ознакомления с материалами уголовного дела [93, с. 10].

Да, действительно, в том случае, когда потерпевший согласится с мнением прокурора, и пусть это будет также выражено в письменной форме, проблем не возникает. А как поступить, когда согласия потерпевшего нет ни в письменной, ни в устной форме? Дать возможность потерпевшему самому поддерживать обвинение?

Но вряд ли это может быть оправданным, поскольку в УПК РМ, нет нормы, устанавливающей право потерпевшего на поддержание обвинения, т.е. отсутствует институт частного обвинения, как это закреплено, например, в УПК Белоруссии [183, ст. 51].

В теории уголовного процесса рассматривается институт «субсидиарного», т.е. дополнительного обвинения.

Субсидиарное обвинение, отмечает Фоменко А.Н., известно главным образом по зарубежному правовому опыту, но и в законодательной практике иностранных государств также нет единообразия в понимании содержания этого института. Так, например, в Польше потерпевший может выступить в качестве субсидиарного обвинителя в делах публичного обвинения, возбужденных по инициативе государственного органа или по

частной жалобе, когда прокурор участвует в деле, то есть наряду с ним. В соответствии с румынским законодательством, потерпевший участвует в уголовном деле в части обвинения на равных правах с другими участниками процесса, обладая дополнительным и исключительным правом поддерживать обвинение. В Югославии же потерпевший участвует в уголовном процессе как субсидиарный обвинитель лишь по делам публичного обвинения, в которых прокурор не усмотрел оснований для возбуждения уголовного преследования или в ходе процесса от него отказался. Венгерскому законодательству неизвестен институт субсидиарного обвинения, однако в теории существует представление о субсидиарном обвинителе, который бы мог выступать перед судом в качестве стороны наряду с прокурором [193].

Кукель В.В. утверждает, что субсидиарное обвинение предполагает участие в поддержании обвинения другого обвинителя в случае отказа от обвинения основного обвинителя. Субсидиарный обвинитель является дополнительным в процессе поддержания обвинения, и если обязательным государственным обвинителем выступает прокурор, то субсидиарным – потерпевший (в случае отказа прокурора от обвинения). Субсидиарный обвинитель (потерпевший) в данном случае получает все права государственного обвинителя и выделяется из процессуальных участников стороны обвинения как лицо, действительно поддерживающее обвинение, обличающее подсудимого и способное требовать назначения конкретного наказания подсудимому, преследуя при этом свой личный интерес, поскольку государство от публичного отстаивания отказалось в лице государственного обвинителя. Данные предположения заслуживают внимания, тем более, что зарубежный опыт функционирования уголовно-процессуального законодательства свидетельствует, что субсидиарное обвинение успешно функционирует как институт и приносит реальные результаты в сфере защиты потерпевших от преступлений [109, с. 80-81].

Противоположное мнение высказывают Тушев А. и Демидов И. Они, ссылаясь на ч. (2) ст. 14 УПК РФ (Презумпция невиновности), считают, что бремя доказывания обвинения и опровержения доводов в защиту обвиняемого лежит только на прокуроре [89]. Хотя согласно букве закона, в этой статье говорится не о прокуроре, а о стороне обвинения, к которой и по УПК РФ, и по УПК РМ относится, безусловно, помимо прокурора, потерпевший. Далее авторы отмечают, что именно поэтому отказ прокурора от обвинения влечет за собой безусловное прекращение судом уголовного дела. Несогласие потерпевшего с такой позицией прокурора более не имеет значения «veto», он не может блокировать прекращение дела судом и брать на себя бремя доказывания обвинения, от

которого отказался прокурор, выступать в роли так называемого субсидиарного обвинителя [89].

Справедливо отмечает в данном аспекте Фоменко А.Н., что поскольку, государственный обвинитель, как правило, это квалифицированный специалист, который хорошо разбирается как в вопросах поддержания обвинения, так и в остальных, связанных с уголовным судопроизводством. Для потерпевшего совершение определенных процессуальных действий является правом, а прокурор — это должностное лицо, обязанное выступать в защиту лица от имени государства [193, с. 28].

В связи с этим, потерпевший вряд ли способен будет самостоятельно и на должном уровне поддерживать обвинение в суде. Если рассматривать проблему с гипотетической точки зрения, то естественно, не возникнет процессуальных трудностей, в том случае, если интересы потерпевшего будет представлять профессионал, т. е. если потерпевший воспользуется правом быть представленным выбранным адвокатом, а в случае отсутствия средств для оплаты услуг адвоката быть представленным в соответствии с законом адвокатом, который предоставляет юридическую помощь, гарантированную государством (п. 18. ч. (1) ст. 60 УПК РМ). В связи с этим, считаем данную проблему открытой. Поскольку, в любом случае возможность опротестовать мотивированное постановление прокурора об отказе от обвинения у потерпевшего либо у его представителя появиться лишь на стадии обжалования, поскольку в соответствии со ст. 376 УПК РМ, дополнительные разъяснения, заявления и ходатайства подаются и разрешаются до судебных прений. После прений у сторон отсутствует право подавать заявления или ходатайства.

Рассматривая абсолютно противоположные взгляды на возможность существования «субсидиарного обвинения», обратимся к Постановлению Конституционного суда №9 от 20.05.2008 г., в котором хотя и не рассматривается в принципе институт отказа от обвинения, но представлена проблема одного из прав потерпевшего (право на обжалование) в УПК РМ.

Конституционный суд отмечает, что одним из основных принципов правового государства является принцип универсальности прав и свобод, закрепленных Конституцией и другими законами, и предусмотренных ими обязанностей (ст. 15 Конституции) [23]. Кроме того, Конституционный суд поясняет, что в Рекомендации № (85) 11 Комитета Министров Совета Европы о положении потерпевшего в рамках уголовного дела и процесса, принятой 28 июня 1985 года, подчеркивается, что основной функцией уголовного правосудия должно быть удовлетворение запросов и защита интересов

потерпевшего, ему должно быть предоставлено право просить о пересмотре компетентным органом решения о не преследовании или право возбуждать частное разбирательство. Согласно УПК потерпевший является стороной в уголовном судопроизводстве. По определению, данному в пункте 29) ст. 6 УПК, сторона процесса – это лица, выполняющие в ходе уголовного судопроизводства функции обвинения или защиты на основе равноправия и принципа состязательности. Статья 24 УПК указывает, что участвующие в уголовном судопроизводстве стороны пользуются равными правами и наделены уголовно-процессуальным законом равными возможностями в защите своей позиции. Суд основывает приговор лишь на тех доказательствах, к участию в которых стороны имели равный доступ. Стороны процесса избирают свою позицию, способы и средства ее отстаивания самостоятельно и независимо от суда, других органов и лиц [23].

В особом мнении, изложенном на основании ст. 27 ч. (5) Закона о Конституционном суде и ст. 67 Кодекса конституционной юрисдикции, выраженном к Постановлению Конституционного суда об исключительном случае не конституционности положения пункта 3) ч. (1) ст. 401 УПК РМ, на наш взгляд, вполне верно рассматривается сам институт государственного обвинения и поэтому логически соотносится и исследуемому нами вопросу. Автор особого мнения отмечает, законодателем соблюден принцип уголовно-процессуального права смешанного обвинения, применяемого в Республике Молдова, а для категории дел, производство по которым **не** начинается по предварительной жалобе потерпевшего, применен принцип **публичного обвинения**, согласно которому уголовная сторона дела является вопросом публичного, а не частного интереса [23]. Далее автор поясняет, что согласно принципу публичного обвинения **отношения в уголовном праве возникают между государством и обвиняемым**, а между потерпевшим и обвиняемым такого рода отношения возникают только тогда и в той мере, в которой преступлением нанесен имущественный или неимущественный ущерб. Роль государственного обвинителя в соответствии с данным принципом отведена государственному органу, в нашей правовой системе – прокурору, который вовлекает потерпевшего в процесс, не наделяя его обвинительной функцией [23]. Исходя из этого, реализовывать обвинительную функцию, в том числе поддерживать обвинение, вправе только прокурор. Да, на данный момент, это верно. Однако такое положение дел, существующее в условиях современного уголовно-процессуального закона, все же свидетельствует о том, что в случае отказа прокурора от обвинения при несогласии с этим потерпевшего, его процессуальные права нарушаются. Учитывая то, что Конституционный суд в представленном Постановлении, говорит о

равных правах сторон уголовного судопроизводства, в этой связи, пожалуй, согласимся со сторонниками «субсидиарного» обвинения.

Но считаем, что правом на «субсидиарное» обвинение потерпевший может воспользоваться не при всех случаях полного или частичного отказа прокурора от обвинения. Это, на наш взгляд, зависит от тех оснований, которые легли в основу постановки мотивированного постановления об отказе. Такая возможность у потерпевшего может быть лишь по тем основаниям, которые мы предлагаем уточнить в ч. (5) ст. 320 УПК РМ, за исключением п.3) части (1) ст. 391 УПК РМ (т.е. в случае, если подсудимый не достиг возраста уголовной ответственности), т.к. не представляется возможным поддерживать обвинение в отношении лица, которое не отвечает требованиям, выдвигаемым уголовным законом к субъекту преступления.

4.3. Выводы к главе 4

1. Изменение обвинения в судебном заседании представляет собой одно из полномочий прокурора, которым в суде первой инстанции он вправе воспользоваться до судебных прений;

2. Данное полномочие включает в себя одновременно и право, и обязанность. *Право* – ходатайствовать перед судебной инстанцией об изменении обвинения. *Обязанность* - не нарушать право подсудимого на защиту, что является элементом права на справедливое судебное разбирательство.

3. Государственный обвинитель вправе изменить обвинение как на более мягкое, так и на более тяжкое.

4. Основанием изменения обвинения на более мягкое является убеждение прокурора в том, что: а) в деянии подсудимого не присутствуют все признаки деяния, изначально инкриминируемого подсудимому; б) фактически имеет место деяние, привлечение к уголовной ответственности за которое имеет более мягкое последствие, нежели за деяние, вменяемое ранее подсудимому.

5. Изменить обвинение на более тяжкое можно тремя способами, которые отличаются между собой основаниями и процедурой: а) если исследованные в судебном заседании доказательства неопровержимо свидетельствуют о том, что подсудимый совершил более тяжкое преступление, чем то, которое вменялось ему в вину ранее, б) если в ходе судебного разбирательства выясняется, что подсудимым совершено другое преступление или возникли новые обстоятельства, которые влияют на юридическую

квалификацию предъявленного ему обвинения, в) если в ходе судебного разбирательства выясняется, что вменяемое ему преступление совершено в соучастии с другим лицом, необоснованно или незаконно выведенным из-под уголовного преследования.

6. Законодатель в качестве *процессуальной формы* изменения обвинения конкретизирует лишь *постановление* при изменении обвинения на более тяжкое, но прямо не устанавливает таковую при изменении обвинения на более мягкое. В этой связи считаем, что п. (4) ч. (1) ст. 53 УПК РМ нуждается в уточнении, поэтому предлагаем его изложить в следующей редакции: *«обращается в судебную инстанцию с ходатайством об изменении юридической квалификации преступления, совершенного подсудимым, если в судебном расследовании подтверждается, что подсудимый совершил другое преступление, чем вменялось ему первоначально. Изменение юридической квалификации осуществляется мотивированным постановлением об изменении обвинения»*.

7. Мотивированное постановление предполагает детальное и четкое изложение оснований для изменения обвинения, в противном случае может быть отклонено судебной инстанцией как необоснованное.

8. Отказ прокурора от обвинения, также, как и изменение обвинения, представляет собой одно из полномочий прокурора в суде первой инстанции, но в отличие от изменения обвинения, является его обязанностью.

9. Полномочия прокурора по заявлению отказа от обвинения являются проявлением функции установления фактических обстоятельств дела. Законодательная норма об отказе от обвинения соответствует целям уголовного судопроизводства в том плане, чтобы ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

10. Исследование оснований, предусмотренных законодателем для вынесения оправдательного приговора либо приговора о прекращении производства по делу в контексте их рассмотрения в качестве мотивированного основания для вынесения прокурором постановления об отказе от обвинения, на наш взгляд дает возможность говорить о том, что не все из перечисленных в ст.ст. 390, 391, 332 УПК РМ могут быть основанием отказа от обвинения. В этой связи считаем целесообразным часть (5) ст. 320 УПК РМ изложить в следующей редакции:

(5) Если в процессе судебного разбирательства рассмотренные судебной инстанцией доказательства в совокупности не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, прокурор *в судебных прениях* обязан частично или полностью отказаться от

обвинения. Отказ прокурора от обвинения осуществляется мотивированным постановлением;

(5¹) Отказ прокурора от обвинения влечет за собой вынесение судебной инстанцией оправдательного приговора по основаниям, предусмотренным ст. 390 настоящего кодекса;

(5²) Отказ прокурора от обвинения влечет за собой вынесение судебной инстанцией приговора о прекращении производства по уголовному делу по основаниям, предусмотренным в п. 3, п. 7 части (1) и части (2) ст. 391 настоящего кодекса.

11. Регламентирование института отказа прокурора от обвинения не регулирует на сегодняшний день случаи несогласия потерпевшего с заявленным отказом прокурора от обвинения. Это обстоятельство, по нашему мнению, может свидетельствовать о нарушении прав потерпевшего, как стороны уголовного судопроизводства. Учитывая, что УПК РМ закрепляет равенство прав сторон уголовного судопроизводства, в этой связи, соглашаемся со сторонниками «субсидиарного» обвинения. Однако считаем, что правом на «субсидиарное» обвинение потерпевший может воспользоваться не во всех случаях полного или частичного отказа прокурора от обвинения, что зависит от тех оснований, которые легли в основу постановки мотивированного постановления об отказе. Субсидиарное обвинение возможно лишь по тем основаниям, которые мы предлагаем уточнить в ч. (5) ст. 320 УПК РМ, за исключением п.3) части (1) ст. 391 УПК РМ (т.е. в случае, если подсудимый не достиг возраста уголовной ответственности), т.к. не представляется возможным поддерживать обвинение в отношении лица, которое не отвечает требованиям, выдвигаемым уголовным законом к субъекту преступления.

12. Поскольку институт «субсидиарного» обвинения, а также непосредственно права потерпевшего в уголовном судопроизводстве, не являются целью и предметом нашего исследования, а рассматривались нами исключительно в контексте института «отказа от обвинения», считаем не вполне уместным делать какие-либо конкретные рекомендации в отношении совершенствования УПК РМ в части закрепления в нем конкретной нормы, «субсидиарное обвинение». Высказываем лишь свою точку зрения о возможности закрепления такого института в УПК РМ.

ОБЩИЕ ВЫВОодЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Проведенное исследование института участия прокурора в суде первой инстанции при рассмотрении уголовных дел, теоретическую основу которого составили научные изыскания как молдавских, так и зарубежных специалистов в области уголовно-процессуального права, а также материалы судебной практики, способствовало тому, что **в рамках данного диссертационного исследования была разрешена важнейшая научная,** которая состоит в *концептуализации* института полномочий прокурора в суде первой инстанции, в результате чего *оптимизируется* деятельность прокурора в суде первой инстанции, что позволяет повысить *эффективность* уголовного судопроизводства.

Основные результаты проведенного исследования могут быть выражены в постановке и утверждении следующих общих выводов:

1. Целью участия прокурора в суде первой инстанции выступает установление фактических обстоятельств дела, направленных на вынесение законного и справедливого приговора. Цель должна обладать определенными характеристиками или свойствами: социально значима; закономерна и законна; удовлетворяет требования одной из сторон в процессе; является результатом реализации механизма уголовного судопроизводства [172, с. 312].

2. Прокурор в суде первой инстанции реализует следующие функции: обвинения и поддержания обвинения; правозащитную функцию; функцию установления фактических обстоятельств дела; функцию борьбы с преступностью; правовоспитательную функцию [189, с. 135].

3. Уголовно-процессуальное законодательство не содержит понятие «обвинение». В теории уголовного процесса сформированы три основные научные концепции «обвинения»: материальная, процессуальная и материально-процессуальная [191, с. 257].

4. В доктрине не существует однозначного подхода в отношении категорий «правовой статус» и «структура правового статуса». Считаем, что правовой статус - это правовое состояние субъекта правоотношений. Структуру правового статуса составляют: правовые нормы, устанавливающие данный статус, права и обязанности (полномочия), гарантии установленных прав, ответственность [171, с. 237].

5. Прокурор обладает единым правовым статусом ответственного должностного лица и различным процессуальным статусом участника уголовного

судопроизводства. Сущностным содержанием процессуального статуса прокурора выступают его полномочия в различных стадиях уголовного судопроизводства [171, с. 237].

6. Роль прокурора в предварительном заседании сводится к отстаиванию собственной обвинительной позиции и требует от него активного и ответственного участия, направленного на создание платформы для поддержания государственного обвинения [173, с. 194].

7. Роль прокурора в подготовительной части судебного заседания выражена в создании и обеспечении условий для успешного поддержания обвинения в судебном расследовании и прениях, что также требует от него активного и ответственного участия [171, с. 239].

8. В стадии судебного расследования прокурор реализует функцию поддержания государственного обвинения [171, с. 245]. Поддержание обвинения - это совокупность процессуально - тактических действий, направленных на обоснование обвинительной позиции. Главным направлением деятельности государственного обвинителя является его участие в исследовании доказательств путем непосредственного и активного доказывания виновности подсудимого.

9. Участие прокурора в судебных прениях является итоговым и решающим инструментом поддержания государственного обвинения. Реплика является дополнительной возможностью, дающей право прокурору поддержать обвинительную позицию.

10. Изменение обвинения прокурором в суде первой инстанции является полномочием прокурора, которое порождает для него право подавать в судебную инстанцию ходатайство и одновременно обязанность не нарушать право подсудимого на защиту, которое является составным элементом права на справедливое судебное разбирательство.

11. Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает 4 вида изменения обвинения прокурором в суде первой инстанции, отличающиеся между собой основаниями и процессуальной процедурой: изменение обвинения на более мягкое; изменение обвинения на более тяжкое, если исследованные в судебном заседании доказательства неопровержимо свидетельствуют о том, что подсудимый совершил более тяжкое преступление, чем то, которое вменялось ему в вину ранее; изменение обвинения на более тяжкое, если в ходе судебного разбирательства выясняется, что подсудимым совершено другое преступление или возникли новые обстоятельства, которые влияют на

юридическую квалификацию предъявленного ему обвинения; изменение обвинения на более тяжкое, если в ходе судебного разбирательства выясняется, что вменяемое ему преступление совершено в соучастии с другим лицом, необоснованно или незаконно выведенным из-под уголовного преследования.

12. Процессуальной формой изменения обвинения, независимо от его основания и процедуры, должно быть мотивированное постановление. В случае его необоснованности может быть отклонено судебной инстанцией.

13. Отказ прокурора от обвинения [180, с. 81], закрепленный в ч. (5) ст. 320 УПК РМ является для прокурора обязанностью, следовательно, выступает одним из его полномочий. Считаем уместным прокурору реализовывать данное полномочие исключительно в судебных прениях.

14. В виду того, что отказ прокурора от обвинения влечет за собой вынесение судебной инстанцией оправдательного приговора или приговора о прекращении производства по делу, основание для отказа прокурора от обвинения, установленное в ч. (5) ст. 320 УПК РМ, необходимо рассматривать в контексте норм, регламентирующих основания оправдательного приговора или приговора о прекращении производства по делу, в частности со ст.ст. 390, 391, 332 УПК РМ.

15. На наш взгляд не все из перечисленных в ст.ст. 390, 391, 332 УПК РМ могут быть основанием отказа от обвинения.

16. Законодательная норма об отказе от обвинения соответствует целям уголовного судопроизводства в том плане, чтобы ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Однако не регламентирует на сегодняшний день случаи несогласия потерпевшего с заявленным отказом прокурора от обвинения. Это, на наш взгляд, гипотетически может свидетельствовать о нарушении прав потерпевшего, как стороны уголовного судопроизводства. Что может быть разрешено путем законодательного закрепления института «субсидиарного обвинения».

17. Исследование института участия прокурора в суде первой инстанции, основанное, в том числе, на анализе материалов судебной практики позволяет констатировать наличие законодательных пробелов уголовно-процессуального законодательства в исследованной сфере.

Обозначенные выводы обусловили необходимость и возможность предварить следующие рекомендации:

Внести изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство, направленное на совершенствование института участия прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции, выраженные в следующем:

1. **Дополнить ст. 6 УПК РМ** «Термины и выражения, используемые в настоящем кодексе» п. 3¹ в следующей редакции: *«Обвинение – это аргументированный тезис о совершенном преступлении, который в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона утверждается, предъявляется, представляется, изменяется, дополняется и поддерживается прокурором»;*

2. **Изменить ст. 53 УПК РМ** «Полномочия прокурора в судебной инстанции» путем частичного объединения первого и второго пункта части первой, и изложить их в следующей редакции:

(1) *При рассмотрении уголовного дела судебной инстанцией прокурор:*

1) *поддерживает обвинение от имени государства путем: представления в судебном заседании доказательства обвинения и активного участия в исследовании этих доказательств, а также доказательств, представленных стороной защиты; представления новых доказательств, необходимых для подтверждения обвинения;*

2) *заявляет ходатайства и высказывает свое мнение по поводу заявлений и ходатайств других участников, а также по другим вопросам, возникшим в ходе судебного разбирательства.*

3. **Изменить п. (4) ч. (1) ст. 53 УПК РМ** и изложить в следующей редакции: *«обращается в судебную инстанцию с ходатайством об изменении юридической квалификации преступления, совершенного подсудимым, если в судебном расследовании подтверждается, что подсудимый совершил другое преступление, чем вменялось ему первоначально. Изменение юридической квалификации осуществляется мотивированным постановлением об изменении обвинения»;*

4. **Изменить часть (5) ст. 320 УПК РМ** и изложить в следующей редакции:

(6) *Если в процессе судебного разбирательства рассмотренные судебной инстанцией доказательства в совокупности не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, прокурор в судебных прениях обязан частично или полностью отказаться от обвинения. Отказ прокурора от обвинения осуществляется мотивированным постановлением;*

(5¹) *Отказ прокурора от обвинения влечет за собой вынесение судебной инстанцией оправдательного приговора по основаниям, предусмотренным ст. 390 настоящего кодекса;*

(5²) Отказ прокурора от обвинения влечет за собой вынесение судебной инстанцией приговора о прекращении производства по уголовному делу по основаниям, предусмотренным в п. 3, п. 7 части (1) и части (2) ст. 391 настоящего кодекса.

5. Изменить часть (5) ст. 321 УПК РМ и изложить в следующей редакции: *«В случае необоснованной неявки подсудимого в суд судебная инстанция по ходатайству прокурора, учитывая мнение стороны защиты, распоряжается о его приводе, применении к нему меры пресечения или замены ее на другую меру, которая обеспечит его явку в суд или распоряжается об объявлении подсудимого в розыск. Определение об объявлении подсудимого в розыск исполняется органами полиции».*

Перспективными научными исследованиями по этой теме являются:

- Процессуально - тактические аспекты подготовительной деятельности государственного обвинителя к поддержанию государственного обвинения;
- Методика и тактика поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции;
- Институт отказа от обвинения в суде первой инстанции в контексте «субсидиарного» обвинения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Adrian Constantin împotriva României. Hotărâri CEDO. <http://www.hotararicedo.ro/> (data посещения 17.05.2016)
2. Arseni L. Aspecte teoretico-practice privind tactica audierii invinuitului. B: Revista Institutului Național al Justiției, 2009, nr. 4, c. 77-79
3. Antoniu Gh., Volonciu N., Zaharia N. Dicționar de procedură penală. Editura științifică și enciclopedică. București, 1988. 276 c.
4. Buneci P. Drept procesual penal. Partea specială. București. 2003. 384 c.
5. Codul penal al Republicii Moldova: Legea Republicii Moldova nr. 985-XV din 18 aprilie 2002. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2002, nr.128-129. În vigoare din 12 iunie 2003.
6. Codul de procedură penală al Republicii Moldova: Legea Republicii Moldova nr.122-XV din 14 martie 2003. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2003, nr.104-110. În vigoare din 12 iunie 2003.
7. Constituția Republicii Moldova: Legea Republicii Moldova din 29 iulie 1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1994, nr.1. În vigoare din 27 august 1994.
8. Convenția Europeană pentru Apăraera Drepturilor Omului și a Libertăților Fundamentale din 04 noiembrie 1950. Semnată de către Republica Moldova la 13 iulie 1995, Ratificată prin Hotărârea Parlamentului Republicii Moldova nr.1298-XIII din 24 iulie 1999. B: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1999, nr. 54-55/502.
9. Covalenco E., Dolea I. Cercetarea judecătorească. B: Manualul Judecătorului pentru cauze penale. Asociația judecătorilor din Moldova. Chișinău, 2013, c. 288-308
10. Covalenco E., Vizdoagă T. Dezbaterile judiciare. B: Manualul Judecătorului pentru cauze penale. Asociația judecătorilor din Moldova. Chișinău, 2013, c.323-334
11. Covalenco E., Vizdoagă T. Partea pregătitoare a ședinței de judecată. B: Manualul Judecătorului pentru cauze penale. c. 275-287
12. Dan Lupașcu. Noul cod de procedură penală și legislație conexă: legislație consolidată și index: 2015. Ed. Premium. București: Universul Juridic, 2015. 736 c.
13. Decizia Colegiului penal al Curții Supreme de Justiție din 11.11.2015. Dosarul № 1ra-1272/2015 // http://jurisprudenta.csj.md/search_col_penal.php?id=5208 (vizitat 14.06.2016)
14. Decizia Colegiului penal al Curții Supreme de Justiție din 23.09.2015 Dosarul № 1ra-944/15 // http://jurisprudenta.csj.md/search_col_penal.php?id=4877 (vizitat 14.06.2016)
15. Dolea I. et. al. Codul de procedură penală, Comentariu, Ed.Cartier juridic, Chișinău, 2005. 768 c.
16. Dolea I. et. al. Drept procesual penal. Vol. 2. Partea specială. Ch.: Cardidact. 2006. 335 c.
17. Dolea I. ș.a. în Drept procesual penal Ediția a III-a revizuită și completată. Chișinău, Cartea Juridică, 2009. 784 c.
18. Dolea I., Zaharia V., Croitor E. et al. Regulile și practicile ce reglementează răspunderea și imunitatea generală a procurorilor (planul de acțiuni a SRSJ 2.2.10). Cartea juridică. Chișinău, 2013. 138 c.
19. Dorogan M. Curs de elocință. Chișinău: Editura ARC, 1995, 314 c.
20. Dongoroz V. et.al. Explicații teoretice ale Codului de Procedură penală român, Partea generală, Vol.I., București, 1976. 434 c.
21. Gribincea V. et. al. Studiu privind optimizarea structurii procuraturii și a sarcinii de muncă a procurorilor din Republica Moldova. Chișinău, iunie 2014. 72 p.
22. Holban V. Discursul procurorului în dezbaterile judiciare – etapa decisivă a reprezentării invinuirii. B: Buletin informativ al Procuraturii Generale a Republicii Moldova. Chișinău, nr. 2, septembrie, 2004, c. 12

23. Hotărârea Curtei Constituționale nr. 9 din 20.05.2008 asupra excepției de neconstituționalitate a prevederii pct.3) alin.(1) art. 401 din Codul de procedură penală al Republicii Moldova. În: Monitorul Oficial Nr. 99-101 din 06.06.2008
24. Hotărârea Curtei Constituționale Nr. 5 din 17.03.2009 pentru controlul constituționalității prevederilor alin. (1) art. 326 din Codul de procedură penală al Republicii Moldova. B: Monitorul Oficial Nr. 62-64 din 27.03.2009
25. Hotărârea Plenului Curții Supreme de Justiție, nr.4 Cu privire la unele chestiuni ce vizează participarea procurorului la judecarea cauzelor penale din 30.01.1996, cu modificările aduse prin hotărârea Plenului din 20.12.1999. B: Culegere de hotărâri ale Plenului Curții Supreme de Justiție (1974-1999). Chișinău, 2000. c.285-286.
26. Hotărârea Plenului Curții Supreme de Justiție nr. 12 din 24.12.2012 „Cu privire la unele chestiuni ce vizează participarea procurorului la judecarea cauzei penale”. B: Buletinul Curții Supreme de Justiție a Republicii Moldova, 2013, nr. 6, c. 20.
27. Kalughin Mariana. Prevederile legale referitoare la integritatea procurorilor moldoveni sunt confuze și controversate. <http://www.moldovacurata.md/news/view/prevederile-legale-referitoare-la-integritatea-procurorilor-moldoveni-sunt-confuze-si-controversate> (data посещения 19. 04.2016)
28. Legea Republicii Moldova «Cu privire la statutul persoanelor cu funcții de demnitate publică». Nr. 199 din 16.07.2010. B: Monitorul Oficial nr.194-196 din 05.10.2010.
29. Legea Republicii Moldova “Cu privire la Procuratură”. Nr. 294-XVI din 25.12.2008. B: Monitorul Oficial nr. 55-56/155 din 17.03.2009.
30. Legea Republicii Moldova „Cu privire la Procuratură”. Nr. 3 din 25.02.2016. B: Monitorul Oficial nr. 69-77 din 25.03.2016
31. Legea Republicii Moldova «Privind aprobarea Strategiei de reformă a sectorului justiției pentru anii 2011–2016» № 231 din 25.11. 2011 B: Monitorul Oficial nr. № 1-6/6 din 06.01.2012
32. Legea Nr. 135 din 1 iulie 2010 privind Codul de procedură penală. Emitent: Parlamentul României Publicată. B: Monitorul Oficial. Nr. 486 din 15 iulie 2010
33. Lorincz A. L. Drept Procesual penal. Partea specială. București: VF EAST PRINTING SRL, 2003. 380 c.
34. Mateuț Gh., Procedură penală. Parte specială, Vol. II. București, 1998. 367 c.
35. Mateuț Gh. Tratat de procedură penală. Partea generală. Vol.II. București: C. H. Beck, 2012. 721 c.
36. Magherescu Delia, Modificarea învinuirii în primă instanță, (aspecte comparative), Autoreferat al tezei de doctor în drept, Ch., 2005. 12 c.
37. Mrejeru T. Drept procesual penal. București. 2001. 206 c.
38. Neagu I. Tratat de procedură penală. București: PRO, 1997. 734 c.
39. Odajiu Iu., Osoianu T., Andronache A. et. al. Acad. «Ștefan cel Mare» a Mai al RM. Ch.: Acad. «Ștefan cel Mare» a Mai al RM, 2009. 451 c.
40. Ordonanță privind modificarea acuzării în ședința de judecată în sensul agravării ei de la 04.10.2011. Dosarul nr. 2008020939
41. Orîndaș V. Procedura penală. Chișinău: USM. 2001. 300 c.
42. Proiect Legei privind completarea Codului de Procedură Penală al Republicii Moldova nr.122-XV din 14 martie 2003. capc.md/raport/uploaded/projects/2017.2009.doc (data посещения 12.08.2016)
43. Programul de activitate al Guvernului Republicii Moldova 2013-2014. <http://www.gov.md/doc.php?l=ru&idc=445&id=6413> (data посещения 24.01.2016)
44. Programul de activitate al Guvernului Republicii Moldova 2015-2018. <http://www.gov.md/doc.php?l=ru&idc=445&id=6413> (data посещения 24.01.2016)

45. Programul de activitate al Guvernului Republicii Moldova 2016-2018. <http://www.gov.md/doc.php?l=ru&idc=445&id=6413> (data посещения 24.01.2016)
46. Roman D., Vizdoagă T., Cerbu A. et. al. Organizarea și activitatea organelor de ocrotire a normelor de drept în Republica Moldova. Ed. CARTDIDACT. Chișinău, 2004. 220 c.
47. Rusu V., Gavajuc S., Gheorghieș A. et. al. Dicționar de drept procesual penal. Chișinău: PONTOS, 2012. 248 c.
48. Scopul procesului penal. Dicționar Juridic online. <http://www.dictionarjuridiconline.ro/juridic/scopul-procesului-penal.html> (data посещения 16.05.2016)
49. Sentința Judecătorei Botanica, mun. Chișinău, din 19 ianuarie 2016. Dosarul nr. 1152/2015/2015420156 http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jb/jb.php (data посещения 24.01.2016)
50. Sentința Judecătorei Rîșcani, mun. Chișinău, din 23 decembrie 2015. Dosarul nr. 1359/2015 http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jrc/jrc.php (data посещения 24.01.2016)
51. Serbrinov I., Catana E., Chircoaca E. et. al. Ghidul acuzatorului de stat. Chișinău: Cartier Juridic, 2005, 136 c.
52. Serbinov I., Vizdoagă T. Modificarea acuzării în ședința de judecată. B: Manualul Judecătorului pentru cauze penale. Asociația judecătorilor din Moldova. Chișinău, 2013, c. 308-314
53. Serbinov I., Vizdoagă T. Prezentarea probelor suplimentare, renunțarea la învinuire. B: Manualul Judecătorului pentru cauze penale. 2013, c. 315-319
54. Studiu privind marja de discreție a actorilor sectorului justiției în codurile de procedură penală și civilă și codul contravențional. Chișinău. 2014. 42 c. http://www.justice.gov.md/public/files/file/studii/studii_srsj/STUDIU_proiect_marja_discretiei_pt_dezbat_17.12.2014.pdf (data посещения 27.04.2016)
55. Teodoru Gh., Drept procesual penal, Parte specială, Iași, 1998, 644 c.
56. Udrioiu M., Andone Bontaș A., Bodoroncea G. et. al. Codul de procedură penală. Comentariu pe articole. Vol. 1 și Vol. 2. București: Editura C. H. Beck, 2015. 1691 c.
57. Udrioiu Mihail. Dicționar de drept penal și de procedura penală. București: Editura C. H. Beck, 2009. 437 c.
58. Ursache P., Vizdoagă T. Examinarea listei probelor. B: Manualul Judecătorului pentru cauze penale. Asociația judecătorilor din Moldova. Chișinău, 2013, c. 261-265
59. Vasile-Sorin Curpăn, Cosmin-Ștefan Burleanu. Participanții în procesul penal român. 51 c. http://sorincurpan.ro/carti/participantii_in_procesul_penal_roman.pdf (data посещения 14.05.2016)
60. Volonciu Nicolae, Tratat de procedură penală, parte specială, Vol.II, București, 1996. 513 c.
61. Vizdoagă T. Exercițarea acuzării în instanța de fond: probleme și perspective. Teza de doctor în drept. Chișinău, 2002. 168 c.
62. Vizdoagă T. ș.a. Participarea procurorului în instanța de judecată; Organizarea activității organelor Procuraturii. Ch.: «Nova Imprim» SRL. 2009. 206 c.
63. Vizdoagă T., Eșanu A. Reîncadrarea juridică a faptei inculpatului în sensul atenuării: problemele de drept penal material și procesual. B: Revista Institutului Național al Justiției. № 1(36), 2016. c. 22-28
64. Vizdoagă T., Unele probleme privind instituția renunțării procurorului la învinuire. B: Analele Științifice ale USM. Chișinău: Cartier, 1998. c. 76-80
65. Агабаева. В. Полномочия прокурора при рассмотрении ходатайства об исключении доказательств на предварительном слушании. В: Криминалист, 2014, № 2(15), c. 109-113

66. Агабаева А.В. Процессуально-правовой статус прокурора в суде с участием присяжных заседателей. Автореферат дисс. к. ю.н. Москва, 2015. 31 с. <http://www.agprf.org/aspirant/2015/aref/agabaeva/agabaeva.pdf> (дата посещения 20.10.2015 г.)
67. Административное право. Учебник. <http://center-yf.ru/data/Yuristu/Administrativno-pravovoi-status.php> (дата посещения 31.03.2016)
68. Айрапетян А. Основания постановления оправдательного приговора согласно действующей конструкции уголовно-процессуального закона. В: Наше право. №3, Киев. 2015. с. 96-103
69. Айрапетян А. Приговор о прекращении производства по делу. В: Закон и жизни. №8, 2003. Кишинэу. с. 25-27
70. Багаутдинов Ф., Васин А. Последствия отказа прокурора от обвинения в суде. http://www.juristlib.ru/book_1656.html (дата посещения 17.05.2016)
71. Безик Е.А. Особенности процесса доказывания в ходе предварительного слушания по уголовным делам В: Актуальные проблемы судебной власти, прокурорского надзора, правоохранительной и правозащитной деятельности, уголовного судопроизводства. Сб. науч. ст. Краснодар: Просвещение-Юг, 2014. с. 18-22
72. Белкин А.Р. Независимость суда и отказ прокурора от обвинения. <http://www.iuaj.net/node/189> (дата посещения 12.01.2012)
73. Бобылев М.П. Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России. Автореф. Дисс... к.ю.н. Уфа, 2004 24 с.
74. Бозров В.М., Кобяков В.М. Судебное следствие. Екатеринбург, 1992. 144 с.
75. Бойко Н.Ф. Административное право Республики Молдова (в схемах). Славянский ун-т Молдовы. Ch.: «Acomed-plus» SRL, 2008. 256 с.
76. Бойльке Вернер. Уголовно-процессуальное право ФРГ. Учебник. 6-е изд., с доп. и изм. Перевод с нем. Я.М. Плошкиной. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. 352 с.
77. Бояров С. Отказ прокурора от обвинения. В: Уголовное право, 2005. № 4, с. 58- 59
78. Брянская Е.В. Аргументирующая сила доказательств при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 193с. http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/brynskay_2015/ (дата посещения 13.12.2016)
79. Верин А.Ю. Понятие и структура правового статуса личности. В: Вестник ТИСБИ. <http://www.tisbi.ru/assets/Site/Science/Documents/VERIN-THE-DEFINITION-AND-STRUCTURE-OF-THE-LEGAL-STATUS-OF-AN-INDIVIDUAL.pdf> (дата посещения 02.04.2016)
80. Виноградова Т.Ю., Якушин С.Ю. Основы моделирования публичной речи в суде. Казань: Изд-во Казанского Университета, 1993. 162 с.
81. Выдря М.М. Расследование уголовного дела – функция уголовного процесса. В: Советское государство и право, 1980, №9, с.78-82
82. Галимов Э.Р. Участие обвинителя на предварительном слушании. В: экономикоюридический журнал «Бизнес в законе», 2007, №4, с. 431-432
83. Гатауллин, З.Ш. Подготовка и осуществление государственного обвинения в суде. Дис. канд. юрид. наук. Казань, 2007. 191 с.
84. Гориянов А.В. Порядок подготовки к судебному заседанию в уголовном процессе России. Автореф. дисс... к.ю.н. Челябинск, 2004. 22 с.
85. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. 258 с.
86. Гуценко К. Ф. Уголовный процесс: учебник. 4- е изд. Москва: Зерцало, 2000. 588 с.
87. Дамдинов Б.Д. Теоретические проблемы правового статуса субъекта РФ. В: Сибирский Юридический Вестник. 2002, № 3, с. 12-16

88. Дежнев А. Возможен ли отвод в стадии возбуждения уголовного дела? В: Законность, 2006, № 1, С. 46-48
89. Демидов И., Тушев А. И.. Отказ прокурора от обвинения В: Закон. Интернет-журнал Ассоциации юристов приморья. <http://www.lawmix.ru/comm/4815/> (дата посещения 25.01.2016)
90. Дупак Н.Н. Проблемы реализации государственного обвинения в суде первой инстанции. Дисс... к.ю.н. Волгоград, 2005. 221 с.
91. Ермакова Т.А. Поддержание государственного обвинения прокурором: теория, законодательство, практика: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2009. 32 с.
92. Ефименко С. П. и др. Поддержание государственного обвинения. СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. 72 с.
93. Жумаканова Н.А. Отказ прокурора от обвинения: вопросы теории и практики. Автореф. на соиск. степени к.ю.н. Екатеринбург, 2014. 28с.
94. Зайнагутдинов Р.Т. О содержании выступлений участников прений сторон в судебных заседаниях по уголовным делам. В: Вестник Удмуртского университета, Вып. 2, 2009. с. 217-220
95. Зиннатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Ижевск, 1997. 114 с.
96. Исаенко В.Н. Методика поддержания государственного обвинения. Монография. М.: Юрлитинформ, 2011. 176 с.
97. Истина. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. <https://ru.wikipedia.org> (дата посещения 13.10.2015)
98. Ишимов П.Л. Порядок подготовки уголовных дел к судебному заседанию в суде первой инстанции. Ижевск, 2006. 139 с.
99. Казанир А.С., Санталов А.И. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Молдавской ССР. Кишинев: КАРТЯ МОЛДОВЕНЯСКЭ, 1968. 398 с.
100. Кисеев Н.М. Уголовный процесс. К: Монограф, 2006. 1176 с.
101. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции: Автореф. дисс... докт. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2008. 50 с.
102. Кириллова Н.П. Процессуальные и криминалистические особенности поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции. СПб., 1996. 56 с.
103. Коваленко Е.Ю. Теоретические концепции определения понятия «правовой статус» субъекта. http://www.rusnauka.com/23_D_2009/Pravo/49687.doc.htm (дата посещения 16.09.2015г.)
104. Колпашникова В.М. Процессуальный статус прокурора в судебном разбирательстве. http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=1682 (дата посещения 25.01.2016)
105. Конституционное право: словарь. Отв. редактор В.В. Маклаков. М., 2001. 559 с.
106. Крюков В. Ф. Правовой статус прокурора в уголовном преследовании (досудебное и судебное производство). Автореферат дисс. д. ю.н. Москва, 2012. 51 с.
107. Крюков В.Ф. Уголовное преследование в судебном производстве: уголовнопроцессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. Курск, 2010. 412 с. https://ciu.nstu.ru/kaf/persons/22064/a/file_get/211180?nomenu=1 (дата посещения 11.11.2015)
108. Кудрявцев В.Л. Поддержание государственного обвинения суде как уголовно - процессуальная категория. В: Актуальные проблемы совершенствования законодательства, правоприменения и правовых теорий в России и за рубежом. Матер.

Второй Международной научно - практич. конференции 93 декабря 2009 г. Челябинск, ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2010. с. 207-213

109. Кукель В.В. «Субсидиарное» обвинение в уголовном процессе России. В: Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики. Сб. статей. Москва, Волтерс Клувер, 2010. 528 с.

110. Кулик Н. В. Особенности предварительного слушания и роль прокурора В.: научно-практич. журнал «Криминалист», №2, 2008г. с. 34-40

111. Курочкина Л.А. Обеспечение прокурором прав участников судебного разбирательства уголовных дел. Москва: Юрлитинформ, 2004. 156 с.

112. Курс советского уголовного процесса. Общая часть. Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М.: Юрид. Лит., 1989. 638 с.

113. Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе. Монография. Самара, 2010. 224 с.

114. Лапкин А.В. Правовая природа обвинительной речи прокурора и требования к ней. В: Проблемы законности. Сб. науч. труд. Вып. 122, 2013, с. 231-239

115. Левеев Ю.Е. Целеполагание в российском уголовном судопроизводстве как нравственная и правовая категория.. В: Закон и право, 2010, №1, с.88 -90

116. Левичев Д.А. Правовой статус и полномочия прокурора в российском законодательстве: развитие вектора правовой политики. В: Вопросы экономики и права, 2014, № 6, с. 7-10

117. Лукожев Х.М. Проблемы поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции. Диссертация к.ю.н. Краснодар, 2006. 186 с.

118. Lupinskaya P.A. Допустимость доказательств: пора обеспечить единство судебной практики. В: Росюстиция. 1998. №11, с. 23-24

119. Lupinskaya P.A. Проблемы допустимости доказательств при рассмотрении дел судом присяжных. Науч.-практич. Пособие для судей. Варшава, 1997. 128 с.

120. Луцик В.В. Стадия подготовительного производства в уголовном процессе Украины: pro et contra. В: Юридическая наука. 2013. №2, с.72-76

121. Мартынчик Е. Вправе ли прокурор быть субсидиарным обвинителем? В: Законность, 2003, №11, с.11

122. Мартынчик Е.Г., Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, М., 1968. 22 с.

123. Матузов Н. И. Личность. Право. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та, 1972. 292 с.

124. Мезинов Д.А. Участие прокурора в рассмотрении дел судами. Учебное пособие. Томск. Изд. НТЛ, 2008. 100 с.

125. Милевская И. Понятие и структура правового статуса прокурора при производстве по делам об административных правонарушениях. В: Legea și viața, 2014. с.95-97

126. Мионов В.Д. Полномочия прокурора и их реализация при производстве по уголовным дела в суде первой инстанции. Автореф. на соиск. степени к.ю.н. Воронеж, 2008. 24 с.

127. Михайлов А. А. Изменение прокурором обвинения и отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции. Автореф. на соиск. степени к.ю.н. Томск, 2008. 28 с.

128. Мухин. А. М. Последствия отказа прокурора от обвинения. В: Вестник Челябинского государственного университета: Право. Научный журнал. Вып. 17 № 31 - Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2008. с. 137-140 <http://www.lib.csu.ru/vch/132/024.pdf> (дата посещения 16.11.2016)

129. Настольная книга прокурора. Под ред. С.И. Герасимова. Москва: Экслит, 2003. 850с.
130. Новая философская энциклопедии. <http://iph.ras.ru/elib/3339.html> (дата посещения 20.01.2016)
131. Определение суда Комрат от 14.02.2014 по Делу № 1-06/2014 http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jco/jco.php (Дата посещения 19.02.2014)
132. Определение Коллегии по уголовным делам Апелляционной палаты Комрат от 15 марта 2016 г. Дело № 1а-45/2013 http://cacm.instante.justice.md/ro/hot?data_deciziei=15-03-2016&nr_dosar=&denumire_dosar=&tip_dosar (Дата посещения 13.09.2016)
133. Орлова К. А. Правовой статус: соотношение со смежными понятиями. В: Мировой судья, 2013, № 4. с. 6-7
134. Осояну Тудор. Уголовно-процессуальное право Республики Молдова. Часть общая. К.: ULIM, 2003. 200 с.
135. Осояну Т., Милушев Д. Уголовно-процессуальное право Республики Молдова. Часть Особенная. Учебное пособие. К.: «Acomed-Plus» SRL, 2005. 214 с.
136. Панов Дионис, Уголовное судопроизводство в суде первой инстанции, (практическое пособие), Кишинэу, 2003. с.31
137. Перлов И.Д. Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе. М., 1956. 184 с.
138. Петрухин И.Л. и др. Теоретические основы эффективности правосудия: монография. М.: Наука, 1979. 392 с.
139. Питерцев С.К., Степанов А.А. Тактика допроса на предварительном следствии и в суде. Учебное пособие. 2001. 160 с.
140. Постановление Пленума Высшей Судебной палаты РМ № 5 от 19.06.2006 «О судебных приговорах». В: Бюллетень Высшей судебной палаты №3, 2007. с. 28-36
141. Полянский Н.Н. Очерк общей теории уголовного процесса. М., 1927. 127 с.
142. Примак Т.К., Орлова К.А. Терминологические трудности определения категории «правовой статус». В: Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. -Калининград, 2012. т.2012, Вып. 9, с.19-27
143. Приговор Суда Комрат от 27 декабря 2013года. Дело № 1-130/2013 http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jco/jco.php (дата посещения 19.02.2014)
144. Приговор Суда Комрат от 31 декабря 2013года. Дело № 1-124/2012 http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jco/jco.php (дата посещения 11.02.2015)
145. Приговор Суда Комрат от 17 июля 2015. Дело №1-213/2014 http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jco/jco.php (дата посещения 15.01.2016)
146. Приговор Суда Комрат от 13 января 2016 года. Дело № 1-120/2015 http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jco/jco.php (дата посещения 15.01.2016)
147. Приговор Суда Комрат от 18 декабря 2013 года. Дело № 1-155/2013 http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jco/jco.php (дата посещения 20.02.2014)
148. Приговор Суда Комрат от 30 декабря 2013. Дело № 1-170/13 http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jco/jco.php (Дата посещения 19.02.2014)
149. Приговор Суда Комрат от 31 декабря 2013. Дело № 1-63/13 - http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jco/jco.php (Дата посещения 19.02.2014)
150. Приговор Суда Комрат от 30 декабря 2013. Дело № 1-170/13 http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jco/jco.php (Дата посещения 19.02.2014)
151. Приговор Суда Комрат от 31 декабря 2013. Дело № 1-63/13 - http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jco/jco.php (Дата посещения 19.02.2014)
152. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 15 января 2014 Дело № 1-3/2014 http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jcg/jcg.p (Дата посещения 25.02.2014)

153. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 25 февраля 2014. Дело 1-199/13 http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jcg/jcg.php (Дата посещения 14.05.2014)
154. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 04 марта 2014. Дело 1-202/2013 http://www.jcdl.instante.justice.md/ro/hot?data_deciziei=&nr_dosar=&denumire_dosar=&tip_dosar=&page=145 (Дата посещения 14.05.2014)
155. Приговор Суда Комрат от 06 декабря 2013. Дело № 1-78/2013 http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jco/jco.php (Дата посещения 20.02.2014)
156. Приговор Суда Комрат от 27 декабря 2013. Дело № 1-88/2013 http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jco/jco.php (дата посещения 19.02.2014)
157. Приговор Суда Комрат от xxxxAPARTxxxx1.12.201xxxxAPARTxxxx года. Дело № 1-7xxxxAPARTxxxx/201xxxxAPARTxxxx http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jco/jco.php (дата посещения 19.02.2014)
158. Приговор Суда Тараклия от 30 апреля 2014. Дело 1-34/2014 http://instante.justice.md/apps/hojt.phptariri_judecata/inst/jt/ (дата посещения 19.06.2014)
159. Приговор Суда Комрат от 19 декабря 2013. Дело № 1-115/2013 http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jco/jco.php (дата посещения 20.02.2014)
160. Приговор Суда Комрат от 27 декабря 2013. Дело № 1-145/2013 http://instante.justice.md/apps/hotariri_judecata/inst/jco/jco.php (дата посещения 19.02.2014)
161. Рекомендация № R (2000) 19 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» (Принята Комитетом Министров Совета Европы 6 октября 2000 г. на 724-ом заседании Представителей Министров). В: Защита прав человека и борьба с преступностью. Документы Совета Европы, изд. СПАРК, М., 2001. 308 с.
162. Рекомендация 1604 (2003) Парламентской Ассамблеи Совета Европы «О роли прокуратуры в демократическом обществе, основанном на верховенстве закона». http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2003%5D/Rec1604.asp (дата посещения 20.04.2016)
163. Рукавишников П.П. Отказ государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве. <http://www.dissercat.com/content/otkaz-gosudarstvennogo-obvinitelya-ot-obviniya-v-rossiiskom-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата посещения 15.05.2016)
164. Руководство по ст. 6 Конвенции. Право на справедливое судебное разбирательство (уголовно-правовой аспект). Совет Европы. Европейский суд по правам человека. 2014. 72 с. www.echr.coe.int (дата посещения 15.06.2016).
165. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. Монография. М.: Наука, 1971. 343 с.
166. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. Москва, 1975. 383 с.
167. Саушкина И.В. Функции государственного обвинения при рассмотрении судом уголовного дела в особом порядке. В: Вестник Омского университета. Серия «Право», 2008, №1 (14), с.252-254
168. Сергеич П. И. Искусство речи на суде. М.: Издательство Юрайт, 2016. 395 с. <https://biblio-online.ru/viewer/B1C185D1-BA36-4AF3-855D-6D1A415C7C93#page/8> (дата посещения 13.12.2016)
169. Смирнов А.В., Калиновский К.Б., Уголовный процесс. СПб.: Питер, 2009. 304 с.
170. Социологический энциклопедический словарь. Под ред. Г.В. Осипова. М.: Норма-Инфра, 1998. 488 с.

171. Стадниcki Л.М. Законодательные основы поддержания прокурором государственного обвинения в ходе судебного расследования на основе УПК Республики Молдова. В: Вестник Северо-кавказского гуманитарного института, №1, 2015, с. 237-245
172. Стадниcki Л.М. Проблема определения цели участия прокурора в суде первой инстанции в современном уголовном судопроизводстве Республики Молдова. В: Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. Ежеквартальный научно-практический журнал. 2016, № 1 (17), с. 309-315
173. Стадниcki Л. М. Роль прокурора в предварительном заседании суда первой инстанции в уголовном судопроизводстве Республики Молдова. В: Правовые реформы в Молдове, Украине и Грузии в контексте евроинтеграционных процессов. Материалы международной научно-практической конференции, 7-8 ноября 2014, Кишинев, с. 194-197
174. Стефанчук М. «Правовой статус прокуратуры» VS «Правовой статус прокурора»: соотношение понятий в контексте реализации функции представительства интересов гражданина или государства в суде. În: Legea și viața. Septembrie 2015. с. 86-89
175. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.1. Москва, 1968. 470 с.
176. Строгович М.С. Уголовный процесс. М. 1946. 430 с.
177. Судебная речь государственного обвинителя. Методическое пособие. Под ред. Сухарева А.П. М.: ЭКСЛИТ, 2003. 340 с.
178. Сурженко М.А. Структура и содержание правового статуса прокурора. В: Проблемы законности, № 123, 2013, с. 314-322
179. Трефилов А. Сравнительно-правовые аспекты института отказа прокурора от обвинения. В: Проблемы применения законодательства и совершенствование прокурорской деятельности: сборник научных трудов (по материалам IV Международной научной конференции студентов и аспирантов, Саратов, 16 марта 2011 г.). Саратов: ГОУ ВПО «Саратов. гос. академия права», 2011. С. 41-43
180. Тудор Осояну, Лилия Федосьева. Проблемы законодательного закрепления института отказа от обвинения в УПК РМ. В: Materialele Conferinței științifico-practice «Procuratura Republicii Moldova la 20 de ani. Rolul și locul Procuraturii într-un stat de drept» Chișinău, 27 ianuarie 2012. Ch.: S.n. «Elena – V.I.», 2012. с. 81-90
181. Тutyшкин Н.П. Обвинительная деятельность в советском суде. Дисс. канд. юр. наук. Свердловск, 1971. 223 с.
182. Тушев А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. Науч. ред. И.Ф.Демидов. Санкт Петербург: Юридический центр Пресс, 2005. 325 с.
183. Уголовно процессуальный кодекс Белоруссии Ч. 1 ст. 8 <http://mvd.gov.by>; <http://etalonline.by> (дата посещения 22.04.2015)
184. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Офиц. текст, действ. редакция. Москва: Экзамен, 2005, ч.(7) ст. 246
185. Уголовно-процессуальное право российской Федерации. Отв. ред. П.А. Лупинская, 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрист, 2001. 696 с.
186. Ульянов В.Г. Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве (процессуальные и криминалистические аспекты). Дисс. докт. юр.наук. Краснодар, 2002. 390 с.
187. Фаткуллин Ф.Н. Изменение обвинения. М.: Юрид. лит., 1971. 164 с.
188. Федоров Г.К. Теория государства и права. Учебник. Кишинев. 1998. 531 с.
189. Федосьева Л.М. Задачи и функции прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: проблемы теории и практики. В: Edificarea statului de drept si punerea in valoare a patrimoniului cultural si istoric al Moldovei in contextul integrarii europene. Materialele conferinței științifice internaționale anuale a doctoranzilor si a tinerilor cercetatori. Vol. II. Drept National, Ed. a V-a, 31 martie 2011, Chișinău, 2011. с.129-141

190. Федосьева Л.М. Принцип презумпции невиновности: теория и практика его реализации в уголовном судопроизводстве Республики Молдова. В: Закон и жизнь, №5 (245) 2012., Кишинэу, с. 45-51
191. Федосьева Л.М. Правовая природа государственного обвинения в суде первой инстанции. В: Вестник Славянского университета. 15-ЛЕТИЮ Славянского университета посвящается. Вып. 20: Право. Кишинев, Славянский ун-т, 2012, с. 256-266
192. Фоменко А. Н. Защита прокурором прав и законных интересов потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве. Автореферат диссертации на соискание уч. ст. к. ю. н. Краснодар, 2006. 26 с. <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1329759> (дата посещения 15.05.2016)
193. Фоменко А.Н. Субсидиарное обвинение как форма защиты прав потерпевшего в уголовном процессе. В: Бизнес в законе. №5, 2009. с. 168-170
194. Фоменко А. Н. Отказ от обвинения и права потерпевшего. В: Уголов. процесс. 2005. № 12. с.24- 28
195. Хайдаров А.А. Сущность и содержание судебного следствия в уголовном процессе России. В: Вестник Казанского юридического института МВД России, №7, 2012, с. 55-62
196. Шадрина Е. Г.. О субъекте обвинения и его функциях на предварительном слушании. В: Актуальные проблемы экономики и права, 2007, №2 (2), с. 161-165
197. Шигабутдинова А. Л. Понятие и структура правового статуса личности: системный подход к проблеме. В: Проблемы права, № 2 (50)/2015. с. 75-79 [http://problemyprava.ru/Pp_2\(2015\)/shigabutdinova.pdf](http://problemyprava.ru/Pp_2(2015)/shigabutdinova.pdf) (дата посещения 16.11.2016)
198. Шестакова С.Д. Проблемы состязательности в российском уголовном процессе. http://kalinovsky-k.narod.ru/b/shest/shest_2_2.htm (дата посещения 16.03.2016г.)
199. Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс. Харьков, 1929. 337 с.
200. Чубыкин А.В. Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела. Дисс. ... к. ю.н. Москва, 2014. 202 с.
201. Элькинд П.С. Сущность советского уголовно процессуального права. Л.: ЛГУ, 1963. 172 с.
202. Юридический энциклопедический словарь. Гл. ред. А. Я. Сухарева. 2-е изд., доп. М.: Сов. энцикл., 1987. 527 с.
203. Ягофаров Ф.М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции. Дисс. ... канд. юрид. наук. Оренбург. 2003. 149 с. <http://lawbook.online/ugolovnoe-pravo-ross-kniga/pravovoy-status-gosudarstvennogo-obvinitelya-28480.html> (дата посещения 18.11.2016)
204. Якуб М.Л. О понятии процессуальной функции в советском уголовном судопроизводстве. В: Правоведение, 1973, №5, с.83-89.
205. Якубович Н.А. Предварительное расследование. Методологические, уголовнопроцессуальные и криминалистические проблемы. Автореф. дисс. ...д-ра юрид. наук. Москва, 1977. 33 с.
206. Basic Trial Techniques for Prosecutors. American Prosecutors Research Institute. 2005. 46с. http://www.ndaa.org/pdf/basic_trial_techniques_05.pdf (07.12.2016)
207. Case of Ziliberg v. Moldova [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"itemid":\["001-68119"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{) (дата посещения 05.12.2016)
208. Criminal procedure at a glance. <https://www.courtsofnz.govt.nz/going-to-court/media/reporting-the-courts/criminal-procedure-at-a-glanceT.pdf> (07.12.2016)
209. Trial Observation Manual for Criminal Proceedings. Practitioners Guide No. 5. International Commission of Jurists. Geneva, 2009. 200 с. http://www.opentrial.info/images/2/2f/Criminal_Trial_Monitoring.pdf (дата посещения 24.11.2016)

210. The Public Prosecution Service at a glance. 15 с.
file:///C:/Users/для/Downloads/the_public_prosecution_service_at_a_glance%20 (дата
посещения 07.12.2016)
211. Judge Abdel-Qader Jaradah. Prosecutors' Criminal Procedures Manual. 2004. 115
с. http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/Pnada031.pdf (25.11.2016)
212. The Italian Judicial System 34 с.
<http://www.csm.it/documenti%20pdf/sistema%20giudiziario%20italiano/inglese.pdf> (07.
12.20016)
213. The Guidelines for Prosecutors Office of the Director of Public Prosecutions. 72 с.
https://www.dppireland.ie/filestore/documents/GUIDELINES_-Revised_NOV_2010_eng.pdf
(24.11.2016)
214. France – organization of the prosecution service and its function in the criminal
process. 37 с. http://www.rug.nl/research/portal/files/2712223/03_c3.pdf(07.12.2016)

Приложение 1

**Статистический анализ участия прокурора в иных (помимо допроса)
процессуальных действия в суде первой инстанции**

Таблица 1.1. Участие прокурора в предварительном заседании

№	Наименование процессуального действия	Подано прокурором	Подано другим участником судопроизводства	Поддержано прокурором	Не поддержано прокурором
1.	Заяв./ход-во о рассмотрении дела в отсутствие одного из участников	0(0%)	2 (2,19 %)	2 (2,35 %)	0
2	Заяв./ход-во о прекращении производства по делу в связи с примирением сторон	1(1,09 %)	11 (12,08 %)	11 (12,94 %)	0
3	Заявление о рассмотрении дела в порядке ст. 364 ¹ УПК РМ	0 (0%)	67 (73,62 %)	67 (78,82%)	0
4	Заявление об отказе от защитника	0 (0%)	2 (2,19 %)	2 (2,35 %)	0
5	Заяв./ход-во о прекращении производства по делу в связи со смертью подсудимого	2 (2,19 %)	0 (0 %)	0	0
6	Заяв./ход-во о рассмотрении дела в порядке заключения соглашения о признании вины	2 (2,19 %)	2 (2,19 %)	2 (2,35 %)	0
7	Заяв./ход-во о прекращении производства по делу в связи с тем, что потерпевший забрал заявление	1 (1,09 %)	1 (1,09 %)	1 (2,14 %)	0
8	Всего:	6 (6,59 %)	85 (93,40 %)	85 (100 %)	0 (0 %)

Таблица 1.2. Участие прокурора в подготовительной части судебного заседания

№	Наименование процессуального действия	Подано прокурором	Подано другим участником судопроизводства	Поддержано прокурором	Не поддержано прокурором
1	Заяв./ход-во о прекращении производства по делу в связи с примирением сторон	3 (16,66 %)	11 (61,11 %)	10 (83,33 %)	1 (8,33 %)
2	Заяв./ход-во о прекращении производства по делу в связи с привлечением к админ. ответственности	1 (5,55 %)	0 (0%)	0 (0 %)	0 (0%)

3	Заяв./ход-во о прекращении производства по делу в связи со смертью подсудимого	2 (11,11 %)	0 (0%)	0 (0 %)	0 (0 %)
4	Заяв./ход-во о рассмотрении дела в порядке заключения соглашения о признании вины	0 (0 %)	1 (5,55 %)	1 (8,33 %)	0 (0%)
5	Всего:	6 (33,33 %)	12 (66,66 %)	11 (91,66 %)	1 (8,33 %)

Таблица 1.3. Участие прокурора в судебном расследовании

№	Наименование процессуального действия	Подано прокурором	Подано другим участником судопроизводства	Поддержано прокурором	Не поддержано прокурором
1	Заяв./ход-во об оглашении показаний	4 (25 %)	1(6,25 %)	1 (14,28 %)	0 (0 %)
2	Ходатайство о приводе	1 (6,25 %)	0(0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
3	Заяв./ход-во о прекращении производства по делу в связи с примирением сторон	0 (0 %)	5 (31,25 %)	5 (71,42 %)	0 (0 %)
4	Заяв./ход-во о прекращении производства по делу в связи с привлечением к административной ответственности	2 (12,5 %)	0(0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
5	Заяв./ход-во о рассмотрении дела в отсутствие потерпевшего	0 (0 %)	1 (6,25 %)	1 (14,28 %)	0 (0 %)
6	Заяв./ход-во о прекращении производства по делу в связи со смертью подсудимого	1 (6,25 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
7	Постановление об изменении обвинения на более тяжкое	1 (6,25 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
8	Всего:	9 (56,25 %)	7 (43,75 %)	7 (100 %)	0 (0 %)

Приложение 2
Материалы исследованной судебной практики

2.1. Рассмотренные материалы суда Комрат

1. Приговор Суда Комрат от 06 декабря 2013. Дело № 1-78/2013
2. Приговор Суда Комрат от 09 декабря 2013. Дело № 1-120/13
3. Приговор Суда Комрат от 12 декабря 2013. Дело №1-81/2013
4. Приговор Суда Комрат от 18 декабря 2013 года. Дело № 1-155/2013
5. Приговор Суда Комрат от 19 декабря 2013 Дело1-154/2013
6. Приговор Суда Комрат от 19 декабря 2013 года. Дело № 1-115/2013
7. Приговор Суда Комрат от 26 декабря 2013. Дело № 1-148/2013
8. Приговор Суда Комрат от 27 декабря 2013. Дело № 1-88/2013
9. Приговор Суда Комрат от 27 декабря 2013 года. Дело № 1-145/2013
10. Приговор Суда Комрат от 27 декабря 2013 года. Дело № 1-147/2013
11. Приговор Суда Комрат от 27 декабря 2013года. Дело № 1-130/2013
12. Приговор Суда Комрат от 13 января 2016 года. Дело № 1-120/2015
13. Приговор Суда Комрат от 30 декабря 2013. Дело № 1-170/13
14. Приговор Суда Комрат от 30 декабря 2013. Дело № 1-103/13
15. Приговор Суда Комрат от 30 декабря 2013. Дело № 1-107/13
16. Приговор Суда Комрат от 30 декабря 2013. Дело № 1-131/2013
17. Приговор Суда Комрат от 30 декабря 2013. Дело № 1-22/2013
18. Приговор Суда Комрат от 30 декабря 2013. Дело № 1-21/2013
19. Приговор Суда Комрат от 30 декабря 2013. Дело № 1-142/2013
20. Приговор Суда Комрат от 30 декабря 2013. Дело № 1-163/2013
21. Приговор Суда Комрат от 30 декабря 2013. Дело № 1-162/2013
22. Приговор Суда Комрат от 31 декабря 2013. Дело № 1-63/13
23. Приговор Суда Комрат от 31 декабря 2013. Дело №1-157/2013
24. Приговор Суда Комрат от 31 декабря 2013. Дело №1-124/2012
25. Приговор Суда Комрат от 14 февраля 2014 года. Дело № 1-174/2013
26. Приговор Суда Комрат от 14 февраля 2014 года. Дело № 1-06/2014
27. Приговор Суда Комрат от 19 февраля 2014 года. Дело № 1-09/2014
28. Приговор Суда Комрат от 19 февраля 2014 года. Дело № 1-11/14
29. Приговор Суда Комрат от 19 марта 2014 года. Дело № 1-31/2014
30. Приговор Суда Комрат от xxxxAPARTxxxx1.12.201xxxxAPARTxxxx года.
Дело № 1-7xxxxAPARTxxxx/201xxxxAPARTxxxx
31. Приговор Суда Комрат от 17 июля 2015. Дело №1-213/2014
32. Приговор Суда Комрат от 24 августа 2015 года. Дело № 1-84/2014
33. Приговор Суда Комрат от 06 ноября 2015 года. Дело № 1-166/2015
34. Приговор Суда Комрат от 30ноября 2015 года. Дело № 1-125/2015
35. Приговор Суда Комрат от 13января 2016 года. Дело № 1-120/2015

2.2. Рассмотренные материалы суда Тараклия

1. Приговор Суда Тараклия от 27 декабря 2013. Дело № 1-86/2013
2. Приговор Суда Тараклия от 22 января 2014. Дело1-
xxxxORAS_SATxxxx5/2012
3. Приговор Суда Тараклия от 13 февраля 2014. Дело1-10/2014
4. Приговор Суда Тараклия от 04 марта 2014. Дело1-202/2013

5. Приговор Суда Тараклия от 13 марта 2014. Дело1-116/2013
6. Приговор Суда Тараклия от 26 марта 2014. Дело1-40/2013
7. Приговор Суда Тараклия от 28 марта 2014. Дело1-33/2014
8. Приговор Суда Тараклия от 02 апреля 2014. Дело1-90/2013
9. Приговор Суда Тараклия от 10 апреля 2014. Дело1-20/2014
10. Приговор Суда Тараклия от 16 апреля 2014. Дело1-37/2013
11. Приговор Суда Тараклия от 25 апреля 2014. Дело1-25/2014
12. Приговор Суда Тараклия от 30 апреля 2014. Дело1-34/2014
13. Приговор Суда Тараклия от 14 мая 2014. Дело1-47/2014
14. Приговор Суда Тараклия от 21 мая 2014 года. Дело № 1-5-2014
15. Приговор Суда Тараклия от 22 мая 2014. Дело1-40/2014
16. Приговор Суда Тараклия от 23 мая 2014. Дело1-48/2014
17. Приговор Суда Тараклия от 23 мая 2014. Дело1-75/2013
18. Приговор Суда Тараклия от 17 мая 2014 года. Дело № 1-55/2014
19. Приговор Суда Тараклия от 12 июня 2014 года. Дело № 49-1-1291-06122013
1-91/2013

2.3. Рассмотренные материалы суда Чадыр-Лунга

1. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 21 января 2013 года. Дело № 1-144/2013
2. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 01 ноября 2013 года. Дело1-112/13
3. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 4 ноября 2013 года. Дело № 1-90/13
4. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 7 ноября 2013 года. Дело № 1-139/13
5. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 11 ноября 2013года. Дело1-119/ 2013
6. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 13 ноября 2013 года. Дело № 1-109/13
7. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 14 ноября 2013 года. Дело № 1-150/2013
8. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 18 ноября 2013 года. Дело № 1-101/2013
9. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 19 ноября 2013 года. Дело № 1-116/13
10. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 26 ноября 2013 года. Дело № 1-100/13
11. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 04 декабря 2013 года. Дело1-162/13
12. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 06 декабря 2013 года. Дело1-174/13 13.
13. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 9 декабря 2013 года. Дело1-170/13
14. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 12 декабря 2013 года. Дело1-180/13
15. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 17 декабря 2014. Дело1-111/13
16. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 30 декабря 2013 года. Дело № 1-137/2013
17. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 13 января 2014 года. Дело1-101/2013
18. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 15 января 2014 года. Дело № 1-3/2014
19. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 21января 2014 года. Дело № 1-186/2013
20. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 27 января 2014 года. Дело № 1-187/2013
21. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 29 января 2014 года. Дело № 1-12/14
22. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 05 февраля 2014 года. Дело1-192/2013
23. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 06 февраля 2014 года. Дело1-196/2013
24. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 21 февраля 2014 года. Дело1-197/2013
25. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 25 февраля 2014 года. Дело1-199/13
26. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 26 февраля 2014 года. Дело1-195/13
27. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 04 марта 2014 года. Дело1-202/ 2013
28. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 04 марта 2014 года. Дело1-172/ 2013

29. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 11 марта 2014 года. Дело 25-1/14
30. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 3 апреля 2014 года. Дело 1-7/14
31. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 3 апреля 2014 года. Дело 1-17/14
32. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 14 апреля 2014 года. Дело 1-18/13
33. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 14 апреля 2014 года. Дело 1-11/13
34. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 15 апреля 2014 года. Дело 1-18/14
35. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 23 апреля 2014 года. Дело 1-44/14
36. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 29 апреля 2014 года. Дело 1-23/14
37. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 29 апреля 2014 года. Дело 1-190/2013
38. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 05 мая 2014 года. Дело 1-46/ 2014
39. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 15 мая 2014 года. Дело 1-84/ 2014
40. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 27 мая 2014 года. Дело № 1-57/2013
41. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 06 июня 2014 года. Дело 1-48/ 2014
42. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 25 июня 2014 года. Дело № 1-58/2013
43. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 09 июля 2014 года. Дело 1-157/2013
44. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 10 июля 2014 года. Дело 1-123/2013
45. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 15 июля 2014 года. Дело 1-98/2014
46. Приговор Суда Чадыр-Лунга от 29 сентября 2014 года. Дело XXX

2.4. Рассмотренные материалы суда Рышкановка

1. Ordonanță privind modificarea acuzării în ședința de judecată în sensul agravării ei. de la 04.10.2011. Dosarul nr. 2008020939
2. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 10 noiembrie 2015 Dosarul nr. 1-70/2015
3. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 17 decembrie 2015 Dosarul nr. 1-1819/2015
4. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 17 decembrie 2015 Dosarul nr. 1-1110/2015
5. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 18 decembrie 2015 Dosarul nr. 1-914/2015
6. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 18 decembrie 2015 Dosarul nr. 1-230/2015
7. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 18 decembrie 2015 Dosarul nr. 1-1287/2015
8. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 21 decembrie 2015 Dosarul nr. 1-937/2015
9. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 22 decembrie 2015 Dosarul nr. 1-826/2015
10. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 23 decembrie 2015. Dosarul nr. 1-359/2015
11. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 24 decembrie 2015 Dosarul nr. 1-612/2015
12. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 24 decembrie 2015 Dosarul nr. 1-382/2015
13. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 24 decembrie 2015 Dosarul nr. 1-11611/2015
14. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 24 decembrie 2015 Dosarul nr. 1-1679/2015
15. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 28 decembrie 2015 Dosarul nr. 1-1129/2015

16. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 30 decembrie 2015 Dosarul nr. 1-140/2015
17. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 30 decembrie xxxx Dosarul nr. 1-10 xxxx/xxxx
18. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 31 decembrie 2015 Dosarul nr. 1-140/2015
19. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 11 ianuarie 2016 Dosarul nr. 1-18/2015
20. Sentința Judecătoriei Rîșcani, mun. Chișinău, din 21 ianuarie 2016 Dosarul nr. 1-289/2016

2.5. Рассмотренные материалы суда Чокана

1. Sentința Judecătoriei Ciocana, mun. Chișinău, din 22 decembrie 2015. Dosarul nr. 1-476/15
2. Sentința Judecătoriei Ciocana, mun. Chișinău, din 23 decembrie 2015. Dosarul nr. 1-118/15(22-1-1301-12032015)
3. Sentința Judecătoriei Ciocana, mun. Chișinău, din 23 decembrie 2015. Dosarul nr. 1-450/15
4. Sentința Judecătoriei Ciocana, mun. Chișinău, din 24 decembrie 2015. Dosarul nr. 1-367/15
5. Sentința Judecătoriei Ciocana, mun. Chișinău, din 24 decembrie 2015. Dosarul nr. 1-442/15
6. Sentința Judecătoriei Ciocana, mun. Chișinău, din 28 decembrie 2015. Dosarul nr. 1-218/15
7. Sentința Judecătoriei Ciocana, mun. Chișinău, din 28 decembrie 2015. Dosarul nr. 1-455/15
8. Sentința Judecătoriei Ciocana, mun. Chișinău, din 28 decembrie 2015. Dosarul nr. 1-363/15
9. Sentința Judecătoriei Ciocana, mun. Chișinău, din 30 decembrie 2015. Dosarul nr. 1-241/15
10. Sentința Judecătoriei Ciocana, mun. Chișinău, din 30 decembrie 2015. Dosarul nr. 1-106/15
11. Sentința Judecătoriei Ciocana, mun. Chișinău, din 19 ianuarie 2016. Dosarul nr. 1-152/2015/2015420156
12. Sentința Judecătoriei Ciocana, mun. Chișinău, din 22 ianuarie 2016. Dosarul nr. 22-1-5284-09112015 (1-433/15)
13. Sentința Judecătoriei Ciocana, mun. Chișinău, din 27 ianuarie 2015. Dosarul nr. 1-196/2014

2.6. Рассмотренные материалы суда Ботаника

1. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 29 decembrie 2015. Dosarul nr. 1-281/15
2. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 30 decembrie 2015. Dosarul nr. 1-165/15
3. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 30 decembrie 2015. Dosarul nr. 1-525/13
4. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 30 decembrie 2015. Dosarul nr. 1-501/14
5. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 01 ianuarie 2016. Dosarul nr. 1-654/2014/2014420845
6. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 19 ianuarie 2016. Dosarul nr. 1-152/2015/2015420156

7. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 11 ianuarie 2016. Dosarul nr.1-134/14
8. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 12 ianuarie 2016. Dosarul nr.1-291/15
9. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 12 ianuarie 2016. Dosarul nr.1-295/15
10. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 13 ianuarie 2016. Dosarul nr.1-322/15
11. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 15 ianuarie 2016. Dosarul nr.1-149/15
12. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 18 ianuarie 2016. Dosarul nr.1-310/15
13. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 19 ianuarie 2016. Dosarul nr.1-152/15-2015420156
14. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 19 ianuarie 2016. Dosarul nr.1-475/15 (12-1-7918-06082014)
15. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 20 ianuarie 2016. Dosarul nr.1-230/15
16. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 21 ianuarie 2016. Dosarul nr.1-742/15
17. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 25 ianuarie 2016. Dosarul nr.1-112/15
18. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 25 ianuarie 2016. Dosarul nr.1-389/15
19. Sentința Judecătoriei Botanica, mun. Chișinău, din 26 ianuarie 2016. Dosarul nr.1-29/16

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Я, нижеподписавшаяся, заявляю под личную ответственность, что материалы, представленные в докторской диссертации, являются результатом личных научных исследований и разработок. Осознаю, что в противном случае, буду нести ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Стадницки Лилия

Подпись:

CURRICULUM VITAE

ФИО Стадниcki Лилия Михайловна

Дата и место рождения: 28 апреля 1982 г.

с. Чобручи, Слободзейский район, Республика Молдова

Образование:

2008- по настоящее время– Докторантура, Институт Правовых и Политических Исследований Академии Наук Молдовы, специальность 554.03. Уголовно процессуальное право;

2006-2007 – Магистратура, Славянский университет Республики Молдова; специализация – Международное право;

2002-2006 – Лицензиат, Славянский университет Республики Молдова, Юридический факультет.

1999-2002- ПГУ им. Т.Г. Шевченко, Медицинский факультет

1989-1999– Средняя школа №3, с. Чобручи

Профессиональная деятельность:

09.2016 по настоящее время преподаватель кафедры публичного права юридического факультета Европейского Университета Молдовы (USEM)

09.2007- 06.2016 - преподаватель кафедры публичного и частного права юридического факультета Славянского Университета Республики Молдова

10.2011 – 08.2016 - заместитель декана юридического факультета Славянского Университета Республики Молдова

02.2008-10.2011- заместитель декана экономического факультета Славянского Университета Республики Молдова

09.2007-02.2008 -помощник декана экономического факультета Славянского Университета Республики Молдова

09.2006-09.2007- секретарь приемной Славянского Университета Республики Молдова

Область научных исследований:

Уголовное право, уголовно процессуальное право

Участие в международных и национальных научно-практических форумах и конференциях:

1. **2009 г. 16-17 апреля, г.Кишинев, Республика Молдова:** Итоговая научная конференция преподавателей, докторантов, мастерантов и студентов по результатам научно – исследовательской работы за 2008 – 2009 учебный год, проходившая в Кишиневе под эгидой Славянского университета Республики Молдова «Развитие гражданского общества и правового государства Республики Молдова. Молдавская государственность: история, реальность и перспективы», участие.

2. **2010, 15-21 апреля, г. Кишинев, Республика Молдова:** Научная конференция студентов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей по итогам научно – исследовательской работы за 2009 – 2010 учебный год, проходившая в Кишиневе под эгидой Славянского университета Республики Молдова «Актуальные проблемы современности: научный поиск и пути решения». Тема научного доклада: «Принципы деятельности прокурора в суде первой инстанции в Республике Молдова при рассмотрении уголовных дел»;

3. **2010, 27-28 декабря, г. Бельцы, Республика Молдова:** Международная научно-теоретическая конференция «Importanța instituțiilor democratice în asigurarea

drepturilor omului». Тема научного доклада «Роль прокурора в обеспечении защиты права собственности в Республике Молдова»;

4. 2011, 31 марта, г. Кишинев, Республика Молдова: Conferința științifico internățională anuală a doctoranzilor și a tinerilor cercetători. «Edificarea statului de drept și punerea în valoare a patrimoniului cultural și istoric al Moldovei în contextul integrării europene». Тема научного доклада «Задачи и функции прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: проблемы теории и практики»;

5. 2011, 11 мая, г. Кишинев, Республика Молдова: Научно-практическая конференция, посвященная 60-летию Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, проходившая под эгидой Славянского университета Республики Молдова. Тема научного доклада: «Принцип презумпции невиновности: теория и практика его реализации в уголовном судопроизводстве Республики Молдова»;

6. 2011, 19-20 мая, г. Кишинев, Республика Молдова: Научная конференция студентов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей по итогам научно – исследовательской работы за 2010 – 2011 учебный год, проходившая в Кишиневе под эгидой Славянского университета Республики Молдова «Актуальные проблемы современности: научный поиск и пути решения», участие;

7. 2012, 27 января, г. Кишинев, Республика Молдова: Conferința internațională științifico -practică, «Procuratura Republicii Moldova la 20 ani. Rolul și locul Procuraturii într-un stat de drept». Тема научного доклада «Проблемы законодательного закрепления института отказа от обвинения в УПК РМ»;

8. 2012, 10-11 апреля, г. Кишинев, Республика Молдова: Научная конференция студентов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей по итогам научно – исследовательской работы за 2011 – 2012 учебный год, проходившая в Кишиневе под эгидой Славянского университета Республики Молдова «Актуальные проблемы современности: научный поиск и пути решения», участие;

9. 2014, 28-29 марта, Кишинев, Республика Молдова: Международная научнопрактическая конференция. «Правовые реформы в постсоветских странах: достижения и проблемы». Тема научного доклада «Проблемы законодательного регулирования деятельности прокурора в суде первой инстанции»;

10. 2014, 10-11 апреля, г. Кишинев, Республика Молдова: Научная конференция студентов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей по итогам научно – исследовательской работы за 2013 – 2014 учебный год, проходившая в Кишиневе под эгидой Славянского университета Республики Молдова «Актуальные проблемы современности: научный поиск и пути решения», участие;

11. 2014, 7-8 ноября, г. Кишинев, Республика Молдова: Международная научнопрактическая конференция «Правовые реформы в Молдове, Украине и Грузии в контексте евроинтеграционных процессов». Тема научного доклада «Роль прокурора в предварительном заседании суда первой инстанции в уголовном судопроизводстве Республики Молдова»;

12. 2015, 2-4 апреля, Кишинев, Республика Молдова: Научная конференция студентов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей по итогам научно – исследовательской работы за 2014– 2015 учебный год, проходившая в Кишиневе под эгидой Славянского университета Республики Молдова «Актуальные проблемы современности: научный поиск и пути решения», участие.

Научные публикации:

1. Федосьева Л.М. Принципы деятельности прокурора в суде первой инстанции в Республике Молдова при рассмотрении уголовных дел. В: Актуальные проблемы современности: научный поиск и пути решения. Сб. материалов науч.конф. студентов,

аспирантов, мастерантов, молодых ученых и преподавателей по итогам научно - исследовательской работы за 2009-2010 учебный год. Chişinău: «Valinex» SRL, 2010, с.95-100 [0,31 п.л.];

2. Федосьева Л.М. Роль прокурора в обеспечении защиты права собственности в Республике Молдова. В: Importanța instituțiilor democratice în asigurarea drepturilor omului. Materialele conferinței teoretico – științifice internaționale., 27-28 decembrie 2010, mun. Bălți/Bălți: S.n., 2011. Tipogr. «Elena-V.I.» SRL. p.143- 152 [0,68 п.л.];

3. Федосьева Л.М. Задачи и функции прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: проблемы теории и практик. В: Edificarea statului de drept si punerea în valoare a patrimoniului cultural si istoric al Moldovei in contextul integrării europene. Materialele conferinței științifice internaționale anuale a doctoranzilor si a tinerilor cercetatori. Vol. II. Drept National, Ed. a V-a, 31 martie 2011, Chişinău.-Ch.: S.n., 2011. Tipogr. «Artpoligraf.» SRL. p.129-141 [1 п.л.];

4. Тудор Осояну, Лилия Федосьева, Проблемы законодательного закрепления института отказа от обвинения в УПК РМ. В: Procuratura Republicii Mldova la 20 ani. Rolul și locul Procuraturii într-un stat de drept. Materialele conferinței șt.-practice, Chişinău 27 ian., 2012.- Tipogr. «Elena-V.I.» SRL.p.81-90 [0,56 п.л.];

5. Федосьева Л.М. Принцип презумпции невиновности: теория и практика его реализации в уголовном судопроизводстве Республики Молдова. В: Закон и жизнь. 2012, №5. с. 45-51 [0,68 п.л.];

6. Федосьева Л.М. Правовая природа государственного обвинения в суде первой инстанции. В: Вестник Славянского университета. 15-ЛЕТИЮ Славянского университета посвящается. Кишинев: Славянский ун-т, 2012, с. 256-266 [0,5 п.л.];

7. Стадниcki Л. М. Роль прокурора в предварительном заседании суда первой инстанции в уголовном судопроизводстве Республики Молдова. В: Правовые реформы в Молдове, Украине и Грузии в контексте евроинтеграционных процессов. Материалы международной научно-практической конференции., 7-8 ноября 2014, Кишинев, р. 194-197 [0,24 п.л.];

8. Стадниcki Л.М. Проблемы законодательного регулирования деятельности прокурора в суде первой инстанции. В: Материалы международной научно-практической конференции. Правовые реформы в постсоветских странах: достижения и проблемы. Кишинев. 2014, р. 323-326 [0,24 п.л.];

9. Стадниcki Л.М. Законодательные основы поддержания прокурором государственного обвинения в ходе судебного расследования на основе УПК РМ. В: Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. Ежеквартальный научно-практический журнал. 2015, № 1 (13), с. 237-245 [0,47 п.л.]. <http://www.skgi.ru/about/vestnik-severo-kavkazskogo-gumanitarnogo-instituta>

10. Стадниcki Л.М. Проблема определения цели участия прокурора в суде первой инстанции в современном уголовном судопроизводстве Республики Молдова. В: Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. Ежеквартальный научно-практический журнал. 2016, № 1 (17), с. 309-315 (0,41 п.л.). <http://www.skgi.ru/about/vestnik-severo-kavkazskogo-gumanitarnogo-instituta>

Общий объем – 5,09 п.л.

Языки:

Русский – родной

Молдавский – средний уровень

Английский – средний уровень

Контактные данные:

Адрес: мун. Кишинэу, ком. Будешть, ул. Кишинэулуй 17, Республика Молдова

Телефон: 022 418806, 068591851, 079710394, e-mail: dosya@list.ru